

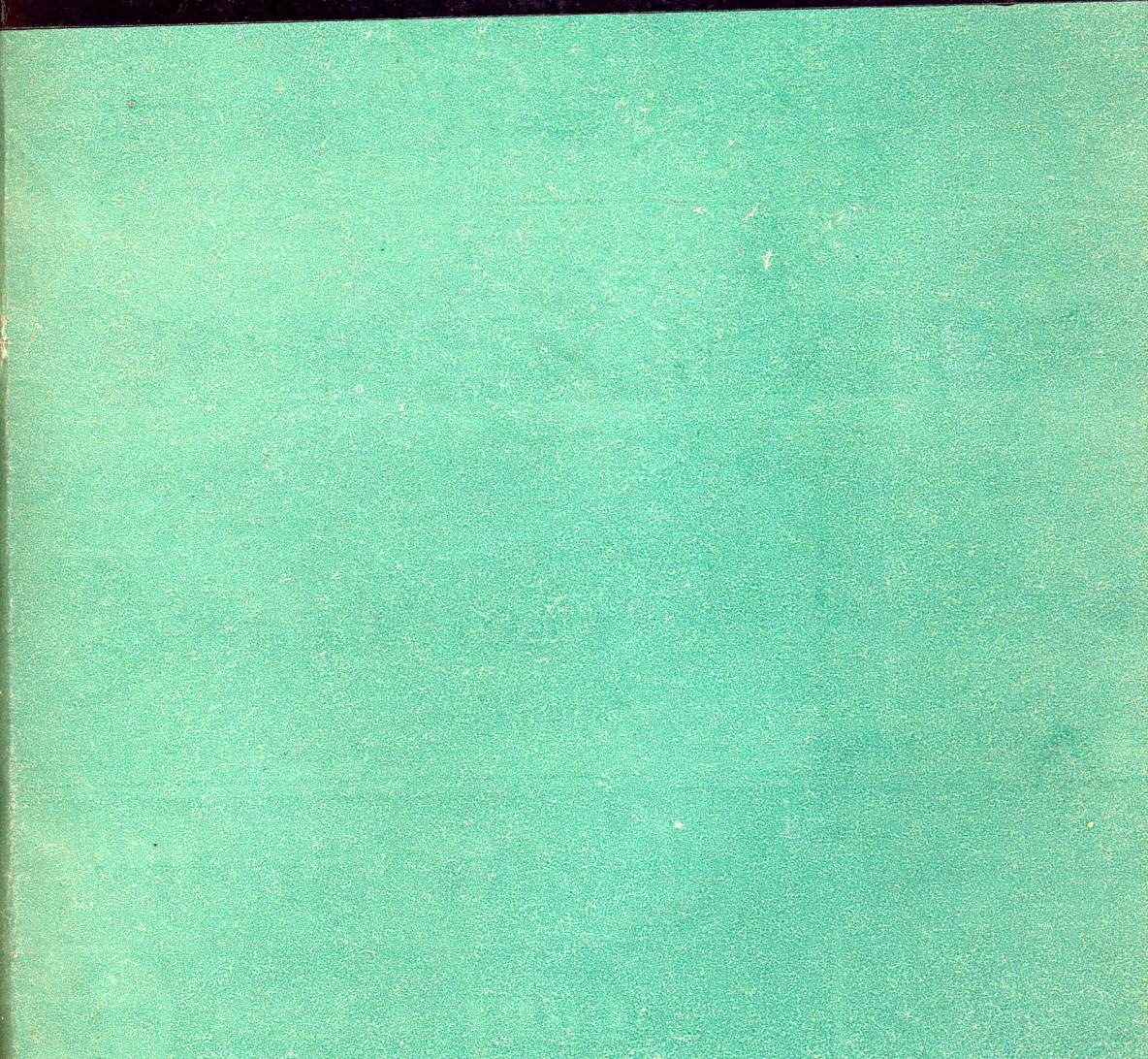
10.335
1963/2

№ 3 • 1963

საქართველოს
ხალხთა ბიბლიოთეკა

литературная рузия

10.335 /
1963/2

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

литературная **Г**рузия

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ ● ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОМ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

085-27

3

ВЛАДИМИР МАЧАВАРИАНИ. За партийность и народность литературы и искусства	3
ГЕОРГИИ ЛЕОНИДЗЕ. Одним огнем... Ты и Светицховели. «У речки Веры, на песке...» Дуб на берегу моря. Стихи. Переводы с грузинского Е. Николаевской и Б. Лившица	13
ДЕМНА ШЕНГЕЛАЯ. Млечный путь. Повесть. Авторизованный перевод с грузинского А. Беставашвили	15
МАКВАЛА МРЕВЛИШВИЛИ. Цвети, отчизна! Стихи. Перевод с грузинского Ел. Аксельрод	53
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВСКАЯ. Тбилисский день. «Все позабудется...» Стихи	53
МЕДЕЯ КАХИДЗЕ. Матери-земле. Хозяину гор. Стихи. Перевод с грузинского В. Тура	54
РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Вдова солдата. Роман. Перевод с грузинского Л. Громеко и М. Квливидзе. Продолжение	55

ОЧЕРКИ

ИЯ МЕСХИ. Тепло человеческое	72
РИММА КАНДЕЛАКИ. Летопись земли и моря	76
НАТАЛЬЯ ПИЧКОВА. Солнце в ладонях	79

См. на обороте

МАРТ

1963

ИСКУССТВО

ЕЛЕНА АХВЛЕДИАНИ. Петре Оцхели 81

ПУБЛИЦИСТИКА

ИЛЬЯ ДУБИНСКИЙ. Народный контроль 82

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

МАРК ТРАСКУНОВ. Новое о Д. Фурманове 88

Редактор МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

**И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), М. ЗЛАТКИН,
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Владимир МАЧАВАРИАНИ

За партийность и народность литературы и искусства

Если вдуматься в разногласия, возникшие в начале века у В. И. Ленина и его соратников с другими представителями социал-демократической мысли, в первую очередь бросится в глаза страстная борьба Ильича за чистоту, четкость, определенность, бескомпромиссность идеологических, теоретических основ социал-демократической партии в России. Со всей ясностью эта позиция выражена в гениальной ленинской работе «Что делать?». Как известно, против экономизма боролся не только В. И. Ленин, но и вся редакция старой «Искры», однако никто не ставил так **конкретно и четко** вопросы идеологической борьбы пролетариата, как Владимир Ильич.

Величие В. И. Ленина заключалось в умении гениально ориентироваться в **конкретных исторических** условиях России. Если Г. В. Плеханов в начале своей социал-демократической деятельности мастерски пропагандировал общие идеи марксизма, то В. И. Ленин пропаганду, агитацию общих истин революционного марксизма всегда связывал с реальными задачами пролетариата в конкретных условиях разных фаз и разных этапов развития освободительной борьбы самых широких демократических слоев. Он не раз указывал, что из трех форм освободительной борьбы рабочего класса, широких масс трудящихся — экономической, политической и идеологической — ни одна не имеет приоритета, ибо все они диалектически взаимосвязаны; поэтому нельзя отрывать экономическую борьбу рабочего класса от его политических задач и вести экономическую и политическую борьбу в отрыве от идеологической, направленной не только против открытой реакционной буржуазной идеологии, но и против либерализма, обывательски-мещанского благодушия, мелкобуржуазных анархических псевдореволюционных фраз.

Необходимо подчеркнуть многократно повторяемую на протяжении десятилетий мысль Ильича о том, что «без революционной теории не может быть и революционного движения». В. И. Ленин всегда самым решительным образом боролся против какого бы то ни было понижения теоретического уровня, теоретической мысли. Теоретическая мысль партии охватывала все многообразие духовной деятельности человека. В более поздние годы, в период реакции в России, когда К. Каутский и многие его российские последователи готовы были «совместить» махизм, эмпириокритицизм с марксизмом, разглагольствуя о необходимости «учета достижений теоретической физики и революции в естествознании», В. И. Ленин единственный в международной социал-демократии считал своей первейшей партийной обязанностью разоблачить идеалистические извращения в рядах социал-демократии, показать реакционную сущность модных философских идеалистических течений.

Некоторые представители международной и русской социал-демократии и тогда не прочь были проповедовать гнилую, архиреакционную мысль о «сосуществовании» двух идеологий в рабочем движении. В. И. Ленин со всей силой своего гения обрушился на этих капитулянтов, убедительно доказав, что компромиссы, временные соглашения, имеющие в виду конечные интересы пролетариата, возможны в области политики, в сфере экономических взаимоотношений классов, но они невозможны в идеологии, в теории, так как ликвидируют основу, фундамент, на котором стоит пролетариат как класс, представляющий собой могучую силу общественного развития общества. Так было на протяжении всей истории нашей партии. Величие ленинизма в том, что он всегда находился на уровне теоретических достижений века, своего времени, вникал в глубины науки, исходил в первую очередь из интересов освободительной борьбы рабочего класса. Если иным социал-демократическим партиям и свойственно было игнорирование теоретической формы борьбы рабочего класса, которое неизменно приводило к укреплению буржуазного влияния на рабочее движение, то В. И. Ленин, большевики всегда особое внимание уделяли всем видам теоретической борьбы, разрабатывая и экономические, и философские, и эстетические, и этические стороны революционной марксистской мысли. Отнюдь не случайно, что в наследии В. И. Ленина мы и сейчас, строя коммунистическое общество, находим ответы на многие волнующие нас вопросы.

Построение коммунистического общества предусматривает решение триединой задачи: создание материально-технической базы коммунизма, развитие коммунистических общественных отношений и формирование нового человека. Все эти стороны должны осуществляться одновременно. Совершенно ясно, что вне воспитания нового человека невозможно успешное решение грандиозных задач строительства коммунизма.

В сокровищнице марксистской эстетической мысли, в работах В. И. Ленина развиты те основные положения, которые и сейчас являются путеводной звездой, помогающей воспитывать эстетические идеалы и вкусы строителя коммунизма.

В свою очередь, в деле формирования сознания человека будущего, огромная роль отводится одной из важнейших сфер его духовной деятельности — литературе и искусству. Отсюда понятно то особое внимание, которое партия уделяет сейчас вопросам развития литературы, кино, живописи, музыки и других видов творческой деятельности человека.

Культурная революция в нашей стране подняла миллионы, десятки миллионов людей из бездн незнания на самые высокие вершины человеческой мысли. Сейчас, в эпоху развернутого строительства коммунистического общества, само понятие народ, народность впервые приобретают действительно соответствующее этому понятию значение. А. С. Пушкин, нарисовав трагедию Бориса Годунова, заключил свое произведение самой трагедийной фразой-ремаркой — «народ безмолвствует». Теперь народ заговорил громким голосом. Художник, в какой бы области он ни творил, не может игнорировать это обстоятельство. Народ своими руками начал творить свою историю. Творить историю — значит создавать и духовные ценности, воздействовать активным восприятием, своим отношением ко всему, что делает художник.

Здесь уместно вспомнить и о традициях русской литературы, а также литературы и культуры других народов. Едва ли в какой-либо другой стране столь широко была развита гражданственность, социальность в искусстве, в литературе не только русской, но, к примеру, в украинской, армянской, грузинской, польской и других народов, проживающих в границах Русской империи. Конечно, любая литература, любое искусство любого народа, если они действительно отвечают этим высоким понятиям, ставят и решают большие социальные проблемы. Никто не сомневается в том, что и Сервантес, и Гёте, и Шиллер, и Мильтон и многие другие писатели решали глубочайшие социальные вопросы, но делали они это как бы в более отвлеченно-философском аспекте. В. И. Ленин еще в 1902 году писал: «Национальные задачи русской социал-демократии таковы, каких не было еще ни перед одной социалистической партией в мире... мы хотим указать, что **роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.** А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов, пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература» (В. И. Ленин. Сбор. соч. Изд. 4-ое, т. 5, стр. 342).

Эта мысль В. И. Ленина целиком основана на учете своеобразия исторического процесса в России и специфической роли литературы в общественной жизни страны. Передовые русские писатели (писатели всех народов России), как нигде в мире, считали себя идейными представителями народа. «Литература у народа, — писал Герцен, — не имеющего политической свободы, — единственная трибуна, с высоты которой он может услышать крик своего негодования и своей совести», М. Горький отмечал, что передовая русская литература всегда отличалась «страстным стремлением к решению задач социального бытия» (Цит. по работе: Б. Мейлах. Ленин и проблемы русской литературы. М., 1951, стр. 7).

Этой великой традиции, веками выработанной в творчестве писателей, художников, всех деятелей культуры нашей страны, абсолютно чуждо утверждение современной декадентской, формалистической философии о том, что эстетическое в человеке лежит, якобы, где-то в глубинах иррационального, индивидуально-обособленного внесоциального его бытия. Вся эта субъективистско-мистическая концепция бесконечно чужда не только активно-материалистической философии марксизма-ленинизма, но и природе, истории, традициям литератур народов России, литературе и искусству русского народа. Декадентско-формалистическая концепция искусства, литературы взята сейчас на вооружение всей империалистической реакцией и является чрезвычай-

но острым оружием в борьбе с прогрессом, демократией, с миром социализма. Декаденты и формалисты в современном реакционном буржуазном искусстве, одним из разновидностей которого является абстракционизм самых разных аспектов в станковой живописи, в первую очередь, как об этом заявляют сами его адепты, апеллируют к инстинктам, к атавистическим пережиткам в психической структуре человека, дезорганизуют его волю, пытаются вырвать его из социальной среды и втянуть в мир индивидуальных биологических импульсов; и все это прикрывается бесшабашной демагогией о свободе личности и т. д. и т. п. Для человека неискушенного, плохо ориентирующегося в сложных проблемах психологии творчества, человека, лишенного устойчивых теоретических партийных воззрений, вся эта абракадабра, на первый взгляд, может показаться оригинальной, и кое-кто, возможно, попадет на эту удочку, закинутую к нам далеко не по соображениям эстетическим, а для осуществления своих идеологически-диверсионных, политических задач.

Нельзя пройти мимо замечания одного молодого советского поэта, которого мы все знаем как человека, отмеченного очень интересным и своеобразным талантом. На вопрос корреспондента французского литературного еженедельника «Леттр франсез», что он думает об абстрактном искусстве, последовал такой ответ: «Абстрактной живописи не существует. Есть хорошая и плохая живопись. Тоже самое нужно сказать о реалистической живописи»!! Автор этих слов самое понятие хорошего, к сожалению, воспринимает метафизически и абстрактно, забывая, что качественные оценки фактов искусства вне установления их философско-эстетической основы и общественной функции, мягко выражаясь, не соответствуют общепринятой научной методологии.

Одной из самых распространенных форм демагогии представителей формалистско-декадентской философии является утверждение, что именно их искусство способствует открытию нового видения мира, что их искания соответствуют новому строю чувств и мыслей нового человека, нового атомного века — периоду смещения понятий времени, пространства, массы, вещества, энергии. Некоторые теоретики современного декаданса утверждают, что классическая живопись, музыка, литература не могут отразиться в радаре сложного комплекса психики современного человека, что между ним и классическими формами искусства не устанавливается, пользуясь понятием, принятым в кибернетике, «обратная связь». Кое-кто из французских и американских буржуазных эстетиков готов признать, что работы, например, абстрактных экспрессионистов или сюрреалистов-абстракционистов — это эксперимент, который, возможно, и не удался, но возражение против экспериментирования в живописи приводят к обскурантизму и ретроградству.

В этом аргументе можно и нужно разобраться. Кстати, такая постановка вопроса далеко не нова. Во-первых, на протяжении всей истории человечества, для каждого данного поколения людей, любое большое открытие являлось столь революционным, что резко меняло и строй его чувств, и строй его мыслей. Представьте себе первого человека, овладевшего огнем (для него это было, наверное, событием не менее потрясающим, чем полет человека в космос), или людей, приручивших электрическую энергию или впервые совершающих путешествие на машинах паровой тяги. Думаю, первое применение огнестрельного оружия произвело на человека той эпохи не менее ошеломляющее впечатление, чем использование атомной энергии в военных целях.

Все эти процессы, имевшие место в прошлом и ныне происходя-

шие у нас на глазах, как уже говорилось, **непосредственно** не находят своего отражения в фактах искусства и литературы. Признавая, что эстетические феномены вырабатываются в лаборатории не мистически, а материалистически понятого сложного психического процесса, то и тогда невозможно доказать, что, например, социологически-эстетическая концепция распада личности непосредственно связана с распадом атома урана или цепной реакцией в атомном реакторе. Это было бы проявлением того вульгарного социологизма, против которого так ожесточенно восставали Маркс, Энгельс, Ленин. Можно доподлинно, документально засвидетельствовать, что Кандинский начал абстракционистские эксперименты ничего не зная ни об общей, ни о частной теории относительности Альберта Эйнштейна, тем более не имея никакого представления о квантовой теории Нильса Бора или об исследованиях Гейзенберга и Отто Гана. К области мистификации нужно отнести утверждение, что художник только каким-то, никому неизвестным шестым чувством, своими путями идет к тем же открытиям, к которым путем эксперимента доходят ученые.

Эта наивная и упрощенная точка зрения проникла в сознание и некоторых наших весьма популярных молодых русских поэтов. Один из них, декламируя свои стихи под аккомпанимент реактивных двигателей в салоне ТУ-104, утверждал, что для молодой советской поэзии, с формальной стороны, ритм стиха имеет первостепенное значение. Развивая эту мысль своего коллеги, другой не менее популярный поэт считает, что «наряду с ревом реактивных самолетов, существуют и вздрагивания и сотрясения современных городов. Поэзия должна отразить ритмическую пульсацию нашего времени, нашей планеты». Как известно, больше полувека тому назад, когда в природе не существовало рева реактивных двигателей, подобные мысли в своих декламациях провозглашали итальянские и некоторые русские футуристы, дадаисты, конструктивисты. Но давность мысли не есть признак ее правильности и точности. Психика современного человека, весь его внутренний, эмоциональный мир, гораздо более многогранен и сложен, чем это казалось Маринетти и сейчас представляется некоторым современным молодым поэтам. Реальный, а не выдуманный человек нашего времени, со сложной психической структурой, гармонически совмещает в себе и ритм нового времени и радость созерцания идиллии лугов, прерий, полей, в ряде случаев он даже бежит от «ритма» капиталистической цивилизации на лоно природы. Не одним ревом реактивных двигателей жив современный человек. Эту конкретную жизнь отражает реальный литературный процесс.

Гениальный творец-художник, основываясь на большом человеческом опыте, обобщая и перерабатывая его в своей творческой лаборатории, предвидит события, главным образом, **общественной** жизни, видит дальше и глубже, так сказать, простых смертных, но весь этот процесс **непосредственно** не связан с уровнем развития технических наук, достижений естественно-научных дисциплин. Скорее всего, творец-художник берет себе на вооружение и вскрывает чутьем художника те закономерности, которые установлены наукой об обществе. Творческую атмосферу художнику в широком смысле этого слова создает в основном общественное бытие, а не техника, как составная его часть, не уровень ее развития, каким бы ошеломляющим он не был на данном отрезке времени. Абстракционизм, додекафоническая музыка, шизофреническая заумь Эрзы Паунда порождены не распадом урана и открытием плутония, не цепной реакцией, а распадом буржуазного, империалистического общества, страхом буржуа, которому гибель его

общественного строя представляется новым всемирным потоком. Этому буржуа мерещатся метаморфозы в духе, совсем не абстракциониста Сальвадоре Дали, буржуа этот мечется от одной крайности к другой, он ищет самозабвения в экстравагантно-сексуальных эротических конвульсиях, которые никак не подходят под понятие танца. Этот буржуа, конечно, не прочь свое представление о мире привить идеологически не выдержанной, не имеющей жизненного опыта, падкой на моду, некоторой части нашей молодежи. Свое апокалипсическое видение мира буржуа хочет навязать всем. Но строителям нового мира не к чему брать на вооружение страха уходящего мира.

Допустим, что те великие технические преобразования, имеющие историческое значение, которые сейчас происходят на глазах у нашего поколения, действительно тут же безо всяких опосредствований должны найти свое отражение в различных отраслях литературы и искусства. Где и кем это доказано, на каком фактическом материале установлено, что большие общественные и технические сдвиги, происходящие в мире, не могут быть отражены в новаторских формах именно реалистического искусства, в произведениях социалистического реализма. Думается, что стихи, например, Ираклия Абашидзе, Симона Чиковани или Анны Каландадзе, написанные ритмом, размерами, характерными для нашего века, очень хорошо передают надежды, радости и тревоги человека нового времени.

Пока литературный процесс доказал обратное тому, что проповедают декадентствующие эстеты. Великие сдвиги, происшедшие у нас на Родине, нашли свое отражение не в стихах Хлебникова, Бурлюка или имажинистов, а в творчестве В. Маяковского, А. Блока, М. Шолохова, А. Фадеева, и, если говорить о Грузии, в произведениях Г. Табидзе, М. Джавахишвили, К. Гамсахурдиа, Л. Киачели, Н. Лордкипанидзе, К. Лордкипанидзе, Д. Шенгелая и многих других. Мир страждущей и думающей Америки мы познали из книг таких писателей, как Драйзер, Хемингуэй, Фолкнер, а также Стейнбек и Колдуэлл. Великая трагедия и надежда Германии нами почерпнуты у Томаса Манна; Италия наших дней во всей своей печали, горести и страсти нами узнана у их выдающихся кинематографистов; пусть этот мир поначалу они воспринимали несколько пассивно, созерцательно, лишь констатируя факты и не утруждая себя поисками выхода из страха и нужды, но все же итальянские кинематографисты, а вместе с ними Ренато Гуттузо показали нам Италию, которую мы поняли и полюбили. Вечный дух исканий, романтического взлета французского гения мы обнаружили у бессмертного Антуана Сэнт-Экзюпери, Роже Мартэн дю Гара, но не у «разрушителей романа» и прочих модников, проза и стихи которых живут меньше времени, чем платья знаменитого французского модельера Диора. А ведь все перечисленные писатели — это не модернисты и не декаденты, а реалисты самых различных авторских почерков, стилей и направлений.

В. И. Ленин в заключении своего труда «Материализм и эмпириокритицизм» гениально заметил: «За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма (мы сейчас сказали бы декадентско-реакционной философией, эстетикой наших дней — В. М.) нельзя не видеть борьбы партий и философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как две тысячи лет тому назад. Борючись партиями по сути дела, прикрываемой гелертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, является материализм и идеализм. Последний есть только утон-

ченая, рафинированная форма фидензма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли» (В. И. Ленин. Собр. соч. Изд. 4-ое, т. 14, стр. 343).

Сказано не в бровь, а в глаз, и обращено не только к эмпирикритикам, но и ко всем фидеистам, идеалистам, ко всем тем, кто как в прошлом, так и в настоящем проявляет хоть малейшее шатание философской, эстетической мысли.

Современные декаденты, мистики, эстетствующие мракобесы любят часто повторять набившее оскомину утверждение со ссылкой на историю искусства и литературы, что, мол, и в настоящем, и в прошлом новые направления, новые школы, новаторские стилевые приемы не сразу стали доступны массам. Причем напоминают холодный прием, оказанный симфониям Бетховена, непризнание импрессионистов, скандал с премьерой оперы «Кармен» Бизе и т. д. и т. п. И этот аргумент малосведущим людям может показаться неопровержимым. Разберемся по существу в этом вопросе. Кто не признавал Бетховена, кто освистал Бизе, кто осмеивал Маяковского? Широкие ли демократические массы народа или аристократическая выродившаяся прослойка общества, которой классово чужд был демократический дух гениального Бетховена, которая чуралась народности музыки Бизе и всенародного размаха поэтического гения В. Маяковского? Кто преследовал Л. Н. Толстого, народ или тугоумные чиновники русского самодержавия? Кто хранил в веках память Руставели, народ или мракобешующие клерикалы, сжигавшие на кострах «Витязя в тигровой шкуре»? Вне классового анализа призвания, популярности того или иного творца мы скатимся к самой что ни на есть вульгаризации, упрощенчеству, ничего не пойдем ни в прошлом, ни в настоящем искусства или литературы. Стоит ли здесь напоминать простейшую истину, что без элементарных знаний, без развитого эстетического вкуса нельзя понять гениальных творений Бетховена, Шекспира, Достоевского и др. Ретрограды и обскуранты были, есть и, наверное, еще пока будут пребывать на нашей грешной земле; но они не создают творческой атмосферы понимания и любви, без которых так трудно творить деятелям литературы и искусства.

Абстракционизм в станковой живописи, додекафонические опусы в музыке, заумь в литературе уже насчитывают по меньшей мере полудекафоническую историю. Пора уже было бы принять и понять её народу. Но нет этого признания и в помине; залы Эрмитажа, Лувра, Национальной галереи и Галереи Тейта в Лондоне, выставки классической живописи в Америке в любое время дня и даже ночи полны народу. Пишущему эти строки так и не удалось толком посмотреть Джоконду Леонардо да Винчи в Лувре — нельзя было к ней подступиться; а вот залы с экспозицией современного искусства в Париже пусты, по залам, где выставлены абстракционисты, прогуливалось около десяти человек, причем девять из них были американские туристы, а десятым оказался я. То же самое повторилось в Лондоне, в Бирмингеме, в Брюсселе, в Берлине и других городах. Да, полвека — достаточное время для того, чтобы разобраться народу что к чему!

Декадентско-формалистические направления в искусстве, в первую очередь, абстракционизм в станковой живописи, модернистская музыка, заумно-иррационалистические новации в литературе по своему содержанию и форме антинародны, так как начисто отвергают национальную форму искусства; поэтому-то, кстати, они совершенно не-

доступны и никогда не будут доступны народу, ибо, как заметил В. И. Ленин, «интернациональная культура не безнациональна... Никто этого не говорил. Никто «чистой» культуры ни польской, ни еврейской, ни русской и т. д. не провозглашал» (В. И. Ленин. Собр. соч. Изд. 4-ое, т. 20, стр. 8). Теоретики современного абстракционизма как раз и ратуют за это, с позволения сказать, «чистое», лишенное национальной формы, искусство.

Правильно заметил один из исследователей, что в восприятии прекрасного обнаруживаются и национальные отличия, но они вытекают не из таинственных источников, а являются результатом длительной истории природы и жизни.

«Сознание, — говорит Маркс, — никогда не может быть чем-то иным, как только осознанным бытием, а бытие людей это реальный процесс их жизни» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., М., 1933, т. 4, стр. 16). Осознанное бытие человека протекает и в определенных природных, климатических условиях и они в какой-то степени, конечно, влияют на восприятие им прекрасного.

Н. С. Хрущев в своей речи на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 г. прекрасно сказал о том, что окружающая нас жизнь полна естественной, волнующей красоты, об огромном воздействии на эстетическое восприятие именно конкретного, реального своеобразия мира:

«В канун Нового года я возвращался в Москву из-за города. Весь день 31 декабря с самого утра я провел в лесу. Это был поэтический день, красивейший день русской зимы, именно русской зимы... потому что не везде такие зимы, как у нас в России...

Очень красив был лес в тот день. Красота его заключалась в том, что лес был покрыт пушистым инеем. Помню, в юности я читал какой-то рассказ в журнале «Огонек». Не припомню автора этого рассказа. в нем были такие слова: «милые серебряные тени». Автор описывал сад в зимнем убранстве...

Мне понравился рассказ, и сейчас хорошо сохранилось в памяти впечатление от него. Особенно мне понравилось описание деревьев в зимнем убранстве.

Сильное впечатление произвел на меня зимний лес накануне Нового года, так он был прекрасен. Может быть, тени и не были серебряными, у меня не хватает слов, чтобы выразить то глубокое впечатление, которое произвел на меня лес. Я наблюдал восход солнца, лес, покрытый инеем. Красоту эту могут понять только те, которые бывали в лесу и сами видели такие живые картины. Преимущество художника в том и состоит, что он может сам воссоздавать волнующие картины, но таким даром не каждый обладает.

Я сказал моим спутникам: вы посмотрите на эти ели, на их убранство, на эти снежинки, которые играли и блестели в солнечных лучах, как это удивительно красиво! А вот модернисты, абстракционисты хотя и эти ели вверх корнями рисовать и говорят, что это новое, прогрессивное в искусстве».

Один из французских теоретиков абстракционизма Жак Лассень пишет: «Искусство сегодняшнего дня рвёт с прошлым, даже ближайшим. Современные французские живописцы имеют самое различное происхождение. Парижская школа закована на ферментах всех отраслей искусства и всех народов». Этим, наверно, и объясняется, что на полотнах Суланжа, Эстева, Атлана, Базена, Бертоля, Боннара и других модернистов и абстракционистов вы не увидите неповторимую прелесть французского пейзажа, не уловите гальского характера оби-

тателей этой земли. В работах этих и других абстракционистов начисто исчезли великолепные набережные и мосты Сены, рассеянный свет старых мостовых Парижа, национальный, народный, типичный колорит Бургундии и Прованса, прелесть, изящество и грация французенки, ушел в небытие Кола Брюньон. Вместо этого на полотнах царствует недоступная разуму какофония красок, комбинация плоскостей и линий. На полотнах абстракционистов француз потерял свою Францию, вместе с ним ее потеряли все те, кто так любил землю Франции и ее обитателей. Вот почему так пусто в залах, где выставлена современная живопись и битком набит Лувр, залы, где выставлены наполненные поэзией полотна Миле, Коро, Фрагонара. Курбе, Моне, Мане, Ренуара, Пуссена. Если уж говорить о традициях большого искусства и литературы, это, в первую очередь, традиции гуманизма, веры в прогресс человечества, а защита национальной культуры, её гуманистических традиций имеет исключительно большое значение для всех народов.

Наше время — сложное и емкое — предъявляет для своего воплощения заказ на крупные синтетические произведения, в которых в ярких красках и образах гармонически сочетались бы трудовая жизнь людей, политика, философия, быт наполненного богатым содержанием современного общества. Все богатство нашей жизни могут отобразить лишь произведения, освобожденные от догматических, подражательских, эпигонских мыслей, действительно новаторские, отмеченные индивидуальным почерком, своеобразным стилем творца-художника. Надо ли доказывать, что искусство не может существовать без творческих поисков. Секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 7 марта 1963 года говорил: **«Сама природа социалистического реализма — в исканиях нового, художественно красивого, жизненно верного, осмысленного с позиции коммунистического мировоззрения».**

Вскоре после Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин, говоря о художественном творчестве, указывал: «...мы коммунисты. Мы не должны стоять сложа руки, и давать хаосу развиваться куда хочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты». Ни одна отрасль человеческой деятельности не может нестись по воле воли, носиться в будущем океане жизни без руля и без ветрил. Единственный верный рулевой — это Коммунистическая партия, конденсирующая в себе не только волю, но и коллективный разум и опыт народа.

В чем же состоит принцип партийности литературы? — спрашивал В. И. Ленин и отвечал: «Литературное дело должно стать **частью** общепролетарского дела... литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы»; «Спору нет, — писал Ильич, — литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата». И именно поэтому В. И. Ленин считает, что «литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы... Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, — пишет Владимир Ильич — Свобода буржуазного писателя,

художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания. И мы, социалисты, разоблачаем, срываем фальшивые вывески, для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией литературе противопоставить действительно свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу» (В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 27—31).

Осуществляя руководство сложнейшим по своему существу литературным творческим процессом, Коммунистическая партия Советского Союза никогда не изменяла ленинским принципам. Отметая административно-бюрократические, субъективистские методы в руководстве литературой, столь характерные для периода культа личности, восстанавливая ленинский стиль и методы руководства всей духовной и материальной деятельностью человека в нашем обществе, партия твердо проводит в жизнь ленинское учение о партийности, народности литературного дела.

Забота Центрального Комитета КПСС о дальнейших судьбах литературы и искусства, неоднократные выступления товарища Н. С. Хрущева о связи литературы и искусства с жизнью народа, его речь на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года продолжают и обогащают эстетические принципы марксизма-ленинизма, внедряют и укрепляют ленинские традиции руководства развитием искусства и литературы.

У речки Веры, на песке,
 На этом берегу
 Я в детстве бегал и зубрил
 Уроки на бегу.
 Кричала Вера мне сквозь тишь:
 — Так, на бегу, — не выучишь!..
 Не выучишь!.. Не выучишь!..
 И помню, срезали... Седой..
 Вдруг понял я сейчас:
 Не выучился жизни я,
 Срезали много раз..
 А Вера все кричит сквозь тишь:
 — Что утопил — не выудишь!
 Не выучишь!.. Не выучишь!..

Перевод с грузинского Е. Николаевской

ДУБ НА БЕРЕГУ МОРЯ

Одиноко шелестит он
 Черный дуб над Черным морем,
 Гролом столько раз испытан,
 Сколько есть у дуба трещин.

С щебетом морские птицы
 День и ночь над ним кружатся,
 В клювах принося частицы
 Пойманных на небе радуг.

Клювами по поднебесью
 Шаря, доставляют росы,
 Столько раз залившись песней,
 Сколько есть у дуба трещин.

Одиноко шелестит он,
 Черный дуб над Черным морем,
 Влагой волн насквозь пропитан
 Им разбитых голой грудью.

Дуб, как тигр стоит, грознее
 Тигра — только новый корень
 Выпускает, свирепея,
 После каждой схватки с морем.

Перевод с грузинского Б. Лившица

М л е ч н ы й п у т ь

П О В Е С Т Ь

Авторизованный перевод с грузинского А. Беставашвили

Звонко хлопая крыльями, вылетел из мелкоколосья фазан и факелом вспыхнул в небе. Упругой молнией взвился за ним сокол, и, слившись в клубок, они исчезли в чащобе.

Царь Вахтанг увидел, как они упали в горячий источник.

На этом месте, скалистом и прекрасном, он заложил город и назвал его Тбилиси.¹

По ту сторону Кавказских гор стоял туман. А с Понтийского моря и Ирана, Аравии и земли Хазарской, Балха и Каспия дули знойные ветры.

Корабли под раздутыми парусами и тяжелые галеры подходили к земле колхов и иберов. По медно-рыжим пустыням медленно плыли караваны верблюдов...

«Царь Дачи достроил стены тбилисские. Мцхета уმაлялась, Кала укреплялась. И, как повелел Вахтанг, сделалась тронным городом».

Мудрый араб Ибн-Хаукал в «Книге путей и царств» писал, что в девятом веке Тбилиси немногим уступал Дербенту. Город был обнесен высокой двойной стеной с тремя воротами. Он славился изобилием продуктов и дешевизной товаров. Благосостоянием своим превосходил прочие города. И так же, как в Междуречье, в Грузии были плавучие мельницы.

Вода в серных банях кипела без огня, и в утреннюю прохладу женщины с детьми, с медными тазами и запасом еды отправлялись туда на целый день посплетничать и развлечься.

Пестрый многоязыкий люд кишел на площадях и базарах, терся в лавках. Здесь сталкивались и перемешивались тысячи суеверий, рассказней и историй.

Гордые эриставы выходили из своих замков, чтобы явиться к царскому двору или купить какой-нибудь заморский товар. Спесивые и изнеженные, они с презрением глядели на городскую чернь, грязных нищих, питавшихся требухой на бойнях.

На улицах и в караван-сараях слонялись бездомные бродяги. Обойденные счастьем, они гнались за его тенью, — торговали всякой мелочью, вьючили верблюдов, шли в ученики к мастерам.

¹Название города происходит от грузинского слова «тбили» — теплый.

Ночью они спали под открытым небом, их сладко баюкала надежда на завтрашний день. Страна велика, будущее неведомо, кто знает, может им улыбнется судьба и они станут богатыми купцами или знатными вельможами...

Сколько несбыточных надежд, невыполнимых желаний срывалось под этими лохмотьями!

Обалдевшие от дневной сутолоки, они стонали во сне, и даже ночная прохлада не приносила им успокоения.

В молчании ночи под баюкающий звон бубенцов плыли верблюжьи караваны, плавные, как дремота. В город везли товары с Востока и из страны франков.

С незапамятных времен так текла жизнь. И теперь все было как прежде: лаяли псы, шли караваны...

Шурис-цихе и Метехи высоко вознесли на своих плечах синее небо, и в его глубине сверкали звезды.

Луна лила свое белое сияние на древние районы города — Сеидабад, Харпухи, Петхаин...

Глухо бормотала Кура, и сквозь туман, как сквозь тонкое покрывало, просеивался лунный свет.

1

С тех пор, как русские егеря перешли Дарьял, время словно сменило свое русло и ветры подули с другой стороны.

В городе появилась ученая молодежь, «испившая воды Терека». Она принесла с собой новую моду, и теперь редко кто одевался по-старому.

Городские парни вместо старых песен пели на улицах арии, завезенные итальянской оперой:

Фигаро здесь!

Фигаро там!

Дома и те строились на новый манер. Из заграницы повалил товар, и местным ремесленникам нечего было делать. Ушло и почтение к старым мастерам, упало бывшее величие цехов. Сундучники, чувячники и золотых дел мастера лишились покупателей, с каждым днем падала цена на их изделия.

Трудные времена наступили для мастеровых: нужда, безработица, безденежье.

Мастерские закрывались одна за другой. Их разорившиеся владельцы бродили в поисках заработка. Кто подавался на железную дорогу, кто на фабрики. Некоторые, покинув родной очаг, устремились в другие города. Многие же просто вышли на улицу с протянутой рукой. К тому же еще из сел хлынули голодные крестьяне, и час от часу становилось не легче!

По цеховым обычаям ученик три года работал у мастера бесплатно. Фабриканты извлекали выгоду и из этого правила: они вовсе эксплуатировали дешевый труд подмастерьев, которые гнули спину от зари до зари. Но хозяева на этом не успокаивались. Им мало было бесконечных штрафов, они бессовестно придирались к самым безукоризненным изделиям, и любой опытный мастер зарабатывал в месяц в лучшем случае девять-десять рублей.

Первые фабрики очень походили на расширенные мастерские, но постепенно они потеряли сходство с ремесленными цехами. В погоне за наживой предприниматели выписывали из заграницы машины и выбрасывали на улицу «лишних» рабочих.

Вместо цеховых стачек пошли «машинные» бунты. Рабочие разбивали станки, видя в них причину своих несчастий. Но жизнь нельзя было повернуть назад, она шла по новому пути.

Новый указ о налогах грозил горожанам окончательным разорением.

Взволнованные мастеравые явились с прошением к городскому голове. Но тот, не посчитавшись с ними, послал сборщика за налогом.

Весь город встал на ноги.

Наступило грозное июньское утро 1865 года. День был воскресный. Мастеровые сидели в закрытых лавках и с минуты на минуту ждали начала бунта.

И вот на улицах появились верховые — горячие головы, дюжие, как на подбор, парни.

— Бунт! Бунт! — кричали они, перебегая от духана к духану.

— Выходите! — Смутьяны колотили в двери пудовыми кулаками.

Сразу опустела извозчичья биржа, исчезли куда-то дрожки, водовозы бросили свои бочки, и пекари в этот день не выпекали хлеба.

В Харпухи, Сеидабаде, Гогило закрылись серные бани. И только над пустым Шейтан-базаром сиротливо развевался флаг, вывешенный в знак открытия воскресного рынка. Город притих, как перед грозой. Между пустыми прилавками разлеглись верблюды, оставленные без присмотра, и лениво прикрыв глаза, жевали жвачку.

Квартальные и приставы словно сквозь землю провалились.

На улицах толпился народ. Кузнецы, банщики, кожевники, шапочники — кого только здесь не было! Они наполняли подолы архалуков булыжниками, и воздух гудел от их угрожающих криков.

Закрывались на засовы духаны; отчаянные подмастерья с гиканьем вешали тяжелые замки на двери мастерских.

На балконах и плоских крышах стояли женщины и пронзительными криками подстрекали к бунту и без того разгоряченных мужчин.

На площади перед городской управой набилось столько народу, что яблоку негде было упасть. Наконец-то прорвалось возмущение, накопившееся за долгие годы.

— Они тебе не только мастерскую налогом обложат, но и воду, и двор, и воздух!

— Это все проделки кровопийц-хозяев!

— Выходите, держите ответ перед народом! — грозила толпа «отцам города».

Поспешил приехать сам генерал Орбелиани, прославленный поэт, мухамбази которого распевал весь город.

— Дети мои! — обратился он к бунтующим. — Успокойтесь! Закон этот не только для вас! Вот и я плачу налог за коня.

Кто-то крикнул ему из толпы:

— Чего ты с нами равняешься! Лошадь ты сам кормишь, а нас она кормит!

Не найдя ответа, Орбелиани повернул коляску к дому.

После обеда волнение усилилось. Подогретые вином люди становились грозными.

Когда городской голова отказался выйти к народу, горожане ринулись выламывать двери управы.

Но тут кто-то закричал:

— Чего нам громить казенное здание! Пошли к его дому!

— Пошли, ребята! — загудела толпа и повалила по Нагорной улице.

В доме не было ни души.

— Давай, бей! — зло сверкая глазами, закричал каменщик Минас Круашвили и пустил в окно первый булыжник.

Лиха беда начало! Буйной ватагой мастеравые ворвались в дом, ломая и круша все, что попадало под руки.

— Нечестно нажитое — добром не кончит! — Они выбрасывали из окон хрусталь и фарфор, кромсали кинжалами пестрые дорогие ковры. Рвали толстые книги с торговыми записями.

— По этим книгам они драли с нас шкуру!
Не пожалели и роля, выволокли его на балкон и с грохотом сбросили на мостовую.

Аппетит приходит во время еды. И народ со свистом и гиканьем свернул к дому сборщика налогов Важбеук-Меликова.

В районе Кукиа, на берегу Куры, их встретили стрельбой конвойные наместника. Многих ранило, но никто не повернул назад. Пролитая кровь только еще больше разожгла восставших.

Обыскав весь дом, они вытащили бледного от страха царского прихвостня и сбросили его со второго этажа.

К вечеру народ немного успокоился и разошелся по домам.

На следующий день правительство в страхе, что бунт перекинется в деревни, вызвало на помощь войска.

На авлабарских мостах, у Шейтан-базара, в Чугурети и Петхайне спешно расставили посты.

В город никто не выпускали.

Но восставшие не сдавались. Они собрались на старом заброшенном кладбище, куда женщины и дети носили им еду и вино.

Тонко заливалась зурна, не умолкали песни.

Вдруг Минас Круашвили вскочил на замшелую могильную плиту, топнул по ней ногой и надсадно закричал:

— Погубили вы нас, деды наши! Волю народа проморгали почему зря!

И, размахивая своими пудовыми кулачищами, он повернулся к толпе.

— Братья! Будем драться до последнего! Или погибнем, как собаки, или будем жить, как люди! Закроем мастерские! Оставим город без воды... без хлеба! Иначе так же, как мы сейчас на этих могилах ругаем своих отцов и дедов за то, что они, как быки, тянули свое ярмо, так и наши дети будут проклинать нас и топтать наши могилы! Мы не уступим! Бунт так бунт!

— Давай, Минас, давай!

— Сама правда говорит твоими устами! — поддерживали его с разных сторон.

— Лучше бы уступить... — качали головами старики, но горячая молодежь и слушать ничего не хотела.

И вот у бань Гогило загрохотали пушки, глухим басом отозвались орудия на Майдане.

Стрельба не прекращалась до вечера.

...Огонь восстания был задушен огнем.

Вместе с этим бунтом кончились для мастеровых старые времена и законы. Защищая своих братьев, сложил буйную голову Минас Круашвили. Он умер в далекой Сибири, одинокий, никем не оплаканный.

2

Как и во всех старинных городах, в Тбилиси никто не следил за чистотой и порядком. Мусор из караван-сарая, духанов и жилых домов выбрасывали прямо на улицы, туда же выливали помои. Мясники свеживали туши перед своими лавками, и голодные уличные псы жадно растаскивали внутренности. На базарах горой сваливали на землю овощи и фрукты. Тучами роились мухи и мошкара.

Каждое лето эпидемии уносили сотни людей. Люди умирали прямо на улицах. Охваченные ужасом горожане бросали дома и имущество, спасаясь от поветрий в окрестных деревнях.

Смерть не обошла и сиротевшую семью Минаса Круашвили. От всего рода остался один мальчик, и то потому, что мать вовремя о нем позаботилась и отправила к своему брату Шио Дарашвили.

Шио, золотых дел мастер, баловал племянника, любил его как родного сына.

А Габо, чем старше становился, тем больше походил на отца. Во

всей округе не было равного ему по силе. Каждое воскресенье он убегал в Чириант-хеви бороться с сильнейшими.

Парень и не думал братья за учение. Ничего не поделаешь! Шю продал лачугу Минаса и купил племяннику небольшой сад в Крданиси.

— Ты уже не маленький! Живи сам. Работай, не ленись... Шю продал у мастера дрожал, на глазах блестели слезы.

Габо принялся хозяйствовать. Развел огород, ухаживал за фруктовыми деревьями.

В жаркие летние дни к нему приходил молодой Отар Дарашвили.

Один читал, другой копался в земле. Потом они укрывались в тени и мирно беседовали.

Отар плохо знал жизнь. Он больше читал, чем видел. И увлеченно рассказывал брату разные истории.

— Ай-ай-ай! Ты только посмотри, как крутится эта чертова жизнь! Вот так, та-ак! — удивлялся Габо. По своей наивности он все услышанное принимал за чистую монету.

У Отара скоро появились новые друзья. И теперь он реже приходил к брату. Два-три раза Отар приводил своих дружков к нему в сад, и они говорили такое, что у Габо волосы на голове вставали дыбом.

Царя, говорят, не хотим, и без церкви обойдемся, не надо нам ни дукханов, ни денег, ни земли — ничего!

Габо слушал-слушал да не утерпел:

— Чего же вам надо, безбожники вы этакие!

Отар от души рассмеялся.

— Ты смотри, не проговорись нигде, а то пошлют тебя вслед за твоим отцом!

И Габо молчал. Постепенно он начал кое-что смекать и все внимательнее прислушивался к опасным разговорам.

— Вот оно, оказывается, какое дело! — пораженно твердил он, недоуменно качая головой.

— А ты ходишь темнота-темнотой! — упрекал его Отар.

— Что поделаешь! Не мое это дело — книжки читать! В свое время не учился, вот и остался чурбаном... — с сожалением отвечал Габо.

В ту осень почти вся группа молодежи, которая называла себя «Друзьями народа», была арестована. Какая-то счастливая случайность спасла Отара Дарашвили. Чтобы не оставаться на глазах у полиции, он уехал учиться в Россию.

Бедный Шю столько трудов положил, чтобы выучить сына, столько денег на него истратил, по горло увяз в долгах, все надеясь, что сын выбьется в люди, а тут вдруг...

Отар не избежал ареста и в России. За участие в студенческих волнениях он был выслан в Сибирь.

С тех пор радость навсегда покинула дом старого мастера. Шю раньше был не очень-то говорлив, а теперь и вовсе язык проглотил. Он перечитывал редкие письма от сына и дрожащими руками прятал в сундук аккуратно сложенные листки. Целыми днями сидел он в мастерской и работал, не жалея сил. Но однажды пошатнувшееся дело невозможно было восстановить. Шю все больше увязал в долгах и, наконец, нужда принудила его распустил учеников. Шю оставил только двоих — Ваню и Тедо. С первым были связаны надежды на будущее, со вторым — воспоминания о прошлом. Тедо Джаварашвили, своевольный и вспылчивый, которого боялись все товарищи, всегда доставлял ему особенно много хлопот. Гордый и тщеславный, он не пренебрегал ничем, чтобы добиться своего. Тедо всегда стремился быть первым — и в игре, и в работе. Изделия, вышедшие из-под его рук, напоминали его ладную внешность. Ему еще не было тогда и шестнадцати, а работал он лучше иных мастеров.

Но учитель не верил в прочность его легко приобретенной славы. Привычка все делать на скорую руку, раннее знакомство с базаром и щед-

рые подарки приучили юношу к легкому заработку. Постепенно ему стало нехватать одних только природных способностей. То, что другой выполнит бы в два счета, мучило его теперь целыми ночами. От неумения он стал неразумно растрчивать свои силы.

— Сынок, не гонись ты за дешевой славой! — поучал его мастер. Ты еще молод да зелен, голос у тебя не окреп, а ты за громкие песни берешься...

Обидно было мастеру: столько времени, сил потратил он на парня, а все-таки не мог положиться на него и передать ему все тайны своего искусства.

— Этот мир создан мастерами, — любил повторять Шио, — и нами же будет возрожден.

Но в душе он сам этому не верил. Он понимал, что мир стал теперь совсем другим, вовсе не похожим на тот, который создавали его предки.

Когда он оставался наедине с собой, его мучал стыд. Из поколения в поколение передавали Дарашвили высокое мастерство чеканщиков. А он пограл древнюю традицию и последнего отпрыска рода — своего единственного сына — отдал учиться на «дохтура», изменив памяти своих дедов.

В старинном сундуке, никому не нужный, томился фамильный агатовый перстень. Из тьмы далеких веков тлещно зывала старинная надпись: «Все, чего достигнет десница мастера, принадлежит ему».

В этой древней мастерской, в этих каменных стенах, проливая пот, трудились его знаменитые предки, которых на Востоке почтительно величали «Гюрджи-Дара».

Вот в этом горниле пылал огонь и плавился металл. Веками не угасало в предках Шио Дарашвили пламя вдохновения. Какие только изделия не выходили из-под их волшебных рук! Во все, к чему прикасались эти люди, они вдыхали трепет своего сердца и могучее бессмертие души.

Золоточеканнные иконы, ружья с серебряной насечкой, бронзовые чаши и блюда, витые подсвечники, высокогорлые кувшины, тончайшей работы ожерелья высоко ценились в древних городах. Ими были полны базары Двина и Трапезунда, Стамбула и Тавриза, Багдада и Исфгани. Самарканда и далекого Кара-Корума.

Слава о мастерстве Дарашвили дошла до слуха самого Ага-Магомет-хана. Увидев отобранную у пленницы-грузинки дорогую икону, не удержался хан и воскликнул:

— Валлах!

И сладкая улыбка разлилась по его безбородому лицу, и волнующая дрожь всколыхнула холодную кровь. Он не посмел счесть икону, держал ее при себе и пристально вглядывался в нежное лицо богородицы, осененное миндалевидными глазами. Четыре тяжелые косы падали на грудь, прикрывая младенца. Юная счастливая мать улыбалась таинственно и влекла к себе и не подпускала близко.

И царственный старец горько вздыхал и напрасно зывал к Аллаху.

В бессильном гневе он двинул орды на Тбилиси и приказал сравнять город с землей. Древние кварталы — Исани, Харпухи и Петхаин исчезли в дыму пожара.

Вечером, после намаза, хан со злобещей улыбкой смотрел на обжатый пламенем город. Его верные слуги разрушали те самые бани, которые не смогли излечить его от мучительного недуга.

От серных бань не осталось камня на камне, но источники все били из земли, горячие, сверкающие, обильные.

Среди развалин возвышался только дом Дарашвили. У хана не поднялась на него рука.

На замшелой стене, над дверью, выбитые на медной дощечке, звенели таинственные, словно заклятие, слова: «О лал, алмаз, луна златоликкая, войдите...»

Большим уважением пользовался Дарашвили среди мастеров. Ему предложили стать усташем — старшиной цеха. Уговаривали его долго, но он ни за что не соглашался. Мастера удивлялись: звание почетное, власть усташа велика, он может вмешиваться даже в семейные дела ремесленников. Кроме того, должность выгодная, многие стремились ее заполучить. Но Дарашвили отказывался.

— Дело это нелегкое, — говорил он. — Если подмастерье не достоин звания мастера, он должен отказаться. А зачем мне на старости врагов называть! У меня своих забот достаточно... Отчего вам не выбрать Бечару, мастер он опытный, в городе его уважают, честность его всем известна...

На том и порешили. Бечара стал усташем. Он с головой погрузился в новые дела и заботы. Но для своей единственной дочери — тринадцатилетней Гульнары он и теперь всегда находил время.

Живой, непоседливой шалунье скучно было среди взрослых. И Бечара спросил Дарашвили уступить ему самого младшего из учеников — смышленного и любознательного Вану Хандамашвили.

Чего только не умел Вано делать! Он мог выточить из дерева обыкновенным ножом такую фигурку, что любой токарь позавидовал бы ему. Для дочки усташа он лепил забавных куколок из глины и хлебного мякиша, вырезал из жести сказочных зверей и драконов.

Дети часто забирались на чердак, где стоял старый сундук с книгами, рукописными и печатными, в потемневших от времени кожаных переплетах, и с увлечением читали вслух «Соловья и розу», «Караманиани» и «Бежаниани».¹

Ночи Вано проводил в мечтах. С каким-то неясным ему самому чувством он открывал заветную шкатулку с драгоценностями, раскладывал на постели самоцветы, и их сияние при тусклом свете светильника наполняло его душу восторгом. У каждого из этих камней были свои имена. У одних — простые и будничные, у других — непонятные и чужеземные, у третьих — пестрые и длинные, как хвост павлина. Одних Вано называл по-дружески ласково, других почтительно и витиевато, с ними он смеялся и тосковал и чувствовал себя счастливым в этой сказочной стране.

Дымчатые жемчуга, холодные сердолики, пылающие огнем яхонты и агаты, кровавые лалы и прозрачные изумруды своим таинственным сиянием наполняли душу мальчика. Каждый из них старался затмить другие, и, соперничая, они становились еще роскошнее.

Уставшие от блеска глаза слипались, и Вано незаметно для себя засыпал. Ему снилось ночное небо, усыпанное драгоценными камнями-звездами, и среди них горела его звезда — самая большая и яркая.

Хозяин раза два заставлял мальчика за этой игрой, высыпал ему хорошенько.

Иногда Вано загорался каким-то странным огнем и забывал обо всем на свете. С утра до поздней ночи он что-то мастерил, не по-детски задумчивый и серьезный. Но ничего не получалось. Он в отчаянии убеждался, что мечта его еще не вызрела, рука не окрепла и умения не достает. Он забирался в какой-нибудь темный угол и подолгу плакал, жалея, что взялся за непосильное ремесло, а не пошел рабочим на фабрику, где работал его отец.

В такие дни Гульнара искала его по всему дому, громко звала, но он не откликался.

¹ Древние грузинские книги.

В один из летних вечеров ребяташки во дворе играли в прятки. Тедо стоял у стены и громко считал:

— Раз, два, три, четыре...

Дети неслышно разбежались по двору. Тедо уже досчитал до восьмидесяти, вот-вот дойдет до ста, и тогда будет поздно. Времени для размышлений не оставалось. Ваню на цыпочках подбежал к дощатому сараю и осторожно открыл дверь.

— Ваню, Ваню, иди сюда... — зашептал кто-то из темного угла. Он пригляделся — Гульнара... Она сидела, съежившись, на маленьком бочонке, почти скрытая огромными мешками.

Ваню быстро затворил за собой дверь, сделал шаг вперед и застыл от ужаса — такой поднялся шум. Это суматошно закудаhtала сидящая на яйцах наседка. Ваню улыбнулся и, взобравшись на бочку, взглянул на Гульнару. Та с трудом сдерживала смех, фыркала и закрывала рот руками. Чтобы он не свалился, Гульнара крепко обняла его за шею. Обняла — и замерла.

Она была так близко, что Ваню слышал, как бьется ее сердце.

Сквозь щели в стенах проникали косые лучи вечернего солнца и мягко освещали сарай. Гульнара с Ваню совсем забыли, что они играют в прятки и что Тедо давно уже кончил считать.

Тут опять закудаhtала эта проклятая наседка. Гульнара вздрогнула. Ваню потерял равновесие и свалился с бочки. Девочка испуганно вскрикнула, но убедившись, что он не ушибся, расхохоталась.

Со двора доносились громкие голоса. Ваню и Гульнара затанли дыхание и выглянули в щель. Тедо всех уже «застукал» и теперь гнался за одним мальчишкой. Бежал он медленно, и Ваню решил, что тот просто не хочет обижать маленького. А Гульнара нахмурилась. Она поняла, вернее не поняла, а почувствовала, что Тедо хочет найти именно ее, а всем остальным просто дает возможность убежать.

Ваню с восторгом смотрел на Тедо и, наконец, не выдержал:

— Посмотри, Гульнар!

— Чего мне смотреть!

— Какой он хороший, наш Тедо!

— Хороший?! Ничего ты не понимаешь! — Гульнара надулась.

Ваню удивленно взглянул на нее. Она рассердилась еще больше.

— Чего ты на меня уставился!

— За что ты на него так?.. Я никак не пойму.

— Ненавижу и все! — выпалила Гульнара и теперь набросилась на

Ваню. — А ты не будь таким! Слышишь, не будь!

— Каким?

— Ну, таким... — она не знала, как это назвать и сердилась уже на себя. — Ну, не знаю, как это сказать... В общем, не будь таким размазней, — отрезала она, сердито блестя глазами. — Не будь растяпой, а не то я и тебя возненавижу... Вот!

— За что?

— За то самое! — она мотнула головой, откидывая назад косы. словно они были во всем виноваты.

Ваню понял, что девочка сердита не на шутку.

Гульнара и в самом деле была зла на Тедо Джаварашвили. Не раз уже она, чувствуя на себе его тяжелый, упорный взгляд, невольно старалась натянуть на колени коротенькое платьице. Ее раздражала кичливость парня и его самоуверенность.

Да как он смеет, этот бездарный задира, обижать Ваню, у которого действительно золотые руки! Ну ничего, вот Ваню скоро станет мастером и покажет ему, как надо работать!

Тем временем к сараю подкрался Тедо. Но Ваню и Гульнару удалось выскользнуть у него из рук, и они помчались по двору. Поняв, что Ваню прятался в сарае вместе с Гульнаррой, Тедо погнался за ним, как за кровным врагом. Наконец настиг его у лестницы и с такой силой схватил за руку, что Ваню поморщился от боли. Он вдруг понял, за что Тедо его так ненавидит.

Отпусти! — Он поднял вторую руку, чтобы ударить своего врага, но тот схватил его за плечо, и удар пришелся по воздуху.

Подбежала Гульнара и с таким презрением посмотрела на Тедо, что его цепкие, как клещи, пальцы сами собой разжались.

Играть больше не хотелось...

Стемнело.

Ваню все еще не мог забыть обиды. Он сидел в стороне и грустно смотрел на горбатый переулок меж двумя рядами домов, освещенных лунной. Нежно голубели балконы в лунном сиянии, вдали задумчиво стоял одинокий тополь. Мташминда, окутанная лиловыми сумерками, распахнула над городом свои мягкие крылья. Самозабвенно трещали цикады, словно держали перед небом важные речи. А небо было бутылочно-зеленое, с редкими светлыми звездами.

«У каждого человека — своя звезда, — думал Ваню, — одни едва светят, другие то гаснут, то зажигаются вновь, или вспыхивают на мгновение и исчезают во тьме, как потухшие факелы». Была и у Ваню своя звезда, и он смотрел на нее с тайной надеждой.

Так он сидел, одинокий и задумчивый, в то время как Гульнара звонко хохотала в кругу подружек.

Ты заря Тбилиси,
О Гульнара...
Ты звездой стала мне,
Гульнара... —

вдруг вырвалось у Ваню. И ему показалось, что Тбилиси — это небо, а Гульнара самая яркая звезда, та самая, что снилась ему ночами.

5

На самом деле Бечару¹ Пучечашвили звали Захарием, но он сам давно позабыл это имя. Такой он был тощий, низкорослый и тщедушный, что на всю жизнь пристало к нему меткое прозвище «Бечара». Щупленький и слабый, он наперечет знал всех палаванов и не пропускал ни одного кулачного боя. Откуда только не приводил он прославленных силачей! Чуть ли не по «поште» их выписывал, тратя последние гроши. И все напрасно! Никто не мог одолеть могучего Габо Круашвили.

Как-то раз мастер привел из Борчало бритого татарина, но дюжий молодец не смог и с места сдвинуть Габо. Крцанисский богатырь как всегда расшвырял всех противников и остался один посреди улицы.

Бечара чуть с ума не сошел.

— Ой, — застонал он, — до какого черного дня я дожил! Зачем мои глаза видят этот позор! Горе моим сединам! — Вне себя от досады, он кинулся с низкой крыши своего дома на кряжистого парня.

Из уважения к старости и чину усташа Габо бережно поднял его с земли и усадил на крышу. Зато зрители посмеялись вдоволь. И без того сухонький Бечара съежился еще больше, втянул голову в плечи и под гогот толпы исчез с крыши.

В комнате он в сердцах повалился на тахту и, катаясь по ней, стонал от злости и кусал себе руки.

— Что это с тобой, отец? — спрашивала испуганная Гульнара.

¹ Бечара — щуплый, хилый (груз.).

— Опозорили меня, осрамили! Как теперь я на людях покажусь! — кричал он и в ярости расшвыривал мутак и подушки. — Ничего не пожалео! Все отдам! Только бы увидеть, как его поколотят! — не переставал вопить Бечара.

Габо вначале нравилось быть непобедимым, но потом стало скучно даже не с кем силой померяться!

— Что это за народ пошел, мелкий да хлибкий! Даром хлеб ест! — недовольно бурчал он.

Судьба словно смеялась над ним. Богатырю приходилось возиться с редиской и огурцами, а весной продавать цветы.

Вставал он обычно на заре и впрягался в работу. Глубоко врезал лопату в жирную землю и, переворачивая тяжелые пласты, жадно вдыхал терпкий сырой запах.

Щедрая земля сторицей платила ему за труд. Он вожил ослов, груженных тяжелыми корзинами, по взбегающим в гору улочкам, и весело звенели весы, коромыслом перевешенные через плечо.

— А ну-ка, лук, редиска, тархун, цицмати! — зычным колоколом будил всех его голос.

А в субботу, после длинной трудовой недели, он приносил домой бурдюк с вином и кутил с друзьями в саду до самого утра.

С понедельника Габо снова появлялся на улицах с ослами и неизменным лотком на голове.

— Эй, тута! Спелая тута! Налетай! — гулким эхом отвечали ему тесные переулки, увешанные гирляндами резных балконов.

— Габо едет, наш Габо! — кричали мальчишки, и горожане высипали на крыши и балконы, радостными криками приветствуя своего любимца.

Сорванцы вечно бродили за ним крикливой стайкой. Он оборачивался к ним, с ласковой улыбкой снимал с головы лоток и ставил перед маленькими босыми обжорами.

Опоздавшие сыпались с заборов, прыгали с крыш и сломя голову бежали за добычей.

Женщины притворно сердились, пряча улыбку:

— И-и, даром пропали заботы твоего бедного дядюшки! Посмотри, соседка, какой добряк нашелся! Чертова кочерга!

Габо добродушно улыбался, глядя на измазанные фруктовым соком довольные детские физиономии.

— Пусть едят на здоровье! Я не разорюсь! Много ли надо одинокому человеку!

— Чего ты все хмуришься! — сердился он на Ваню. — Успеешь еще гора хлебнуть! А сейчас играй, ешь туту и веселись!

Ваню через силу улыбался, и его печальная улыбка вконец расстроивала Габо.

— Господи, что это за жизнь такая! Взрослые плачут, дети плачут, одни дармоеды смеются! — горестно качал он лохматой головой. Но вдруг застыл — таким сиянием обдали его нежные золотистые глаза Гульнары. Он растерянно провел широкой, как лопата, ладонью по лицу.

— Эй, девочка, — вздохнул он, — откуда ты такая красивая! Вот подрастешь немного — и горе тому, кто попадет в твои сети...

6

Пришел сентябрь, обильный, щедрый, хмельной от аромата плодов, налитых осенней зрелостью. Воздух звенел от жары и казался густым и осязаемым.

По воскресеньям в Тбилиси кипели шумные базары. Наезжали из де-

ревень крестьяне: кто продавать, кто покупать, а кто и просто поглазеть и потолкаться.

Из Марнеули приходило зерно, из Караяз — хлопок, из Гурджани — арбузы, из Гори — персики, из Шатили — бараны и шерсть, из Цинандали — вино и виноград.

Со всех концов Грузии гнали на ленивых верблюдах, на упрямых ослах, несли в плетеных ивовых корзинах-годори, везли на скрипучих арбах осенние дары земли, добытые тяжелым трудом, и казалось, что конца не будет этому торжественному шествию.

Толпа шумной рекой вливалась в водоворот базарной сутолоки. Все спешили, кричали, толкали друг друга, и в воздухе стоял оглушительный гам. Кухахали куры, крякали утки, шипели гуси, истошно орали индюки. В охотничьем ряду на крючьях пестрели фазаны, куропатки и тетерева. От корзин, полных свежим цоцхали, веяло прохладой быстрых горных рек. У измученных жарой круторогих быков от шума и пыли глаза лезли на лоб, и они протяжно мычали, тоскуя о спокойных сочных пастбищах.

Крепко взявшись за руки, чтоб не потеряться в этой суматохе, Ваню и Гульнара смешались с бурным людским потоком. Глаза у них разбегались от ошеломляющей пестроты.

— Эхей! — кричал лавочник в широких синих шароварах. — Арбузы! Вы только поглядите на эти арбузы! Налетай! Выбирай!

Треснувшие под ножом арбузы пылали под яркими лучами солнца.

— Кто не съест эти груши, возьмет грех на душу, кто не купит, до самой смерти будет жалеть! — старается перекричать всех рыжебородый бойкий крестьянин. Но рядом оказывается другой побойчее, он перебивает соперника:

— Иф-иф-иф! А это что? Сливы?! Вы только взгляните на эти сливы! Эх! Знали бы вы, какая девушка снимала их с дерева! В каком саду они созревали! Какой замечательный ослик привез их на базар! Лучшего ослика нет во всем мире!

Третий вопит во весь голос, надрывается:

— Вы чего приуныли, мои краснощекие яблоки! Не горюйте! Клянусь, сегодня же вы будете хрустеть на зубках вот этой красотки!

Но его заглушает еще более пронзительный крик:

— Скажите мне, это гранат или лал! Виноград или янтарь! Есть и белый, как жемчуг, есть и черный, как гишер...

Ваню, побледнев от какого-то непонятного волнения, медленно и негромко, с трудом подбирая слова, заговорил:

— Знаешь, Гульнар... Я когда-нибудь сделаю... Ты веришь мне? — Девочка взглянула на него с удивлением, но он, не замечая этого, продолжал: — Я обязательно сделаю золотую вазу, полную персиков, винограда, яблок, гранатов... Каждому свой цвет, свой камень... Все будет блестящее... И я подарю ее тебе... Ничего, что их нельзя будет есть, зато ими можно будет любоваться.

Гульнара улыбнулась и ласково сжала ему руку.

7

За базаром, где стоят распряженные арбы, пузатый шарманщик, залюбив набекрень синий картуз, крутит модную песенку. И совсем не влад с музыкой прыгает на канате грустный клоун.

А у реки гудит толпа:

— Шире круг, шире-е!

Огромные боевые бараны с намалеванными хной рыжими пятнами яростно сшибались крепкими лбами.

Каждый подбодрял своего бойца то лаской, то крепкой руганью. На секунду все замолчали, затаили дыхание — и вдруг:

- А-а-а!
- У-у-у!
- Баста!

Зрители расходились, горячо обсуждая бой. Одни хвалили устойчивые ноги победителя, другие — крепкую шею, третьи — накрученные подпиленные рога. Многоопытные старики молча выслушивали все споры и иногда важно вставляли решающее слово. Но и между ними не было согласия.

— Главное дело — лоб, сын мой! — говорил высокий, тощий, как жердь, старый паромщик.

— Что лоб! Посмотрю я, что ты с одним лбом сделаешь! — кипятился низкорослый лысый зеленщик, и пожелтевшие от чубука усы его воинственно топорщились.

Разгоревшийся было спор прервали свист и крики мальчишек.

— Габо едет! Габо!!

— А ну, посторонись! Берегись! — краснолицые, вспотевшие извозчики натягивали вожжи, сдерживая взбесившихся рысаков.

В передней коляске шарманщик что было силы накручивал ручку пронзительно визжащей шарманки. А в следующей — с блаженной улыбкой на пьяном лице — восседал верзила Габо. Раскинувшись на бархатном сиденье, он лил из бурдючка вино прямо в клюв красному петуху, трепыхавшемуся у него на коленях. Пьяный петух орал из последних сил и рвал крепкими шпорами шелковые шаровары Габо. А тот, перекинув через плечо красный платок, сдвинув набок картуз, во всю глотку распевал «мухамбази».

— Габо! Габо-о! — ревела толпа. Плоские крыши, широкие балконы были набиты любопытными, на заборах и деревьях висела детвора.

Все кричали, свистели, а Габо, зная себе, поет да покрикивает на одуревшего петуха:

— Кыш, проклятый!

Петух перескакивает на спинку коляски и оглашает улицу пьяным кукареканьем.

Из цирюльни выглянул намыленный, наполовину выбритый Бечара, сорвал с себя белую простыню, впопыхах схватил с окна банку с пиявками и с размаху швырнул вслед своему злейшему врагу.

— Габо-о! — гудел весь базар.

И Ваню, позабыв обо всем на свете, не мог устоять на месте.

— Гульнар, посмотри на петуха! На петуха смотри! — Он подпрыгнул и хлопал в ладоши в неудержимом восторге.

— Габо!

— Габо!

Народ валом валил за коляской. Знаменитый палаван, разгоряченный вином, встал во весь свой огромный рост, едва держась на ногах в подпрыгивающей на каждом бугорке коляске, и заревел:

— Дор-рогу! Габо едет! В порошок сотру и «отвечай» не буду!

Испуганные лошади понесли. Габо покачнулся, грохнулся на сиденье, и вдруг замер: сорвавшийся с привязи черный бугай, ворочая налитыми кровью глазами, ринулся в самую гущу народа.

Толпа раскололась. Умолкла шарманка. Остановились коляски. Лавочники заложили двери на засов. Женщины разбежались по дворам.

Ваню с перепугу одним махом вскочил на забор и, только очутившись в безопасности, вспомнил про Гульнару.

— Иди сюда! — закричал он в отчаянии. Но девочка ничего не слышала. У нее подкосились колени, от ужаса она не могла даже крикнуть, только беззвучно раскрывала рот и размахивала руками, словно танцуя. А бык шел прямо на нее.

— Помогите! — завопил Ваню. Не зная что делать, он спрыгнул с забора и побежал к Гульнаре. В одну секунду с Габо сошел весь хмель. Он выскочил из коляски и бросился наперерез быку.

— Стой! Стой, окаянный!

Дикий, не привыкший к людям бык обдал Габо горячим и сильным, как ветер, дыханием. Но Габо нелегко свалить — не так сколочен! Широко расставив ноги, он медленно пригнул книзу шею быка, всадив рога в землю. Еще минута, и бык, хрипя, повалился набок. Габо отошел, с презрением приговаривая:

— Не бык, а курица! Тьфу, будь ты неладен!

8

По реке, плавающей в лучах полуденного солнца, медленно плыли тяжелые сосновые плоты.

— Ахай-та-та-та! Держи правее! — кричали плотогоны, и плоты со скрежетом и скрипом вползали на раскаленный каменистый берег.

В звоне горячего сухого воздуха прохладно шумела Кура.

Откуда-то издали доносился стук вальков — это женщины стирали белье — и бесконечный гомон водоносов.

На лесопильном заводе скрипели пилы, и хозяева бранились с торговцами.

И вдруг среди этого удушливого шума и гвалта раздался чей-то хватающий за душу голос.

Все замолкли и прислушались.

Голос креп и вольно разливался.

Водоносы бросили свои бочки.

Затихли плотогоны.

Даже пилы больше не скрипели.

Рыбаки застыли от неожиданности.

Река гудела, будто басом вторя песне.

Ваню сидел на бревне, плотно обхватив руками бронзовые от загара колени, подставив лицо солнцу и закрыв глаза. Рядом с ним растянулась на песке Гульнара. Вначале она лежала, не двигаясь, но потом тихонько поднялась, села на бревно и, упершись лбом в колени, замерла.

Песня разливалась широкой волной, и ее плавные взлеты и спуски то захватывали дух, сжимая сердце, то наполняли его радостью и наслаждением, то слезами подступали к горлу.

Никто никогда не пел так сладко и самозабвенно. Казалось, что Ваню слушают камни, небо и солнце.

Стояла удивительная тишина. Только плескались волны Куры, и приглушенно доносился далекий крик паровоза.

Гульнара чувствовала, что так поют только один раз в жизни и что поют это для нее одной. Она то счастливо улыбалась, то беззвучно плакала, и слезы лились из больших золотисто-медовых глаз.

А Ваню все пел, ничего вокруг не замечая. Он словно принял все горе многострадального народа с его тоской, радостью и заботой. Он обращался к горам, долинам, рекам, ко всей своей стране, упрекая их в том, что на его долю выпало столько испытаний, что нет на свете правды и справедливости. И голос его то чуть слышно дышал, как трава под ветром, то срывался, как гордая птица, и летел к знойному небу. Песня то гремела, как молот о наковальню, то серебряным звоном вливалась в душу.

Наконец один из плотогонов не выдержал и взревел, как раненый бык:

— Перестань, разбойник! Всю душу разбередил своими песнями!

Ваню оглянулся и увидел перед собой дюжего черноусого парня.

— Это ты пел?

Вано беспомощно сжался и вдруг почувствовал такую пустоту и одиночество, что чуть не заплакал.

— Да, это он он! — нетерпеливо воскликнула Гульнара.

— Эх, — вздохнул плотогон. — Услышать бы еще раз твой голос. А там... А ну-ка, спой наши песни, крестьянские... Вот бы нам с тобой вместе спеть под мой пандури. И ничего больше душе не нужно! Эх, судьба наша крестьянская, доля тяжкая!..

Вано будто не слышал его. Он смотрел на Куру, золотую под лучами солнца.

Медленно, как замороженная, подошла к нему Гульнара, обняла за шею и поцеловала в лоб.

Вано вздрогнул.

— Гульнар, что с тобой? — спросил он и в ту же секунду понял, что не должен был этого говорить.

Девочка рванулась, будто ужаленная, и побежала к дому.

И с того самого дня Вано потерял покой.

Ему казалось, что он обидел Гульнару. И все не мог забыть того странного плотогона. Вано часто приходил на причал и ждал, что вот-вот он появится. Ничего не узнал о нем Вано, кроме имени. Но Зурия исчез бесследно. Ушел и унес с собой печальные крестьянские песни, так и не пропев их вместе с Вано.

Мальчик подолгу сидел на берегу и бросал в воду плоские камешки.

Как только появлялись на реке плоты, Вано вскакивал и кричал тосливо и протяжно:

— Зури, эй, Зури-и...

Все любили в деревне Зурию Голиашвили — старые и молодые. Всегда он находил время, чтобы помочь вдовам и сиротам. Кому крышу починит, кому землю вспашет, кому дров из лесу принесет.

— Дай бог тебе счастья, сынок! Без тебя нам одна дорога — пропачкаться! — со слезами на глазах благодарили его соседи.

В один из воскресных дней крестьяне собрались у канцелярии, обсуждая свою горькую судьбу. Зурия слушал-слушал и не выдержал:

— Мы только и умеем, что жаловаться и спины подставлять под барские плети! Надо дружно взяться за дело, а мы сидим по своим углам, вот они и бьют нас поодиночке!

Его смелые слова напугали крестьян, они притихли.

— Э-эх! — вздохнул кто-то. — Все это правильно! Да никуда от этого не уйдешь...

Неожиданно в конце села появились всадники. Сладко звеня колокольчиками, проехала карета князя Амилахвари в сопровождении вооруженной охраны.

Крестьяне посторонились, низко склонив головы. Один Зурия стоял, гордо выпрямившись, не снимая шапки и зло блестя глазами из-под бровей.

— Кто ты такой, что не приветствуешь меня! — грозно воскликнул князь.

— Я бедный крестьянин. Все мое богатство — песня и пандури...

— Пандури! — распалился князь. — Так ты и есть тот наглый чиновник, который позорит мое славное имя! А ну, всыпьте ему горячих! Услышав это, Зурия весь задрожал и лицо у него перекошилось от гнева.

— Князь, не бери греха на душу!..

— Что-о?! Ты еще мне угрожаешь! Чего вы ждете! Бейте его!

Но поздно! Зурия стремительно летел по дороге. Загремели выстрелы. Засвистели плети. Зурия, миновав кустарник, бежал садами. Перемахнул через последнюю ограду и исчез в лесу.

Карета все еще стояла на месте, когда послышался его крик:
— Запомни меня, князь! Ты еще обо мне услышишь!
С этого дня Зурия в деревне не показывался. Ходили слухи, что он стал плотогоном. Так оно и было на самом деле.
От Боржоми до Тбилиси он знал наизусть все пороги, мели и пороги — Ахай-та-та-та! Мои обструганные плоты! Куда вы плывете, куда путь держите! — кричал он, спуская плоты на воду.
А когда река вырывалась из ущелья в долину, он запевал свою любимую песню.

Плоты плыли мимо деревень. Девушки, слышав звонкий голос Зурии, выходили на крыши и с нежной улыбкой провожали молодца-плотогона.

— Вот это парены!.. — и они махали вслед пестрыми платками.
Каждый раз, когда Зурия проплывал мимо одинокой могилы народного любимца, бунтаря Арсена, у него сжималось сердце от тоски.

А там, в сизом вечернем тумане, выступал, освещенный огнями, Тбилиси с Мтацминдой, выглядывающей из густых зеленых садов. Над Курой дымились фабричные трубы и выл заводской гудок.

Задумчиво смотрел Зурия на город, разворачивающийся перед ним, живущий заманчивой и незнакомой жизнью. Он вспоминал слова, сказанные ему как-то старым рабочим: «Город — это ловушка для таких бедолаг, как ты». Но в деревню возвращаться нельзя — князь заест, а с плотов выгода небольшая... «Была — не была! Завтра с утра пойду на фабрику... Чем я хуже других?! И голова на плечах, и руки крепкие...».

Тем временем река вынесла плот к лесопильным заводам, заваленным бревнами, досками и опилками.

9

Обувная фабрика Адельханова состояла всего из шести цехов, и в этих шести цехах работали семьсот человек. День и ночь гнули они спины, но заработка не хватало даже на хлеб. У ворот фабрики вечно толпились безработные. Многие из них находились в такой нужде, что не гнушались и милостыней.

По субботам рабочих поджидали лавочники и ростовщики и требовали уплаты долгов. И словно для того, чтобы выудить у фабричных последние деньги, раскрывались двери трактира и церкви. Поп служил обедню, трактирщик наливал рюмку за рюмкой, орали пьяные, и уличные женщины хриплыми голосами пели непристойные песни. А на улицах стояли жены рабочих с детьми и ждали своих мужей, чтобы с упреками и проклятиями отвести их домой.

За несколько месяцев работы на фабрике Зурия так изменился, что его невозможно было узнать. Еще недавно полный сил и задора, он теперь исхудал, побледнел, глубоко запавшие глаза лихорадочно блестели. Его изводил страшный грудной кашель.

Больше всех Зурия сдружился с отцом Ваню — Гиго Хандамашвили. Вместе они снимали лачугу на окраине города, вместе работали, вместе возвращались домой. Ночами они читали запретные книжки и до рассвета спорили. Как-то незаметно вокруг них собралась большая группа рабочих, недовольных фабричными условиями. В обеденный перерыв они находили тихий уголок и читали газеты.

Ваню часто навещал отца и с необычайным интересом слушал смелые разговоры. Иногда рабочие просили его почитать газету вслух. Особенно любил он беседовать с Зурией. Дружба, давно зародившаяся между ним и бывшим плотогоном, с каждым днем крепла.

От подозрительного глаза Адельханова не укрылось беспокойство его рабочих. На всякий случай он приставил к ним доносчика — Бабу Шибанашвили. Работал он плохо, приходил на фабрику когда вздумается, но не получал никаких замечаний, и денег у него всегда было больше, чем у других. Однако, чтобы вызвать рабочих на откровенность, он жаловался на нужду, но все видели его насковозь и сторонились, как прокаженного.

— Доносчик идет! — предупреждал кто-нибудь, и тут же прекращались все разговоры. Но он словно не замечал общего презрения. Своей подлостью он до того всем опротивел, что однажды темной ночью рабочие избили его, да так, что он две недели не вставал с постели. За это хозяин выгнал с фабрики семерых рабочих, на которых пало подозрение.

Так вот этот самый Баба Шибанашвили подсел как-то раз к Гиго и завел такой разговор:

— Послушай, Гиго, я все смотрю, твой парень тут без дела слоняется и путается с разными сумасбродами. Это к добру не приведет! Читать-писать он умеет. Давай, я попрошу хозяина и определим его в контору.

Гиго искоса взглянул на него и махнул рукой.

— Что поделаешь, Баба! Сыну рабочего до чиновника не дослужиться! — и добавил уже другим тоном: — Он еще молод... хотя, мне кажется, свою дорогу он знает лучше моего...

Вано с увлечением рассказывал Гульнаре все, что он видел и слышал на фабрике. Они часами просиживали на чердаке, говоря о тяжелой рабочей жизни, которая прежде им была неизвестна.

— Скажи мне, Вано, отчего все люди, которые трудятся, живут в такой бедности? И рабочие, и ремесленники, и крестьяне. Кто в этом виноват?

А Вано серьезно отвечал:

— Во всем виноваты богачи...

У Бечары лопалось терпение — детей все время приходилось разыскивать по всему дому. И однажды он всыпал Вано как следует, а Гульнару запер на целый день.

Своенравная девочка не придавала никакого значения наказанию. Ее только огорчало, что виноваты были они оба, а досталось одному Вано. Она попыталась разжалобить отца, плакала без всякой причины, но убедившись, что ничего не помогает, тайком удрала из дому.

Приближаясь к мастерской, она на минуту представила себе Вано, одинокого, всеми забытого, и сердце у нее дрогнуло от жалости.

На дверях висел огромный замок. Гульнара заглянула в щелку, но ничего не увидела.

— Вано! Эй, Вано! — окликнула она негромко.

«Узник» тут же узнал ее голос и бросился к окну.

— Гульнар! — И глаза его заискрились радостью.

Девочка подтянулась повыше на руках и с трудом пролезла в узкое окно.

Вано приберег для Гульнары большое румяное яблоко. Целый день боролся он с собой, чтобы его не съесть, и теперь, смущаясь, сунул яблоко ей в руку. Она тут же принялась за него с аппетитом, но вспомнив, что надо поделиться с другом, с сожалением посмотрела на оставшуюся половинку, откусила еще разок и только тогда протянула Вано.

Через минуту она уже взволнованно рассматривала его работу. И в то время как ее придиричивый взгляд не мог налюбоваться изящными вещами, Вано стыдился их несовершенства и грубости. Только сейчас он заметил все недостатки. Присутствие Гульнары заливало все ярким беспощадным светом. Рассерженный на самого себя, он швырял в угол куски металла, браслеты, ожерелья. Ему казалось, что лучше просто мечтать, чем делать такие неуклюжие вещи. Мечта была прекраснее и совершеннее. Но он понимал, что думать так — значило потерять надежду.

— Что мне делать? — чуть не со слезами обернулся он к Гульна-

ре. — Вот я работаю-работаю — а ничего не получается!

Гульнара приблизила к нему свое лицо и прошептала:

— Знаешь что, Ваню, ты работай так, как поешь!

Там, на берегу Куры, Ваню пел так оттого, что рядом была она. Так поют только раз в жизни.

Он заговорил сбивчиво и торопливо:

— Вот твой отец... он все вещи делает на один манер. А разве это верно? Ведь люди не похожи друг на друга... и вещи тоже... Когда я буду мастером, я сделаю тебе серьги, туфельки... и золотое седло.

Гульнара слушала с упоением, хотя и понимала, что все это мечты. Но упоминание о седле почему-то ее рассердило.

— На что мне седло! На голову я его надену что ли!

Ваню удивленно взглянул на нее.

— Чего уставился?! — разошлась Гульнара. — Где у меня лошадь! И не стыдно тебе врать!

— Я куплю тебе лошадь, Гульнар!

— Посмотри на него! Он купит! Откуда у тебя деньги? И потом я тебе не сестра и не тетка, чтобы ты делал мне подарки!

— А я говорю, что куплю! Куплю и все!

Гульнара посмотрела ему в глаза и улыбнулась.

— Хорошо...

Дверь отворилась.

В споре они не заметили, как вошел Бечара.

Пораженный мастер уронил замок. Ваню и Гульнара вскочили на ноги.

Следом за Бечарой в мастерскую вошел Шио Дарашвили. Он искал подходящий камень для какого-то важного заказа и поэтому зашел к Бечаре. Удивленный царящим в мастерской беспорядком, он остановился и поднял с пола золотой браслет.

Бечара побледнел. Он знал строгость и прямоту старика. Как-то он оценит работу Ваню?

А Дарашвили словно забыл, зачем пришел сюда. Он, не торопясь, отложил браслет в сторону, поднял валявшееся у тахты ожерелье, повертел его в руках, оценил опытным глазом, проверил шлифовку, тон и блеск камней и сказал с улыбкой:

— Молодец! — Затем почему-то добавил по-русски: — Ничаво!

Мастер и ученик облегченно вздохнули.

Но Шио не кончил. По лицу его пробежала насмешливая улыбка. От него не укрылся большой талант юноши, но талант неопытный, тратящий себя без расчета.

Он искоса взглянул на Бечару, обратился к Ваню:

— Парень, ты помни одно: надо рассчитывать свои силы, не то скоро выдохнешься. Ты чересчур разбрасываешься... Ты смотришь на вещь и не знаешь сам, откуда на нее смотришь! Тени не ложатся, материала не видно. — И Дарашвили проворчал все косясь на Бечару: — Эх, беда! Таланта много, а мастерства никакого!

Откуда было взяться мастерству, когда за мальчиком никто не следил и ничему его не учил!

Бечара закусил губу в нескрываемой досаде.

Прошла осень. Дни становились все короче. По утрам солнце приближало густой серый туман, окутывающий город. Из пригнанных садов шел сладковатый аромат прелой листвы, и похолодевший воздух был неподвижен и прозрачен.

Вечерами синие горы тесней обступали город, и ветер приносил близкое дыхание зимы.

Снег выпал неожиданно. Улицы, площади и переулки скрылись под густой пеленой, очертания их стали мягче и ласковее. Озябшие дома прижимались друг к другу, нахлобучив белые папахи.

Деревья бесшумно роняли на прохожих пушистые хлопья снега.

С высоких балконов и плоских крыш, как люстры в сказочных дворцах, свисали сосульки.

Снег все шел, и от бесконечного кружения хлопьев казалось, что весь город плывет куда-то вверх.

Улицы оглашались веселым визгом ребятишек. Бечара сделал для Гульнары хорошие санки, но она считала себя уже взрослой и стеснялась играть с малышами. За несколько месяцев Гульнара резко изменилась. По всякому поводу ударялась в слезы, о чем-то таинственно шепталась с ровесницами. Но они ей скоро надоедали, и она оставалась одна. Глаза ее тогда наполнялись тайной грустью и какой-то непонятной тревогой.

Вано хотя и был тремя годами старше, все еще оставался мальчишкой. Его звонкий голос стал ломким и резким. Уже смешно пробивался первый пух над губой — не знаешь, то ли бриться, то ли нет.

Гульнара хвалилась, что не сегодня-завтра оденет длинное платье, как взрослая, и не будет больше играть с маленькими. Держалась она теперь надменно и всем гордо сообщала, что скоро выйдет замуж.

Кто сосчитает, сколько бессонных ночей провел в мастерской отчаявшийся Вано. Чувствуя, что все равно не заснет, он поднимался среди ночи и брался за работу. И этот ночной труд был таким же вдохновенным и прекрасным, как песни, которые он пел в детстве. Он так увлекался работой и мечтами, что не замечал, как в узкое окно заглядывало зимнее солнце.

Два дня Гульнара крепилась и не выходила на улицу. Но такой заманчивой была игра в снежки, так восторженно кричали ребятишки, спускаясь с ледяной горы на самодельных салазках, такой забавной была неумело вылепленная снежная баба с дырявым ведром на голове и лохматой метлой в руках, что на третий день, в воскресенье, сердце Гульнары не выдержало, и она побежала к Вано.

— Что ты сидишь, как сыч! Посмотри, какой снег!

От радости и удивления Вано не мог вымолвить ни слова. Словно вернулись далекие счастливые дни их детства...

Вано перебегал от дерева к дереву и звал за собой Гульнару:

— Гульнара, иди-ка сюда! Я тебе что-то хочу сказать!

Она хорошо знала, что ничего он ей не скажет, но все-таки подбегала к дереву. Тогда он резко дергал самую большую ветку, и на них сыпался легкий сверкающий снег.

— Подожди минутку! — Вано сбегал домой и вернулся, таща за веревку санки. Поднялись на горку. Вано сел вперед, а Гульнара крепко за него ухватилась.

В ушах свистел морозный ветер, сливались в ослепительную ленту белые деревья и черные заборы. Тысячами иголок щекотал лицо снег.

Вано и Гульнара хохотали от беспричинного счастья.

И вдруг все полетело кувыркком. Санки перевернулись, и Вано с Гульнарой очутились в глубоком сугробе. Они барахтались в снегу, пытаясь подняться. Скользили по накатанному спуску и снова валились, не переставая смеяться. Гульнара, чтобы не упасть, ухватилась за Вано, но он тоже не смог удержаться и упал, увлекая ее за собой.

Все вокруг покатались со смеху, наблюдая за ними. Мимо стрелой проносились набитые детворой санки. Градом сыпались веселые шутки и насмешки. Ветер доносил обрывки слов, смеха, криков.

Вдруг Гульнара умолкла и долгим пристальным взглядом посмотре-

ла на Ваню. Им показалось, что они вдвоем на этой снежной горе, что вокруг никого нет и что вот-вот с ними произойдет что-то необычайно важное.

Они были так близко друг от друга, что Ваню видел, как блестящие золотистые глаза Гульнары. Какая-то сила потянула его и, не думая, что делает, он прижался губами к ее холодной гладкой щеке.

Гульнара застыла от неожиданности и счастья. Но тут же вскочила, отряхнула снег и, скользя и пошатываясь, побежала с горы.

Под дружный гогот Ваню медленно поднялся из сугроба, мокрый от тающего снега, обалдевший от ужаса и восторга.

Тут откуда ни возьмись Бечара!

— Что я вижу! — запричитал он, размахивая худыми руками. — Держите меня, не то я убью его! Держите меня! Свяжите, чтобы я не убил его!

Его удерживали, но он все не успокаивался. Чем больше его уговаривали, тем сильнее он распалялся.

— Люди добрые, он дочь мою опозорил! Как я это снесу! Пустите, я разорву пополам этого сопляка!

Ваню стоял понурился голову.

С того дня они с Гульнаркой не разговаривали. Больше того: Бечара выгнал ученика и отправил его обратно к Дарашвили. Тот принял его с радостью. Он хорошо знал талант и трудолюбие юноши. Шю так любил Ваню, что ни на шаг не отпускал его от себя. Если попадался какой-нибудь редкий заказ, мастер поручал его обязательно Ваню, а не Тедо Джаварашвили, как это было раньше. Он видел, что драгоценности, отделанные Тедо, вначале ласкали глаз, но постепенно приедались, выдавая все свои недостатки. А скромные и неброские работы Ваню нравились тем сильнее, чем внимательнее в них вглядывался. Все камни были ему одинаково дороги — и сапфир, и скромный горный хрусталь. А Тедо признавал только самые драгоценные и с презрением отшвыривал те, что попроще.

Давняя вражда между молодыми подмастерьями разгоралась все сильнее.

Отливка новых форм стоила недешево, но Шю не жалел денег. Он наконец нашел того, кому мог передать свое мастерство и опыт. Он предоставлял Ваню полную свободу, не хотел влиять на его вкус и давал возможность развиваться самостоятельно. Но и требовал он с него больше и строже, чем с остальных.

Придирчивый глаз старого мастера замечал, что Ваню работает не в полную силу, как-то скованно.

— Парень, чего ты боишься? Раскрой крылья! Работай так, как будто песня из тебя рвется и удержать ее нельзя!

Тедо ядовито улыбался, но Ваню не обращал на него внимания. Он наверстывал время, потерянное за годы работы у Бечары.

И скоро весь город заговорил о новом мастере. А Бечара горько жалел, что погорячился и потерял такие золотые руки.

У невест и молодых имя Ваню не сходило с уст.

— Бог благословил его руку! Сделанное им обручальное кольцо обязательно принесет счастье!

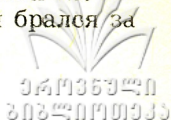
Но Ваню не зазнавался. Работал по-прежнему много и с увлечением, забывая все на свете, даже Гульнару. Словно в его душе она и его работа не уживались вместе. Каждая требовала его целиком, стремилась властвовать безраздельно.

Дарашвили, замечая, что Ваню грустит, говорил ему:

— Вставай, парень, выйди, погуляй, и работа пойдет быстрее!

И Ваню выходил. Нарядно одетый, он слонялся весь день, не находя себе места: то пойдет к отцу на фабрику, то обойдет вокруг дома Бечары в надежде увидеть Гульнару.

«Все брошу! Пойду на фабрику рабочим!» — в сердцах решал он. Но стоило ему хоть раз увидеть Гульнару, как он с прежним огнем брался за дело.

Шло время. Апрельская молодая зелень уже мешалась с белым цветением садов.

Вано возмужал, налился силой. Голос, раньше резкий и ломкий, теперь установился, и торчавшие редкие усы легли густой ровной полосой. Когда он проходил по улице, молодцеватый и подтянутый, у девушек на выданье захватывало дыхание. Вокруг завидного жениха роем кружились свахи, но он не обращал на них никакого внимания. Вано думал только о том, чтобы любая вещь, сделанная им, не позорила бы его имени. Он твердо решил в этом году получить звание мастера.

Каждую весну цехи пополнялись новыми ремесленниками. Их работы строго обсуждались на совете мастеров.

Чтобы проверить свои силы, Вано тайком от всех приготовил золотую пластину.

И вот наступил торжественный день для молодых подмастерьев.

Для Шио не было неожиданностью появление на совете ученика, но он обиделся, что Вано ничего ему не сказал. Вано виновато отвел глаза в сторону. И пока старики рассматривали его работу, сердце у него колотилось от волнения.

На бледно-сиреновой скале, выложенной сапфирами, лежал, раскинувшись, юный рыбак, погруженный в мечты. За скалой раскрывалось безбрежное море. Вместе с синей волной на берег выплывала русалка, и прихотливо сплетенная золотая сеть складками уходила в воду.

Бечара взглянул на русалку и чуть не выронил пластину из рук. Русалка как две капли воды была похожа на Гульнару. Этот негодник Вано с такой нежностью изобразил тонкие черты его единственной дочери, что Бечара сразу забыл все обиды.

Не мог скрыть радости и Дарашвили. На лице у него играла гордая улыбка. Этот сапфир он недавно отложил как негодный. Вано взял его и так ловко вставил в картину, словно грубый и необточенный камень был создан именно для этой скалы.

Придирчивые устабаши не нашли ни одного недостатка. Работа была признана безукоризненной.

Все встали, и Дарашвили начал благословлять нового мастера.

— Да ниспошлет господь тебе терпение, как у Иова, сын мой... — Слезы мешали ему говорить. — Помни — все мы дети земли, все уйдем из этого мира и будем держать ответ перед всевышним. Не криви душой! Знай, лучше умереть, чем опорочить свое имя. Избегай карт и вина. Да отсохнет твоя десница, если ты осквернишь ее нечестностью. Будь верен своему цеху. Сына своего обучишь нашему ремеслу. С учениками будь таким же терпеливым, какими были с тобой твои учителя. И на том свете, когда спросят с нас грехи наши, мы скажем: «Господи! Вот мы перед тобой со всеми своими деяниями. Мы не посрамили своей чести. Открой нам двери рая и впусти нас. Аминь!» — С этими словами он сжал большие пальцы обеих рук Вано в своей руке и сильно ударил его по правой щеке, потом по левой и потом опять по правой. Это была последняя дань ученичеству.

— Теперь, Вано, ты мастер нашего цеха, наш брат!

И, как равный равного, он поцеловал его в лоб и правое плечо. Когда Вано наклонился, чтобы в благодарность поцеловать руку учителя, устабаш повязал ему голову шелковым платком.

С цеховыми знаменами ремесленники направились к Курцанисским садам. Прохожие приветствовали нового мастера. На шум выбежала и Гульнара, сдернула с головы платок и радостно им замахала.

Сердце Ваню дрогнуло от счастья. Покраснев и опустив голову, он почтительно прошел мимо девушки.

В саду закололи жертвенного барашка. Повара приготовили шила-плав и щедро раздавали его беднякам. Полный котел плова и лаваш отослали в тюрьму для заключенных.

Три дня пировал Ваню Хандамашвили.

На широко расстеленной синей скатерти стояли восковые свечи, а вместо тарелок лежали большие зеленые листья.

В первый день — день посвящения — и старшие, и младшие кутили вместе. На второй день остались только старики, на третий — собралась одна молодежь.

Вечером третьего дня процессия с факелами прошла по городу. Затем все расположились перед мастерской. Всю ночь пели и плясали. И если поначалу соблюдался еще строгий порядок и, поминая покойных мастеров, в молчании наливали вино на хлеб, то теперь все смешалось, стоял веселый гомон и смех.

Один Тедо Джаварашвили был мрачен. Его и в этом году не приняли в цех. Раздосадованный и обозленный, он, решив бросить опостылевшее ремесло, на следующее же утро покинул мастерскую Дарашвили.

12

Наступило лето.

В полдень, когда воздух гудел от зноя, как пчелиный улей, пустели улицы и приказчики поливали мостовые водой.

Перед духанами, сложив на животе руки и запрокинув головы на спинки стульев, сладко дремали разморенные солнцем духанщички.

Где-то протяжно кричал зеленщик, но никто не выходил на его крики. Весь город покоился в ленивой дремоте.

И вдруг по мостовой зацокали копыта.

В узкий переулок с грохотом въехали дрожки.

— Берегись! Дай дорогу! — кричал усатый кучер, хотя улица была пустой и только испугнутые воробьи взлетели шумной стайкой.

Из трактиров и лавочек высыпал народ, на балконах и крышах засуетились женщины. Разинув от любопытства рты, бежали за дрожками городские мальчишки. А взрослые в изумлении качали головами, не веря своим глазам, — рядом с приставом сидел Отар Дарашвили, которого все уже считали погибшим.

Старый Шио чуть с ума не сошел от радости. Он не видел ни полицейских, ни толпы, набившейся во двор. Бросившись на грудь сыну, он то смеялся, то плакал, как ребенок. Наконец, обессиленный, он отпустил его на минутку и только тогда сообразил снять с себя кожаный фартук, в котором работал в мастерской.

— Мой сын! Во сне я или наяву? Ты вернулся?! Это правда? Вернулся в родной дом! Чего же мы стоим? Заходи! — Он тащил Отара в дом, не выпуская его руки, словно боялся, что сына опять уведут.

Утомленный длинной дорогой, волнением и слезами, Отар побледнел и только растерянно проводил дрожащей рукой по влажному лбу. Щеки его покрылись багровыми пятнами, но счастливый отец ничего не замечал.

— Отар, сын мой! Погубил ты меня, а теперь снова к жизни вернулся! Ты живой, или я все вижу во сне! Ах ты мошенник такой! Дай я тебя обниму...

Он разводил руками, не веря своим глазам, и то и дело хлопал себя по коленям.

Молчавший до сих пор пристав счел нужным, наконец, вмешаться:

— Вот, я вам его сдаю... — почему-то он обращался не к мастеру, а ко всей толпе. — Но смотрите... Я ни за что не отвечаю! Ни за что! Всем понятно? А не то опять тюрьма, Сибирь... и кто знает, что еще будет...

Шно не дал ему договорить. Тихонько вывел его из комнаты и сунул ему за обшлаг двадцатиятирублевку.

Усталый и взволнованный, Отар в ту ночь не сомкнул глаз. Ему было приятно снова видеть свою комнату и слушать мягкий ропот Куры. На столах, на полках, на кровати — всюду книги, раскрытые и сложенные. На ящиках все еще видны следы красной полицейской печати, соскобленной ножом.

Вокруг лампы кружилась мошкара и, опалив крылья, падала на страницы. В открытую дверь заскочил кузнечик, ударился об стену, метнулся к лампе и свалился Отару за ворот. Отар вздрогнул и выронил книгу. Встал, прошелся по комнате, в ритм шагов тихо прочитал забытые строчки Бараташвили:

Свидетель многих, многих лет,
Что ты, Кура, бормочешь без ответа?..

С балкона, повисшего над Курой, Отар взглянул на спящий город. Кое-где еще горели огни, все было тихо, только река неумолчно бормотала и гнала вперед свои волны, которые, сталкиваясь со скалами, трещали как листы пергамента.

В чайхане одиноко звенела зурна.

С Коджори подул прохладный ветерок. Отар вернулся в комнату.

На столе стояли цветы, которые вечером принес Ваню. И от запаха родной земли по телу прошла дрожь.

Звезды в ночи распустились цветами. Казалось, что и они издают нежный аромат.

Вот и исполнилась его мечта — он на родине. Просто не верится! Отар улыбнулся, закрыл глаза. Потом снова взял тяжелую рукописную книгу.

«В 1793 году Французская республика поставила во главе своей армии генерала Наполеона. С двадцатитысячным войском Наполеон взял Александрию, вошел в Египет и покорил его, несмотря на сопротивление, которое оказывал ему знаменитый везир Юсуп-паша, грузин по рождению».

Отар отложил книгу. Судьба Юсупа-паши взволновала его.

Ферейлан, Мазандаран, Египет и Сирия были полны грузинских крестьян, проданных в рабство своими помещиками за шелк и парчу. Отару казалось, что он слышит звон мамлюжеских доспехов.

Маленький капрал, скрестив на груди руки, стоит у пирамид и беседует с вечностью. Горячий скакун летит по пустыне и ждет, когда взойдет на небе сияющий лотос луны.

А дальше...

Звонят кандалами чахоточные каторжники. Кругом тайга, сосны, и тишина, как в пустыне. Лишь изредка вскрикнет глухарь или завершит белка.

Хромой кузнечик пытается взобраться на стену.

Как будто звук шагов...

Отар поспешно вышел на балкон, прислушался — никого.

По Куре ползет освещенный факелами плот. На плоту — веселая подвыпившая компания. Поют, смеются. Их голоса еще долго слышатся в тишине. Кура уносит плот в Ортачала.

Отар сел на перила, прислонился к столбу и, запрокинув голову, стал глядеть в небо.

Млечный путь... по-грузински — Оленья тропа...

Эта ночь вызывала в памяти пещеры Вардзии и Уплисцихе, древние мозаики и фрески Гелати, иконы Хахули и Ошки. Великий мастер средневековья Бека Олизари чеканил это небо и эти звезды. И не было в мире ему равного.

В двенадцатом веке, когда немецкий гений наряду с аскетическими

догмами создавал сказочного Парсифаля, а грешная слуга господня Элоиза писала из монастыря вакхически страстные послания, в Грузии творил великий Руставели, и неизвестные мастера расписывали изумительными фресками стены Ахталы и Кинцвиси.

Отара отвлек от мыслей подозрительный шум. Он знал, кто это. За ним неустанно следили сторожевые псы всемилостивейшего и справедливейшего монарха.

Отар нервно закашлялся. Шио глянул в окно. Отар стоял на балконе и с трудом переводил дыхание.

— Опять ты кашляешь, сынок? — взволнованно спросил Шио, выходя из комнаты. — Отдохнул бы с дороги, хватит читать! Так, чего доброго, заболеешь! — Смутное подозрение закралось в его сердце. — Может, ты нездоров, оттого так кашляешь?

— Я не стал бы от тебя скрывать... Просто отвык от нашего воздуха... Ты не волнуйся, спи.

— Что тебя тревожит? — не успокаивался отец.

— Ничего... — ласково ответил Отар, — все хорошо...

Эти бессонные ночи Отар привез из ссылки. И никуда от них не уйти, не избавиться! Вместе с бессонницей привез он оттуда и сожженные чахоткой легкие.

Шио заснул, а Отар все стоял на балконе.

Взошла луна, и Кура заблестела, как клинок кинжала.

13

Город нищенствовал.

Никогда еще не было такого спроса на подвалы и чердаки — бездомные искали дешевого пристанища.

Гробовщики не успевали выполнять заказы, и за прибыльное дело взялись плотники.

Часто покойника не на что было хоронить, и тогда на грудь ему клали шапку или глиняную чашку для мелочи.

Зато открывались все новые духаны и публичные дома. Безработный люд последние гроши оставлял в кабаках, заливая горе вином.

Нужда вползла в дом Шио Дарашвили. Заказчиков стало так мало, что ученики целыми днями сидели без дела. А Отару день ото дня становилось хуже. Может, и вправду воздух на него повлиял, а может, что другое...

И когда однажды вечером Шио не пришел домой, Ваню, догадавшись, где он, побежал в ближний подвальчик, носящий пышное название «Пестрый фазан».

Через узкое окно он разглядывал красные лица посетителей. За тесно сдвинутыми столами сидели мужчины. Одни мирно беседовали, другие ссорились, третьи во все горло распевали песни. В полутемном углу Ваню разглядел своего отца, Шию, и Бечару. Перед ними стоял кувшин с вином.

Ваню быстро спустился по лестнице. Удивленный Гиго гневно уставился на сына.

— А тебе чего здесь надо?!

Шио сразу понял в чем дело и нахмурился.

Ваню смешался:

— Я пришел, чтобы...

— Чтобы, чтобы! — передразнил его отец. — Уходи отсюда, чтобы духу твоего здесь не было!

Но Ваню не двинулся с места. Ему стало обидно: он уже, как-никак, мастер, а с ним обращаются, как с мальчишкой! Тут за него вступился Бечара:

— Пусть он останется, Гиго, беда невелика!

— Тут и без него много народу пропадает!

— Не бойся, он не пропадет!.. Он уже не ребенок, пусть полюбуется на нашу жизнь, может, сумеет в ней разобратся... Значит так, — продолжил Бечара, видимо, ранее начатый разговор. — Идет наше дело к концу — и все!

— Э-эх, Бечара, мастера потеряли свою силу — в этом все горе! — вздохнул Дарашвили.

— Люди разучились ценить мастерство, вот мы и не нужны никому! — не утихал Бечара, словно обвиняя кого-то. — Где теперь старые времена! Вот ты башмачник, Гиго. Я скажу тебе, как раньше было: отец не снашивал башмаков, сыну оставлял. А теперь?! Всем подавай с рантом да с бантом! — передразнил он привередливых модниц.

Вано присел на стул и принялся рассматривать набитый людьми диван. За соседним столом сидела странная компания. Один — длинноволосый, в черном сюртуке и с тростью. Про него в городе говорили, что он пишет комедии. Двое других часто ходили к Отару Дарашвили и всегда о чем-то спорили.

В углу подвальчика, перед буфетом, уставленным бутылками, стоял важный хозяин, его жирное брюхо перетянуто массивным серебряным поясом. Толстые пальцы, как лягушки, прыгают по счетам. Вано противно стало смотреть на него, и он перевел взгляд на стены и сводчатый потолок. Из двери, как мутная вода, струился свет, сырые стены были разрисованы черными подтеками.

«В ночь говенья я, каменщик Минас Круашвили, сидел здесь. Нет справедливости на свете...»

«Минас! Минас!» — не мог вспомнить Вано и еще раз внимательно прочел выцарапанные на стене слова. И вдруг его осенило.

Это погибший отец Габо. Вано сообразил, что раньше в подвале помещалась полиция, и в этом подвале держали арестованных. Бунтари-ремесленники, должно быть, тоже сидели здесь...

Оглушительный хохот прервал размышления Вано. Он оглянулся. Неподалеку сидел Габо и вливал вино в разинутый клюв своего петуха. Петух, чтобы не свалиться спяня, опирался на распопыренные крылья. Он глотал вино, закатив глаза к потолку и громко кукарекая.

Посмеявшись, мастера вернулись к своему разговору.

— Если погибло ремесло, то какой же я мастер? — Шио поглядел на свои натруженные руки и горько усмехнулся.

— Эх, если б вы видели наших рабочих! Собаки так не живут, как фабричные! — твердил свое Гиго.

Шио сочувственно покачал головой, обеими руками осторожно поднял чашу с вином и, морщась, выпил, словно это было не вино, а лекарство. Затем он старательно обтер усы большим платком.

— Вот наш Китэса, ведь он лучший каменщик... Или Галустов — был первый в городе цирюльник. А теперь? Все бросили свое ремесло. Каретник Ксануташвили закрывает мастерскую и идет рабочим на завод к англичанам. Как же так?! Опытный мастер идет на чужой порог — по гудку вставай, по гудку ешь, по гудку пей! Что я им, ученая обезьяна что ли! Нет, брат, я с голоду подохну, но буду делать что хочу и когда хочу! А наш шарманщик Лохош? Он ведь раньше шил шапки не хуже других! Многие и сейчас ходят в его шапках! А сам он — смотрите — стоит и за пять копеек одну и ту же песню крутит!

Шио повернулся, крикнул шарманщику:

— Ты сыграй нам, Лохош, что-нибудь грустное, для души...

Шарманка застонала, и полилась старинная тбилисская песня.

Половые в белых фартуках уносили пустые кувшины и проворно приносили полные.

Шарманка все плакала и вздыхала. Петух умолк. Бечара, понури-

голову, задумчиво слушал песню. Шио ушел в свои невеселые мысли. Расстрогаанный Гиго потянулся к сыну и нежно прижал его к груди.

Шарманка замолкла. На некоторое время установилась тишина, но ее прервал Бечара. Широко раскинув руки, он запел хрипло, с надрывом:

Улетела птица моей любви...

Потом прервал песню и махнул рукой.

— Иди к нам, Лохощ, — позвал он шарманщика.

Тот не спеша накрыл шарманку плюшевой накидкой и, чтобы не обидеть старого друга, подсел к столу.

Бечара разливал вино, провозглашая тоном проповедника:

— Что с того, что ты шарманщик! Все равно, ты наш верный друг и брат! — И неожиданно предложил: — Давайте, выпьем за этого несчастного фазана. А? Ведь и он был когда-то птицей, и жена у него была, и дети. Наверное, он любил летать и думал, что все на свете в порядке. Так он летел себе в один прекрасный день и радовался. А тут сукин сын охотник подкрался и — бах! — выстрелил. И все! Конец! — Бечара с силой хлопнул рукой об руку. — Смотрите на него: и крылья у него есть, и глаза, и хвост, — вроде, настоящая птица. А что толку?! Крылья есть, да не летает, глаза есть, а ни черта не видят! Висит на стене и только всех обманывает — мол, я тоже важная птица... Э-эх, брат, смерть, она не страшна! Положат в ящик, землицей присыпят, лежи себе, полеживай! А страшно, когда сделают из тебя чучело и выставят на люди... И мы такие же... Руки у нас есть, дело свое знаем, а сидим без работы, заказчиков нет. Какие же мы мастера! Лохощ, твоя шарманка — пустой ящик, а ведь поет! Теперь так: соловьи молчат, а ящики поют... Ну и выпьем за это слепое чучело и деревянный ящик!

Он залпом осушил чашу и обтер мокрые губы.

— Это еще ничего! Вы посмотрите, что дальше будет! Со времен бунта такого не бывало! Вчера в управе говорили — из двенадцати тысяч мастеров осталось только шесть. Шесть тысяч — это вам не шесть копеек, чтобы махнуть рукой, если выпадут из кармана. Куда девались эти шесть тысяч? — И Бечара сам ответил на свой вопрос, закладывая пальцы на руке: — В трактиры, на улицу, ко всем чертям! Гиго, ты помнишь Пидо-то-каря?

— Как не помнить! Таких мастеров не часто встретишь!

— А знаешь, где теперь твой Пидо? — разгорячился Бечара. — Стоит у моста с протянутой рукой!

— Ничаво-о! — со вздохом проговорил Шио. — Правда свое возьмет!

— Правда там, где карман набитый!

— Все мутят эти ученые парни, — уверенно вступил в разговор Лохощ, забыв о том, что один из этих «ученых» — сын Дарашвили. — На днях пригласили они меня с шарманкой за город. У нас, говорят, пикник, или как это там называется! А у самих собрание было. Ну и наслушался я, будь здоров!

Гиго тяжело вздохнул.

— Что ты вздыхаешь, Гиго? — спросил Бечара.

— Ничего я в жизни не пойму! Одни ничего не делают — и деньги лопатой загребают, другие спину гнут — и гроша ломаного не имеют...

— Вот и я говорю! — Бечара самодовольно поглядел на друзей.

— Нет, Бечара, ты не то говоришь... Помнишь нашего каменщика Минаса Круашвили?

— Ясное дело, помню...

— Ведь сам он эту тюрьму строил и сам... — Гиго не мог говорить. — А в одну ночь его в эту тюрьму и посадили. Что вы на это скажете?

Все молчали.

— Поймите же наконец! — вспыхнул Гиго. — Тот мир, который

строили вы, старые мастера, погибает. Теперь рабочие строят новую жизнь. Когда только у вас глаза откроются!

В духан ввалился ростовщик Соломан Вартанов. Было заметно, что он где-то уже подвыпил, а сюда явился погулять, отвести душу. Беспокойно бегающие крысиные глаза, скрытые одутловатыми щеками, в один миг обшарили все углы. Увидев Шио, пьяный ростовщик направился прямо к нему.

— Присаживайся за наш скромный стол! — нехотя пригласил вошедшего Бечара и протянул ему чашу с вином. Вартанов подозрительно понюхал вино. Бечара пододвинул ему стул.

— За ваше здоровье, — хмуро произнес Вартанов и медленно поднес чашу к губам.

Шио сморщился, как от зубной боли, и отвернулся.

Заметив это, Соломан вздрогнул, как ужаленный, и, не выпив ни капли, грохнул глиняную чашу об стол.

— А ты чего нос воротить?! Денежки мои забрал, а возвращать не собираешься! Вот завтра пристав опишет твою мастерскую, тогда узнаешь, как со мной шутки шутить!

При упоминании о приставе Шио весь сжался и втянул голову в плечи. Но тут же взял себя в руки и твердо произнес:

— Соломан! Ты столько ждал, подожди еще немного! Что с тебя станет!

— А ты ловок, как я погляжу! Придут ко мне люди, а я им скажу: «Подождите, пока Шио Дарашвили мне деньги отдаст!» Я уж не говорю о долге, хоть бы проценты выплачивал!

— Клянусь совестью... — начал было Шио.

— Плевал я на твою совесть! — разошелся ростовщик. — Если бы она у тебя была, ты бы давно вернул мне деньги!

Мастер еле сдержался: весь побледнел и невольно сжал рукой кувшин.

Бечара пожалел друга.

— Соломан! — вмешался он. — Ты же видишь, человек обещает через неделю заплатить. Ведь не пожар же у тебя! Подожди немного!

— Конечно пожар! — завопил Вартанов. — Человеку деньги нужны, а вы мне твердите — через неделю! — Неожиданно он сбавил тон и, хитро улыбаясь, спросил: — Значит, тебе нужна одна неделя? — Он поднес к лицу мастера короткий толстый палец.

— Да! — поспешно ответил Дарашвили, и в сердце у него шевельнулась надежда.

— Знаешь что? — так же спокойно продолжал Соломан. — Давай спросим у этих стен, посмотрим, что они скажут!

Он задрал голову и, поворачиваясь в разные стороны, пьяным голосом закричал:

— А ну, стены, скажите, дать этому попрошайке еще неделю сроку? — Он подбежал к стене и прижался к ней ухом.

Все застыли, никто не ожидал такого издевательства над старым уважаемым мастером.

— Что поделаешь?! Стены сказали нет, — с притворным огорчением развел руками Соломан. — А ведь их строил твой зять — Минас. Здесь была тюрьма, и ты помнишь, наверное, что твой знаменитый зятек сидел здесь... А после его отправили в Сибирь. Такова жизнь! — Он залился злобным смешком. Никто даже не улыбнулся, и Соломан помрачнел.

— А-ах ты мерзавец, кровосос! — вдруг вскочил молодой человек в черном сюртуке. Он схватил Вартанова за шиворот и отшвырнул с такой силой, что ростовщик растянулся на грязном полу. Он тут же вскочил и бросился на обидчика, но тот выставил вперед трость, и Соломан отступил, сжав кулаки в бессильной ярости.

— Будь проклят тот, кто выпустил тебя из тюрьмы, бездельник! Вместо того, чтобы работать, книжки пишешь и народ баламутишь! А ну, шарманщик давай музыку! Сейчас перед вами новомодный клоун сыграет свою комедию!

Шарманка закрипела.

— А-ах, Сусанна, ох, Сусанна! — запел Соломан и, покачиваясь, пошел к свободному столу.

От звуков шарманки Шио пришел в себя и швырнул в негодяя кувшин, который все время сжимал в руке. Кувшин раскололся, залил всю стену красным вином.

Габо, не выдержав, медленно встал и горой надвинулся на ростовщика.

— Ты что, гадина, над людьми издеваешься?! Награбил денег и думаешь, что тебе все дозволено! — заревел он, схватив Вартанова за ворот.

В дело вмешался хозяин.

— Эй, Габо! Мало того, что ты здесь курятник развел, теперь к почтенным людям начал приставать?!

Габо гневно взглянул на духанщика, но Соломана отпустил.

— Хочешь, я сейчас разгромлю твой духан, по кирпичику разнесу! Хочешь?! — повысил он голос, но сразу сник под грозным взглядом своего дяди.

«Эх, скажи мне, где есть правда на земле!» — грустно пропел он.

Бечара обнял Шио за плечи и бережно повел к выходу.

— Успокойся, Шио, я одолжу тебе денег! Что такое деньги? Это ничего-о, — закончил он по-русски.

Из духана все доносилось: «Ах, Сусанна, ох, Сусанна!»

Шио остановился и посмотрел вниз.

— Вот и все! — печально покачал он седой головой.

14

Бечара сдержал свое слово и одолжил Шио деньги, чтобы он выплатил Соломану проценты. Но долг оставался долгом. Вартанов со дня на день грозил привести пристава и описать мастерскую. И все-таки, уплатив проценты, Шио немного успокоился. В знак благодарности он решил сделать какой-нибудь дорогой подарок для Гульнары. По секрету от всех он заказал Гиго Хандамашвили пару туфельек на каблучках. Ему казалось, что неожиданный подарок особенно приятен будет дочери его друга.

Через два дня туфельки были готовы и лежали в мастерской. Шио собирался украсить их, прошив золотыми нитками.

Но от черта и от влюбленного ничего не скроешь! Ваню сразу разгадал план учителя и от радости чуть в пляс не пустился. Приглушенная было любовь вновь обрела надежду и разгорелась ярким пламенем. Он мечтал, чтобы мастер поручил ему разукрасить эти чудесные туфельки. Он покажет тогда, на что способны его руки! Все свои чувства он выразит в сложной вязи узора.

Долго мучался Ваню и, наконец, решил открыться мастеру.

В то утро Шио пришел в мастерскую в хорошем настроении. Еще не приступив к работе, он попросил принести туфли. Ваню медлил. Учитель удивленно взглянул на него:

— Ты что? Заболел?

Ваню, воспользовавшись минутой, пошел напролом:

— Мастер, дай мне эту работу! — Он хотел еще что-то добавить, но залился краской и опустил голову.

Шио все понял, но спросил нарочито грубо:

— И давно ты забрал в голову эти глупости?

рлял... и ничего больше не могу... За что ты погубил меня? За что? — на глазах у него появились слезы.

Никогда не видел Ваню своего врага столь растерянным. Он даже хотел утешить его как-нибудь, но побоялся насмешки и только спросил:

— Не понимаю, отчего ты стал таким?..

— А с чего мне быть другим? Что вышло из моей жизни?.. Ты помнишь тот день, когда мы играли в прятки?

— Помню.

— А как я стоял с закрытыми глазами и считал, тоже помнишь?

— И это помню.

— Вот и живу я с закрытыми глазами и считаю прожитые дни! А ты с Гульнаркой прячешься и обманываешь меня... Могу ли я работать!.. Если бы я знал тогда, что так все обернется, то там же, на месте, переломал бы тебе руку!

Тедо повернулся к свету, и Ваню увидел, какой ненавистью горят его пьяные глаза.

— Но у нас и так перебиты руки, — продолжал Тедо все так же мрачно. — Сколько любви и радости мы упустили! Отчего?

В часах открылось маленькое оконце, высунулась кукушка, прокуковала пять раз и исчезла.

— Все так же, как и было... — Тедо беспомощно улыбнулся, — ты работаешь, а она себе кукует — время отсчитывает.

В предрабачной тишине ревел заводской гудок, свистела сирена и весь город потонул в гуле и грохоте занимающегося дня. Улица наполнилась говором, шумом шагов и кашлем. Рабочие спешили на фабрики.

— Слышишь... идут... идут... для них наступает утро... и наш шабаш приближается!

15

Все утро Ваню проспал как убитый. К счастью, мастер опоздал, и Ваню успел встать до его прихода. Выспавшийся, довольный, что окончил работу, он был в чудесном настроении и совсем забыл про Тедо.

Шио, войдя в мастерскую, прошел на свое обычное место, как всегда трижды перекрестился и только тогда поздоровался с учеником. Он подвязал кожаный фартук и начал рассматривать туфельки. Ваню с волнением ждал, что скажет мастер.

— Молодец! — Шио был явно доволен. — Обрадуем сегодня нашу красоту!

Мастер приступил к работе, а Ваню принялся за уборку мастерской. Тщательно подмел кирпичный пол, сложил инструменты, почистил полки. Время от времени Шио поглядывал на него, понимающе улыбаясь.

— Напрасно стараешься, парень, она на это и не посмотрит!

Ваню густо покраснел. Не успел он оправиться от смущения, как дверь отворилась и пожаловал Вечара с дочерью.

Старики скоро увлеклись беседой и совершенно забыли о молодых.

Стоя на коленях, Ваню бережно надевал туфельки Гульнаре, и сердце его щемило от счастья и нежности. Она протянула ему другую ногу и почувствовала, как он погладил ее ласковой и сильной рукой. Девушка нахмурила брови, но Ваню так посмотрел на нее, что камень и тот растаял бы от жалости. Глаза Гульнары заблестели и невольно признались, что она его любит.

Мастер и усташа все так же оживленно о чем-то беседовали.

Ваню встал, чувствуя, как сердце бьется у самого горла.

Туфельки, сшитые отцом и разукрашенные сыном, удивительно ладно сидели на маленьких ножках. Гульнара благодарно и смущенно улыбнулась молодому мастеру и обратилась к отцу, поглощенному разговором:

— А ну, отец, взгляни! — она изящно склонила шею и выставила вперед ногу.

Шно отвлекся от беседы:

— Носи на счастье!

— Очень красиво! — подтвердил Бечара. — Не жмут ли они?

— Нет! — Гульнара пыталась скрыть свое волнение, но не смогла и влюбленными глазами посмотрела на Ваню.

Это не укрылось от зоркого взгляда Бечары.

— Сейчас же идем домой! — закричал он и вытащил дочь из мастерской. — Что это с тобой? — раскипятился он на улице. — Я тебе покажу, негодница!

Дарашвили, не в силах спрятать улыбку, взглянул на своего любимца и ничего не сказал.

16

Много времени прошло со дня возвращения Отара Дарашвили, но связи со своими прежними единомышленниками он так и не установил.

Напротив, он словно избегал встреч с ними. Несмотря на неусыпный жандармский надзор, он тесно сошелся с рабочей молодежью и вел на фабриках активную пропаганду. Старые его товарищи не могли понять, что с ним происходит, и как-то раз явились к нему домой. У Отара, как всегда, была большая группа рабочих.

Разговор завязался спокойный, но потом разгорелся. Больше всех кричал тот самый длинноволосый писатель в черном сюртуке, который в духане сцепился с Соломаном. Отар спорил с ним и доказывал руководящую роль рабочего класса в революции. Красноречивый «друг крестьян» утверждал, что террор неизбежен, но Отар прервал его с такой горячностью, словно решалась его личная судьба.

— Вот и вся наша деятельность идет от этой ошибочной теории. Вы обожествляете личность и ни во что не ставите народ.

Писатель стоял посреди комнаты чуть расставив ноги и так ядовито улыбался, что вконец вывел Отара из себя.

— Скоро, очень скоро во главе вооруженного восстания встанет рабочий класс. Вы уповаете только на крестьянство, а мы стоим за союз его с пролетариатом! — закончил Отар и залпом выпил стакан воды. Затем резко повернулся к длинноволосому, видимо, собираясь еще что-то сказать, но от волнения у него перехватило дыхание, и он опустился на стул.

Те, кто знал Отара раньше, с удивлением слушали его. Эти годы в корне изменили его взгляды. Успокоившись, Отар продолжал:

— Вы не хотите понять, что для самодержавия этот союз представляет разрушительную силу. И поэтому теряют смысл ваши методы борьбы. — Он повысил голос. — Всякий общественный слой имеет свою идею и борется за нее. Идея пролетариата — социализм. И победа будет на его стороне! — произнес он так горячо и убежденно, что все поняли — он говорит то, что выстрадал за эти тяжелые годы одиночества, колебаний и размышлений.

Спор затянулся допоздна. Дело кончилось тем, что писатель ушел, сердито хлопнув дверью, и за ним последовали его друзья. Воодушевленные этой победой, рабочие еще оставались в комнате, когда Зурия Голиашивили отвел Отара в сторону и что-то негромко сказал ему.

— Хорошо, очень хорошо! — ответил Отар. — Я обязательно придду. Только все должно быть в секрете, чтобы не разуднали «длинноволосые», которые сегодня здесь были. — После недолгого колебания он добавил: — Я хочу вас предупредить, чтобы вы их не слушали. Они тянут назад рабочий класс. Они забывают, что даже некоторые ремесленники по своему положению уже близки к рабочим. Но ничего! Скоро и остальные

во всем разберется... Это большой и сложный вопрос. Давайте в следующую встречу поговорим об этом.

Отар распрощался с рабочими.

Оставшись один, он заложил руки за голову и задумался. Потом быстро подошел к столу и взялся за книгу. Было уже темно, и буквы таяли в закрывшихся в комнату сумерках.

— И давно ты изменил своим друзьям? — раздался голос отца. Отар вздрогнул от неожиданности.

— Встань, когда с тобой разговаривают, — властно произнес Шио.

Отар встал послушно, как ученик. Отец ходил по комнате медленными твердыми шагами. Отар не различал в темноте его глаз, но чувствовал на себе упорный взгляд.

— Давно ты изменил друзьям, я спрашиваю? — повторил старик тем же тоном.

— Я никому не изменил, — сухо ответил Отар. — У меня просто раскрылись глаза, и многое я вижу по-другому.

Эти резкие слова подействовали на Шио. Он замолчал, втянул голову в плечи, и его коренастая фигура стала совсем квадратной.

— Значит, по-твоему, мы погибаем? Имеем крылья, да не летаем, имеем руки и не работаем! Так? — голос у мастера задрожал, и сердце Отара сжалось от мучительной жалости.

Тишину опять нарушил Шио.

— Панихиду поешь по мастерам? — И продолжал глухо и печально: — Для этого я тебя учил, для этого влез в долги?! Дедовская мастерская пропадает — и все для чего? Чтобы ты хоронил меня заживо!.. А я-то ждал тебя, старый дурак... Сын... — простонал он умоляюще, хотел еще что-то сказать, но махнул рукой и вышел из комнаты.

Отар все стоял, прислонившись к стене.

17

Забастовали рабочие табачной фабрики.

Хозяин выписал из Одессы новую машину и уволил с работы двадцать шесть человек. Товарищи поддержали уволенных, разбили машину и послали на обувную фабрику Адельханова своих представителей с призывом присоединиться к стачке.

Глаза у Зурии загорелись огнем:

— Товарищи, что же мы стоим! Бросай работу! Все одно с голоду подышаем! Сами подсчитайте: я в день вырабатываю на десять рублей, а хозяин мне выплачивает двадцать копеек. Нас семьсот человек, мы даем семь тысяч прибыли, а получаем? Два аршина земли и четыре доски! Хватит! И для нас должен прийти рассвет!

Откуда-то вылез Баба Шибанашвили и закричал хриплым от пьянки голосом:

— Ты народ не мути!

— Проваливай отсюда, а то я тебя так разукрашу — сам хозяин не узнает! — пригрозил Зурия.

Завязалась драка. Но тут загудел фабричный гудок.

От толпы отделилось несколько человек и, опустив головы, пошли к фабрике. За ними последовали и другие.

— Вы куда! — рванулся к ним Зурия. — Продаете своего брата рабочего! Мы не дадим вам работать! Жизнью своей клянусь, ни одного человека не пропущу! — Он встал в воротах, загораживая проход.

— Начинай стачку! Хватит спину гнуть на кровососов!

Часть рабочих колебалась, не зная как быть.

Шибанашвили воспользовался заминкой и юркнул в контору. Не прошло и минуты, как во двор мячиком вкатился Адельханов.

— Вы что, с ума спятили! — заорал он. — Я вас кормлю, а вы в благодарность бастуете! Слушайте, слушайте этого чахоточного, очнуться не успеете, как в тюрьму сядете! А где же он сам? Нашкодил — и в кусты!

Хозяин не успел закончить, как раздался голос Зурии:

— Ты язык не распускай, Адельханов! — Он пробрался сквозь толпу и гордо встал перед фабрикантом.

— Убирайся отсюда сейчас же! — Адельханов побагровел от крика. — Я из милости тебя держал, а теперь иди, куда хочешь! Бунтовщик!

Зурия потерял терпение и заговорил негромко, но так, что всем было слышно:

— Выгоняешь! Из милости меня держал, говоришь! На мои денежки жиром налился, а теперь я тебе не нужен! Я за всю жизнь дня светлого не видел. Тебе ясно не по вкусу, что нам правда открылась! Денежки-то твои нашей кровью пахнут... А ну, люди добрые, взгляните на меня! — Зурия раскрыл ворот рубахи и обнажил впалую грудь. — Вот, что вас ожидает!

Во двор фабрики ворвалась полиция.

— Разойдись!

Молнией взлетали шашки. Все забурлило и перемешалось. И только Зурия продолжал кричать:

— Это твоя благодарность, хозяин!.. — но он не договорил.

Один из полицейских так ударил его револьвером в спину, что изорга у него фонтаном хлынула кровь.

— Арестуйте, арестуйте этого мерзавца! — истерически визжал Адельханов.

— Убивают! — завопил кто-то по-бабьи.

— Даешь бунт! — взревела толпа, и в полицию полетели камни.

— Бей! — Зазвенели разбитые стекла.

Жандармы вели к воротам связанного Зурию Голиашвили.

Ревел фабричный гудок, рукопашная шла вовсю. Но что могли сделать безоружные рабочие.

18

После фабричного бунта правительство запретило всякие сборища, но это ничуть не мешало тбилисцам готовиться как обычно к масленице.

На той улице, где ежегодно проводились кулачные бои, женщины с самого рассвета занимали балконы и крыши, зная, что вечером не будет ни одного местечка.

Граница между районами-соперниками пролегалла у Сионской церкви. «Верхние» должны были отгеснить противника до серных бань, а «нижние» — до древнего храма Анчисхати. Чья сторона перетянет, тот район и будет считаться победителем.

«Верхние» волновались: за долгие годы им ни разу не удавалось одолеть этого черта Габо! Но больше всех переживал Бечара. Он даже бежал на Авлабар, к гадалке, купил у нее волшебный талисман и забросил его через трубу в дом Габо в надежде лишить его сил накануне боя. Но на бога тыря не действовали ни колдуньи, ни талисманы, ни сами черти!

Бой еще и не начинался, когда по городу прошел слух, что Бечара привел откуда-то новых палаванов. Один Габо ни о чем не знал. Ему было не до того. Он не отходил от больного Отара и думать не думал о празднике. Без него «нижние» не могли рассчитывать на победу. Они послали в Крцаниси ходоков, но Габо твердо стоял на своем:

— Оставьте меня в покое! — сердился он. — Видите, брат у меня умирает... Никуда я не пойду! Да и бороться не с кем — однидохлые куры!

Бечара потерял голову от радости:

— Я же говорил! Я же говорил, что ведьма нам поможет! — вал он на своей крыше, выводя из себя и без того раздраженных противников.

Стоял тихий апрельский вечер. Завтра первый день великого поста. Посаженный на верблюда лысый «хан», с лицом, вымазанным сажей, и клоунской шапкой на макушке, объедет весь город с шутовской свитой и соберет «дань». Обычай этот очень древний, и горожане свято его хранят. Собранные деньги пойдут осиротевшей семье какого-нибудь мастера — дочери на приданое.

В ожидании боя народ толпился на улице.

Своих палаванов Бечара до поры до времени не выпускал из дому. Но «нижние» решили, что хвастовство Бечары — просто выдумки и, осмелев, заранее праздновали победу.

— Радуйтесь! Радуйтесь! — бормотал Бечара. — Вы еще увидите! — Он тихонько посмеивался.

Вот уже улицу подмели и полили водой. Шарманка заиграла туш.

И тогда-то Бечара выставил на крышу пятерых отборных молодцов.

— Ну как, голубчики мои! — злорадно воскликнул он, подавая своим палаванам по кувшину вина. — Что теперь запоете!

«Нижние» засуетились и опять послали к Габо просителей со строгим наказом без него не являться. После долгих просьб и уговоров садовник наконец оделся, запер дом и пошел в город. Сопровождаемый гулом приветствий, он добрался до дома Бечары и, важно подбоченясь, сел на камень поглядывая на незнакомых палаванов.

— Победить меня захотели! Как бы не так! А впрочем, мне все равно... Победите — ну ладно, ну и молодцы! Эх, бедная моя головушка! Дожил я, что мне все одно — в пыли валяться или на коне красоваться!

Завидев Габо, Бечара ахнул:

— А ты чего явился, идол! Сидел бы уж дома, проклятый! Ну ничего! Мы тебя прочум! Если ты и сегодня не свалишься, пусть умрет Бечара! И тебе, тебе придется отвечать за мою смерть!

И вот «нижние» выпустили какого-то вихрастого мальчишку, который, шлепая по мостовой худыми ногами в дырявых башмаках и отчаянно размахивая кулаками, заорал во всю глотку:

— Эй, верхние, выходите!

И сражение началось.

Азарт нарастал. К мальчишкам присоединились юноши, к юношам мужчины посolidнее, и бой разгорелся.

— Бей!

— Не робей!

— Всыпь ему!

Знаменитые палаваны, наблюдавшие, как петушится мелкота, постепенно входили в раж.

Скрипела шарманка, звенела зурна. Мелькали сжатые кулаки, разгоряченные лица, разорванные архалуки.

Бечара по одному выпускал своих молодцов, подбадривая их криками.

Некоторые уже валялись в пыли, другие с окровавленными носами покидали поле брани. Тех, кто не держался на ногах, зрители оттаскивали в сторону и оставляли на попечение женщин.

Вот «верхние» оттеснили противника. Еще немного — и победа будет обеспечена.

Те горожане, которые прежде жили в нижней части города и лишь

в этом году переселились в верхнюю, должны были теперь выступать против бывших соседей. Ну как рука поднимется на старого друга! Привычка сказалась, и незаметно для самих себя они перешли на сторону «нижних». «Верхние» сразу заметили измену.

— Предатели! — загалдели они и ожесточенно кинулись в драку.

— Держитесь, братцы, держитесь! — метнулся по крыше Бечара. — А вам, подлым, я еще покажу! Пусть я срею усы, если вы не пожалеете об этой измене! — грозился он.

Ободренные неожиданной поддержкой, «нижние» пошли в наступление. Против знаменитого силача-кузнеца Гола никто не мог устоять. «Верхним» пришлось выпустить против него известного забияку — извозчика Михахо. Вот он подобрался к Голе и стукнул его кулаком. Гола в ответ развернулся — и у бедного Михахо в глазах потемнело, он закачался и грохнулся наземь. Бечара чуть с ума не сошел от досады и злости. С крыши неслись его отчаянные оглушительные вопли.

— Не губите меня, родные, дай бог силы вашим рукам! Чего вы трусите, сукины дети! Бейте их, не срамите меня, старого!

Гола шел напролом, и устабаш понимал, что пока он не свалится, им победы не видать.

— Ты чего рот разинул! Не видишь, наших бьют! — набросился он на плотогона Комшуа. Тот не заставил себя просить дважды.

— Ахай-та-та-та! — Комшуа заработал крепкими кулаками. За ним пошли братья Вирицхонашвили с Кукиа¹. Лавочник Гомпуа метался, как бык в загоне, раскидывая вокруг себя и больших, и малых.

Но все напрасно! «Нижние» не поддавались. Вот уже более часа идет бой, а ни одна чаша весов не перетягивает.

Вот вышел горец Кондага. Он двинулся вперед, как могучая гора, пробивая себе дорогу огромными кулачищами. Гола уже устал и с трудом продирается сквозь плотную стену противников.

Бечара не мог устоять на месте, он прыгал и кричал:

— Ребятюшки, дорогие, бейте их, поганных, бейте! Угощение за мной!

К Габо подбежал запыхавшийся парень и завопил ему в самое ухо.

— Ты чего расселся! Не видишь, что делается! Задавят они нас!

Габо даже не обернулся. У него была своя забота — он ждал, когда выйдет богатырь, которого Бечара припрятал на самый конец. Но увидев своих в беде, он не выдержал:

— Разойдись! Габо идет! Выходи, кто посмелее! — Он врзался в самую гущу. — Разойдись! Кого встречу — не отвечаю! — Как дикий кабан, он все крушил на своем пути. Перепуганные «верхние» палаваны сторонились и уступали ему дорогу.

— Не наступите мне на мозоль, а то я обижусь! — грозно шутил Габо.

Мальчишки скидали от восторга.

— Давай Габо!

— Хорош!

— Габо-о!

— Против него никто не устоит!

Навстречу Габо двинулся Годора — последняя надежда Бечары. Он молотил кулачищами, как пудовыми кувалдами.

Габо невольно залюбовался им, забыв, что это его враг.

— Давай, нажми! — Бечара надрывался.

Годора начал не торопясь, потом пошел быстрее, и чем сильнее было сопротивление, тем горячее он становился. Габо рванулся было ему навстречу, но затем передумал: «Жалко молодца, я все дело ему испор-

¹ Старый район Тбилиси.

чу!» — Он повернулся, как раскидав всех, пошел в другую сторону. Но Годора упорно пробивался прямо к нему. Ничего не поделаешь! Габо остановился и приготовился к бою. Вот бойцы сошлись, на минутку остановились, взглядом оценивая друг друга. Габо воспользовался передышкой и дружески крикнул:

— Парень, чего ты ко мне пристал! Проходи! Нам обоим тут не место! Прощай!

— Дай дорогу — я пройду! — заносчиво ответил Годора.

Габо медленно поднял руку для удара. Годора ловко увернулся и, внезапно выпрямившись, так стукнул Габо в лицо, что у того в глазах помутилось.

— Одолел ты меня, брат.. — только и успел Габо выговорить, теряя сознание.

Запела шарманка, застонала зурна, загремел праздничный туш. Ребятишки, как мыши, шныряли под ногами, орали, свистели, хохотали — только береги уши, чтобы не оглохнуть!

Бечара совершенно обезумел.

— Победили! Победили! Победили! — маленький и сухонький, за эти пять минут он вырос, наверное, на пять вершков. Неизвестно в который раз он злорадно спрашивал: — Ну, что, одолели мы вас?! Одолели?! И Габо вашему показали? Как он теперь себя чувствует? Ага! А вы как думали? Вот вам и Бечара! — и он снова начинал кричать: — Победили! Победили! Победили!

Смотреть на него без смеха было невозможно, но он не обращал ни на кого внимания, то хохотал, как сумасшедший, то лепетал что-то невразумительное, то прыгал на одном месте, как мальчишка.

Гиго Хандамашвили смотрел-смотрел на него, наконец, не выдержал:

— Хватит, Бечара, а то и мне уже кажется, что ты по-настоящему свихнулся! Успокойся! Ну, большое дело, победили и будет!

Но Бечара продолжал восторгаться, и из глаз у него лились слезы. Всех, кто попадался под руку, он горячо обнимал. Люди уже и впрямь решили, что он умом тронулся.

Победителя Годору он чуть живьем не съел, повис у него на шее и нашептывал что-то восторженное и непонятное. Потом он вдруг оставил его в покое, взобрался на камень и закричал, отчаянно жестикулируя:

— Внимание! Эй! Слушайте меня все!

В шуме и гаме никто не слышал его голоса, но по тому, как он размахивал руками, было件нятно, что он хочет сказать что-то важное.

— Братцы! — закричал Бечара, как только стало чуть тише. — Братцы! Вы видели, как трудно нам приходилось! Совсем как во времена Ага-Магомет-хана! И все-таки мы победили! А что сделать с теми, кто изменил нам в трудную минуту?

Народ не сразу понял, о чем говорит усташ.

Бечара рассердился.

— Э-э! Я вас спрашиваю, что делать с предателями?!

— Ближе к ним не подойдем, руки им не подадим! — загалдела толпа.

— Не-ет, мои дорогие! Этого будет мало! Мы разрушим их очаги, чтобы их дым не мешался с нашим, мы разорим их подлые дома, чтобы их петухи не кричали на наших улицах и их собаки не лаяли в нашем районе. Ну как, братцы?

— Разрушим, Бечар-джан! — ответили победители и двинулись к домам «предателей».

Те не дожидаясь «суда», скрылись в своем старом районе, а их жены кричали и умоляли сжалиться над детьми. Но, не слушая истошных воплей, парни взбирались на крыши и ломали печные трубы.

Вано сбрасывал вниз кирпичи, когда вдруг увидел в конце улицы пристава и городских.

— Полиция! — закричал он испуганно. Разгоряченная толпа притихла. Только Бечара не растерялся. Завидев глупо ухмыляющегося городского дурачка Сандлиа, он моментально что-то смекнул:

— Держите Александра! Не выпускайте!

Горожане обалдели, не понимая, о каком Александре орет Бечара. Тогда он подлетел к Сандлиа и завопил еще громче:

— Помогите мне его раздеть! Живо!

Тут все сообразили, куда клонит устабаш. В одну минуту несколько парней догола раздели дурачка. Тот отчаянно отбивался, вырываясь из рук. Удержать его было нелегко, — голый, он выскальзывал, как рыба.

Женщины, закрыв глаза руками, со смехом разбежались по домам. Дети прыгали и визжали от восторга. Сандлиа жалобно мычал и дрожал от холода. Бечара вовремя сунул ему серебряную монету. Тот оказался совсем не таким дураком — сразу затих, словно язык проглотил.

— А ну, Вано, помоги мне! — позвал Бечара молодого мастера. — Нарисуй ему эполеты, как у нашего пристава, а об остальном я сам позабочусь!

Вано отыскал уголек и умелой рукой нарисовал эполеты на голых костлявых плечах Сандлиа. А Бечара опоясал синим платком его худые бедра и спереди повязал бант, точно так, как на груди у пристава.

— У-у, что это вы со мной делаете? — опять завыл дурачок, но увидев бант, развеселился:

— Хи-хи, я — как пристав! Цыц! Молчать, а не то всех засажу! Арестую! — очень похоже передразнил он блюстителя порядка и смешно погрозил пальцем.

Народ покатывался со смеху.

Бечара подвел Сандлиа к дереву и строго приказал:

— Слушай меня как следует! Мы будем кричать «долой Александра!», а ты, смотри, вниз не спускайся, наоборот, — лезь вверх! И пока я тебе не скажу — не смей спускаться! Понял?

— По-онял.

— Если все сделаешь, как надо, подарю тебе свою чоху. Видишь, она совсем новая! С себя сниму — тебя наряжу!

Все уладив, Бечара поднялся на свою крышу. Улица опустела. На балконы и крыши в ожидании веселого зрелища высыпали горожане.

Заметив на дереве дурака, пристав весь побарговел.

— Сейчас же спускайся, разбойник! — заревел он вне себя от злости.

— Прогони городских, тогда я спущусь! — кривляясь, отвечал Сандлиа.

Полицейские шныряли по улице и нагайками разгоняли замешкавшихся горожан.

— Разойдись! Разойдись!

И вдруг среди шума, гвалта и хохота кто-то заорал пронзительно и тонко, как дьячок в церкви:

— Долой Александра!

Это был Бечара.

Все умолкли, и в наступившей тишине раздалось с другой стороны:

— Долой Александра!

И опять молчание.

Полицейские бросились было в одну сторону, но тут раздалось с противоположного конца:

— Долой дурака Александра!

¹ Непереводимая игра слов: по-грузински «долой» и «вниз» звучит одинаково.

И как ему было велено, дурачок полез еще выше.

— Долой Александра!

Попробуй пойми, о каком Александре кричат — о дурачке, карабкающемся на дерево, или о самодержце, восседающем на троне!

Прислав растерялся. Выход был один — арестовать весь город. Он чувствовал, что потеряет свое место. Мало того, что он не выполнил приказа и вовремя не разогнал праздничной толпы, он еще допустил настоящий бунт!

И тут в голове его зародился спасительный план.

Дурака он отправил в участок, а сам пошел к дому Дарашвили — решил свалить все дело на Отара и его дружков и, арестовав их, выкрутиться из беды и высунуться перед начальством.

20

Габо недвижимо распростерся посреди улицы, погруженный в свое горе, и ни до чего ему не было дела.

«Ну вот, ты и получил сполна! Какой-то сопляк смог тебя осилить! Можешь успокоиться! — Он вдруг рассердился на себя. — Победишь — недоволен, тебя победили — опять недоволен! Чего же ты хочешь?!»

Солнце уже зашло. Сумерки легким покрывалом окутали улицу.

Издали все также доносился веселый гул.

«Веселятся!» — горько подумал Габо.

Шум приближался. Это «верхние» провожали своего победителя.

Впереди гордо выступал Годора, рядом с ним вышагивал щупленький Бечара. На его лице сияла торжествующая улыбка, он был очень доволен проделкой с приставом. Путаюсь под ногами, бежали мальчишки.

В мгновение ока Габо вскочил и очутился перед Годорой.

— Дай мне руку! Руку дай! — Он протягивал сопернику широкую, как лопата, ладонь.

Они обнялись в знак примирения.

Потом Габо отошел, измерил Годору взглядом, опять подошел, дружески хлопнул его по плечу и по-детски искренне попросил:

— Пойдем ко мне, будешь гостем!

Бечара, не скрывая восторга, смотрел на Габо.

— Да ты настоящий герой, ей-богу! Ведь не в силе дело! Сила есть и у буйвола! Душа должна быть, душа! Я тебя всегда любил, а теперь люблю, как родного сына! Идем с нами! Я всех угощаю!..

Но Габо почему-то помрачнел. Тяжелая грусть комом подступила к горлу. Испугавшись, что расплачется на людях, он быстро отошел в сторону.

Услышав за собой осторожные шаги, побежденный палаван оглянулся и увидел Ваню.

— Чего тебе?

Ваню смешался. Ему хотелось утешить Габо, но он боялся обидеть его еще больше.

— Пропадаю я, парень! Ничего мне уже не надо! — простонал Габо и, ссутулившись, поплелся дальше.

Ваню проводил его сочувственным взглядом, вздохнул и направился к мастерской.

У дома Дарашвили он остановился пораженный. Из дверей с трудом выходил тяжело больной Отар, он цеплялся за стену, чтобы не упасть. За ним шли полицейские. Один из них грубо толкнул его в спину. Отар гневно взглянул на него и бросил с презрением:

— Палачи!

Он, наверное, упал бы от слабости, но его поддержал отец.

— Куда вы его уводите! Опять у меня отнимают сына... — Оглушенный горем Шио не слышал, как Отар пытался его утешить.

Стуча сапогами по деревянной лестнице, пристав спустился во двор. грубо оттолкнул старика и приказал полицейским вывести арестованного.

Дарашвили растерянно оглянулся и только теперь заметил Ваню. Он посмотрел на него пустыми от отчаяния глазами и проговорил каким-то безразличным голосом:

— Ты видишь, что делается?.. Значит все... значит — конец! — Он вспыхнул: — Так где же она, твоя заря, которая должна взойти над заводами?! Где тот млечный путь, который ведет к счастью?..

В ту ночь Шио не вернулся домой. Он заперся в опустевшей мастерской и долго сидел там в одиночестве.

«Все, чего достигнет десница мастера, принадлежит ему», — прочел он и горько усмехнулся.

Все кончилось. Все пропало.

Горечь едкой волной залила сердце. Он вскочил и смахнул с верстака все напильники, молоточки, щипцы и гвозди, словно не его, кровно нужное это было, а принадлежало злейшему врагу.

— Вот так, вот та-ак! — приговаривал он. Потом схватил табурет и швырнул его в лампу. Мастерская погрузилась во тьму. Шио показалось, что он ослеп. Он неуверенно шагнул вперед, споткнулся и упал. Даже не попытался встать. Казалось, он находил наслаждение в своих страданиях.

И вдруг он понял, что и вправду погибает. Он испуганно зашарил руками по кирпичному полу, словно ища спасения. Не найдя ничего, закрычал, потерявшись от ужаса и отчаяния:

— Спасите!

От крика он пришел в себя и застыдился своего детского страха. Прислушался — все тихо. Он успокоился: значит никто не узнает о его минутной слабости. Под руку ему попала какая-то незаконченная глиняная форма. Он с такой нежностью и силой прижал ее к груди, словно от нее ждал спасения.

Она рассыпалась у него в руках.

— И ты? И ты? — беспомощно повторил он и вдруг заплакал, уткнув лицо в ладони. Плакал он без слез, по-мужски неумело и некрасиво.

— Значит все? — спросил он у темноты и сам ответил себе: — Все! — Голос его окреп: — Ну и слава богу!

Он ощупал карманы в поисках спичек. Наконец отыскал и чиркнул о коробок. На стену легла его длинная дрожащая тень. Безумными глазами оглядел он мастерскую. Все разбито. Все рухнуло. Он опустился на кузнечный мех. Мех осел под его тяжестью, вздохнул глухо и печально.

— И ты тоже? — обратился он к старому другу.

На полу валялась разбитая лампа, и из нее вытекал керосин.

Шио уронил горящую спичку. Яростно вспыхнуло пламя.

На берегах Куры светились рыбацкие костры. Ваню сидел у самой воды, глубоко задумавшись. Все прежние мечты и стремления казались ему теперь глупыми и ничтожными. Вокруг столько слез и горя, а он мечтает о какой-то красоте, как будто она может изменить эту уродливую нескладную жизнь. Кому нужно изящество безделушек, когда кругом льется кровь и люди идут на смерть, отвоюывая свои права. А он сидит в своей мастерской, как птенец в гнезде, и ничего не видит и не знает, кроме своего ремесла. Нет, с этой минуты он изменит свою жизнь! Он пойдет к тем, кто борется за правду! И за красоту!

Ваню встал и еще раз окинул взглядом реку, крутые берега, далекие костры...

В темной воде неслышно плескались лунные блики.

Манвала МРЕВЛИШВИЛИ

ЦВЕТИ, ОТЧИЗНА!

Перевод с грузинского Ел. Аксельрод

Пусть материнских слез не знает свет!
О солнце! На земле им места нет!
Плакучими пусть будут только ивы,
Которые в печали так красивы.
Июньским утром росы,
Точно слезы,
Пусть оживят проснувшиеся розы;
И только лозы
Пусть весной плачут
И соки животворные не прячут,
Их слезы — их надежда и богатство.
Цвети, отчизна, виноградник братства!

Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

ТБИЛИССКИЙ ДЕНЬ

Я вижу снова наяву
Тбилисский день осенний —
И разноцветную листву,
Как смену настроений...
То страсти пламенем горя,
То багровея в гневе,
Внизу пылает, как заря,
Овраг Варазисхеви.
Здесь расставания печаль
В шуршании осеннем,
Измены желтая печать
И ржавчина забвенья.
Но презирая ветра свист,
Дождю противореча,
Блеснул зеленый свежий лист
Надеждою навстречу, —
Он зелен, зелен, как весной,
Пусть голы все деревья!..
Таким останется со мной
Овраг Варазисхеви.

* * *

Все позабудется,
Все растворится:
Сушь и распутица,
Встречи и лица.
Звуки свое потеряют звучание,
Краски свое потеряют свечение.

То, что тебя повергало в отчаянье,
Тоже свое потеряет значение.

Гор очертанья,
Слов сочетанья,
Радость и ярость —
Все пронесется:
Только б осталась
Память о солнце!

Медея КАХИДЗЕ

МАТЕРИ-ЗЕМЛЕ

Чинара! Рокотанием ветвей
Ты рвешься в свод заманчивый и горний.
Держись земли, как матери своей!
Вплети в нее извилистые корни!

О ласточка! Ты целый век в пути;
Все ищешь мест, угла родного краше.
Скорее твердь земную облети
И воротись в сквозные рощи наши.

Река! Тебя манит морской прибой —
Такой крутой, и белый, и зеленый....
Постой! Ты перестанешь быть собой,
Ты станешь безымянной и соленой.

Попридержи свой детский бег, река!
Старайся течь неспешно и петлисто.
Неужто не берет тебя тоска?
Так море близко, так впадение близко...

Сквозь суть вещей и суматоху дней
Я слышу зов бесспорный и упорный:
Держись земли, как матери своей!
Вплети в нее извилистые корни!

ХОЗЯИНУ ГОР

Я на рассвете поднимаюсь рано,
Чтоб раньше повидать тебя, Кавказ.
Поймите, горы, что недаром вас
Постигла злая участь Амираана.

Похожи вы на всадников в седле,
Что шли в побег и стражу усыпляли...
Но нет! Тяжелозмейными цепями
Вы намертво прикручены к земле.

Ну, а еще похожи вы на птиц,
Которых вечно в небо тянут крылья.
И все ж — спасибо вашему бессилью:
Не преступить вам Грузии границ!

О в диком камне воплощенный бунт!
Неукротимых яростное племя!
Все выше, выше — так взлетает пламя
Под облака — а там, что будет — будь!

ВДОВА СОЛДАТА

РОМАН

Перевод с грузинского Л. Громеко и М. Квливидзе

Эленэ принесла чачу, подслащенную сиропом из лепестков розы. В хрустальных бокалах заискрилась розовая наливка, сладкая и густая, словно мед.

«Интересно, всех она так встречает или мне хочет угодить? — подумала Хатуна, но тут же осудила себя за неуместную подозрительность. — Так думать — значит быть неблагодарной».

Хатуна никогда не пила, отказалась и на этот раз.

— Совсем не крепкая, ни капельки, даже не почувствуешь, что здесь водка добавлена, — уговаривала Эленэ, — выпей немного, я сама ее готовила...

Говорила все время одна Эленэ. Хатуна не произнесла почти ни одного слова, только ответила на два-три вопроса хозяйки.

Наконец, пересилив чувство неловкости, она спросила о Мунджии.

— Пришлось отпустить ее, дорогая Хатуна. Не захотела она с нами оставаться после смерти моей бедной свекрови.

Ложь Эленэ неприятно поразила Хатуну. Ей-то было известно, что Лашхи просто выгнали немую.

Хатуна положила серебряную ложку с витой ручкой на блюдечку и взглянула Эленэ в глаза.

— Другого выхода не было, — словно извиняясь, проговорила Эленэ.

Хатуна поняла, что подразумевала хозяйка, и у нее отлегло от сердца. Это уже было похоже на полуправду.

В комнате воцарилось неловкое молчание. Хатуна собралась уходить.

Эленэ обещала на днях зайти проведать Хатуну.

— А это, — сказала Эленэ, выходя на балкон, — возьми себе! — и она протянула ей сверток с платьем.

Вместе с платьем Эленэ протягивала и принесенные Хатуной деньги.

— Что вы, Эленэ, — смущенная Хатуна не могла найти других слов. — Ведь это ваша вещь, зачем мне она...

— Хатуна... — большие глаза Эленэ выражали просьбу.

— Нет, нет, что вы, — отказывалась Хатуна.

— У меня есть другое, клянусь Элефтером... Я очень обижусь. Если ты меня любишь и уважаешь, не отказывайся, — продолжала уговаривать Эленэ, пытаясь насильно вручить Хатуне завернутое в газету платье, — заклиная тебя детьми...

— Не уговаривайте! — наотрез отказалась Хатуна, заливаясь густым румянцем. — Вы ведь знаете меня!

«Очень неловко получилось, будто я ей милостыню предложила. Надо было как-то иначе...» — думала Эленэ, глядя вслед выходящей за ворота Хатуне.

32

— Где ты был? — неожиданно услышал Петре, выходя из узкого переулка на дорогу. Перед ним стоял Борис.

— Небольшое дельце было к Элефтеру.

— Ну?

— Не застал его.

— Черепицу всю перевезли?

— Осталось на один рейс.

— Хорошая черепица?

— Ничего, сойдет.

— Послушай, — Борис одернул края гимнастерки, туго перетянутой широким офицерским ремнем, осмотрелся и отошел к каменной ограде, — поди-ка сюда!

Петре сразу уловил подозрительные нотки в голосе председателя и насторожился.

— Так вот, — начал Борис, и в его глазах погасла улыбка, — ты что это натворил, а? Ведь если кто-нибудь скажет об этом Эдуки, она сживет тебя со света!

— И!

— Зачем ты связался с Мунджией?

— С Мунджией? — У Петре чуть не отнялся язык.

— Да, с Мунджией.

— Я ничего не знаю, Караманыч; провалиться мне сквозь землю, если я понимаю, о чем ты говоришь! Клянусь женой и детьми...

— Хватит! Меня ты не обманешь, я тебя насквозь вижу!

— Что ты от меня хочешь, Караманыч, за что ругаешь ни в чем не повинного человека?

— Неповинного?! Сукин ты сын, вот кто! Иди сейчас же и приведи эту женщину обратно. Слышишь?

Петре побледнел.

— Ты шутишь или всерьез, Караманыч?

— А ты как думаешь?

— Не веришь мне? Ладно. Ты свое сказал. Теперь я скажу.

— Не хочу я ничего слышать. Понял, что я говорю? Попробуй только не привести ее обратно, я тебе... постой, который теперь час? — Борис расстегнул пуговицу на запястье и посмотрел на часы. — В шесть! Не в шесть, а без десяти шесть. Я буду ждать у Амберкиева вяза.

— Караманыч, одно слово... Ты же сказал, дай и мне сказать...

საქართველოს
რესპუბლიკის
ქვეყნური ბიბლიოთეკა

— Говори, послушаем, что скажешь!
— Неправда все это, Караманыч, поверь мне!
— Неправда? А как докажешь?
— Зачем мне доказывать, ты что, прокурор что ли!
— Ты хочешь, чтобы я действительно привел прокурора!
— Я ничего не хочу, Караманыч. У меня своя дорога, пойду вот, перевезу черепицу...

— С черепицей Хатуна и без тебя управится. Можешь не беспокоиться об этом!

— Ах, управится, ну так пусть управляется! — Петре собрался уходить.

— Куда идешь? Что я тебе сказал?

— Что сказал? Ничего не говорил!

— Нет, с тобой с ума можно сойти! Ты что, издеваешься надо мной?

— Вовсе не издеваюсь. И вообще, оставь ты меня, Караманыч, в покое. Вон идет Захар, услышит еще, бог знает что подумает!

Захар, одетый по-праздничному, медленно приближался к ним. Он был обут в сапоги с высокими голенищами, черный, обшитый желтой каймой башлык был надвинут низко, на самые глаза. Кузнец опирался на суковатую, наспех обструганную палку. Он выглядел уставшим. Наверно, шел пешком из Циплисцкаро. Не заметив стоявших у забора Петре и Бориса, Захар свернул к кузнице.

Борис и Петре переглянулись.

— Уж не с дочкой ли чего случилось?

— Ой, правда! Я сейчас... — Петре улучил минуту и побежал в ту сторону, куда пошел Захар.

Борис долго дождался Петре. Поняв, что Миротадзе уже не вернется, Борис последовал за ним.

Бревенчатая дверь кузницы по-прежнему была наглухо закрыта. «Вот хитрец, ускользнул прямо из рук!» — подумал Борис.

Борис и сам только что вернулся из Циплисцкаро. Уча Месхи позавчера приехал из Тбилиси. В тот же день Борис вызвали в райком. «Опередил меня, старый черт!» — подумал Борис о Калистрате. Едва он вошел в здание райкома, как увидел там учителя Калистрата. Теперь Борис не сомневался, что перепалка будет большая.

Учитель сидел в приемной Месхи. Борис приветствовал его чуть заметным кивком головы и, не дожидаясь ответного приветствия, повернулся к помощнику секретаря, прося доложить о его приходе.

Борис заранее решил твердо стоять на своем даже в том случае, если секретарь райкома начнет его пробирать. Это решение было принято не без расчета: Месхи любил, когда люди отстаивали свою точку зрения.

«В конце концов мне нечего бояться! — думал Борис, готовясь к предполагаемой стычке. — Я делал то, что велел мне он сам. Неужели теперь Месхи откажется от своих слов и станет поддерживать тех, кто мне мешает? Вряд ли он пойдет на это, а нет, так отсюда до Тбилиси не очень уж далеко!»

В приемной пришлось ждать минут десять, прежде чем Бориса пригласили в кабинет Месхи.

— Можно, товарищ Уча? — спросил Борис, медленно снимая шапку.

— Прошу прощения, уважаемый Калистрат. Обождите, пожалуйста, немного, — обратился Месхи к сидящему у дверей старику.

Борис присел на указанный стул у накрытого сукном стола.

— Ну, как живешь? — Месхи снял очки, достал из нагрудного кармана пиджака платок и стал неторопливо протирать стекла.

В знак благодарности Борис чуть качнул головой, а про себя подумал: «Зубы точит, подбирается!»

— Слышал о том что у вас творится, как раз вчера мне сообщили. Вот только дел много накопилось и до вас руки не дошли, — спокойно, как бы между прочим, продолжал Месхи, протирая стекла очков. — Правду люди говорят?

«Начинается, теперь держись!» — подумал Борис.

— Что же все-таки было? — Прищуренные глаза Месхи пытливо смотрели из-за толстых стекол.

Борис обеими руками смял шапку.

— Действительно произошло то, о чем мне говорили?

— Да, товарищ Уча, чего скрывать! — Борис отвел глаза в сторону. — Сначала погода мешала. Сами знаете, как долго лежал снег. Чуть подсохло, отправил трактор. Решил выкорчевать орех. Если помните, большой орех в Сахато. Послал я за людьми. Трактористы сказали, что если вокруг не окопать, трактор не возьмет.

— Значит выкорчевывали?

— Выкорчевывали.

— Ну, и дальше...

— Тут как раз и передали мне...

Месхи повернулся боком к письменному столу и взял открытую бутылку боржома. Ополаскивая стакан, он не сводил глаз с Бориса.

— Хочешь пить?

— Нет, спасибо.

Месхи выпил, чуть отвернув лицо, и выплеснул остаток воды в глиняную пепельницу, похожую на миску.

«Что же теперь делать, может, сказать про Калистрата?» — думал между тем Борис.

— Значит, ты говоришь, передали? Что же тебе передали? — нарушил тишину бархатистый голос Месхи.

— Чтобы я остановил вспашку.

— Почему, не объяснили?

Борис пожал плечами и отвел глаза.

— Кто это передал тебе?

— Есть у нас такой Исайя Чубинидзе, бригадир. Столяр по профессии. Он здесь работал раньше в кладбищенском хозяйстве.

— Я слышал — иначе дело было.

Борис умолк и вопросительно уставился на Месхи.

— Будто бы тебе еще до этого говорили какие-то люди, что для разбивки новых виноградников пока нет условий и незачем спешить с этим делом.

— Товарищ Уча, ведь не могу же я идти на поводу у «каких-то» людей! — сказал Борис, подразумевая учителя Калистрата и его единомышленников. — Государственный план — это есть государственный план! Его надо выполнять. Вы сами этого требуете. Если я не выполню вашего распоряжения...

— Борис, колхоз не государственное учреждение.

— Это вы теперь так говорите!

— Разве дело в моих словах?

— Все, что здесь есть, — Борис окинул взглядом кабинет, словно вся огромная страна заключалась в этих четырех стенах, — принадлежит государству.

— Что у тебя в руках?

— У меня? — Борис растерялся и посмотрел на руки. — Ничего, шапка...

— Она тоже принадлежит государству?

«Хочет поймать меня в ловушку, уличить в политическом жесте», — подумал Борис.

— Почему ты замолчал?

Борис ощутил вкус смешанного с ядом шербета и незаметно прикусил губу.

— Чья это шапка? — не отставал Месхи.

— Я, хозяин шапки, принадлежу государству. Значит и шапка тоже принадлежит государству!

Месхи рассмеялся.

— Государственная собственность, дорогой Борис, — это одно, кооперативная собственность — другое, а личная собственность, например, вот эта шапка — третье. Владелец твоей шапки ты. А артель, колхоз? Кто хозяин колхозного имущества и богатства? Те, кто работают в колхозе: ты, я, наши товарищи... Верно? Вот, к примеру, какое-то должностное лицо советует тебе: сей здесь то-то и то-то! Ведь ты думаешь, прежде чем приступить к делу. Разве мы не крестьяне? Если совет разумный, используешь его. Если нет, то какой же смысл обеднять себя и тем самым приносить убыток государству? Ты понял, о чем я говорю? Теперь, что касается наших дел. Я, как секретарь райкома, посоветовал тебе разбить столько-то и столько-то гектаров под виноградники. Да, кстати, сколько там было?

— Шестнадцать гектаров.

— Ведь я посоветовал тебе, правда?

— Было такое, — нерешительно подтвердил Борис.

— Ну, вот, скажи теперь: получив задание, ты, как председатель начал размышлять?

— Как размышлять? — на секунду заколебался Борис. — Зачем мне размышлять, я просто должен был выполнять.

— Так вот, не думая, не разобравшись?

— Товарищ Уча, — Борис перестал теребить шапку и положил локти на стол. — Разве нужно обсуждать приказ вышестоящих органов? Не знаю, я в первый раз это слышу. Скажем, мне поручили засадить десять гектаров, а я подсчитал и вышло, что больше пяти гектаров мне не поднять. Что же тогда делать?

— Ты должен высказать свое мнение.

— Отказаться от государственного плана?

— Подожди, Борис, оставим в покое эти громкие слова. План нам нужен для улучшения жизни, а не для ухудшения. Если план не соответствует реальным возможностям, грош ему цена. Это значит, что где-то допущена ошибка, которую надо во что бы то ни стало исправить. И вообще ты меня удивляешь. Почему ты считаешь, что ты один отвечаешь за все? В колхозе ведь есть правление. Я бы на твоём месте созвал общее собрание, посоветовался бы с людьми. Ведь мы с тобой не одни на свете. Есть и другие, которые так же любят свой колхоз, свою деревню. Есть другие, Борис, поверь мне. Нельзя так. Надо сперва немного подумать, прежде чем взрывать. Надо уметь слушать, когда люди тебе что-нибудь говорят!

«Опять Калистрат!» — подумал Борис.

Месхи потянулся к кнопке звонка.

В дверях показалось небритое лицо помощника.

— Где же главный винодел, почему опаздывает?

— Он здесь.

Помощник закрыл дверь.

— Бедная женщина, — проговорил Месхи.

— Что вы сказали? — очнулся Борис.

— Не знаешь разве? Его мать задавило машиной в прошлый раз.

вторник.

— Ух!

— Ты знал ее?

— Как же, она из нашего села.

— Эти шоферы ездят, как оглашенные...

Борис встал.

— Ты завтра уже вернешься в деревню?

— Конечно.

— Ну, так я приеду часов в девять вечера. Не поздно?

— Что вы, уважаемый Уча!

— Людей собери. И этого Исайю приведи, других тоже. И Лашхи не забудь пригласить.

— Хорошо.

Борис надел на голову шапку и вышел. Он был растерян и смущен. Медленным шагом Борис прошел мимо двора конторы. Отсюда его дом был четвертым. Вон те крытые черепицей ворота! Их сделал Исайя-гробовщик этой осенью. Нет, не назовешь бессовестным Исайю-гробовщика. Он поступил честнее всех...

Из-за дома выскочила белая собачонка и, таякая, кинулась к хозяину.

— Эй! — весело крикнул Борис.

Верхний, жилой, этаж дома задней стеной примыкал к склону холма. Спереди поднималась лестница. Ее подпирали столбы, врытые в землю, они заменяли фундамент.

— Э-гей! — еще раз крикнул Борис.

Он с детства привык к тому, чтобы мать встречала его на крыльце, поэтому удивился, когда она не вышла на его зов.

Собачонка скулила, путаясь в ногах.

Из-за столбов появилась старушка с квохчущей наседкой в руках.

— Ты один?

— Что ты делаешь?

— Да вот, наседку сажаю.

Под домом, между высокими плетеными корзинами-годори, набитыми сосновой стружкой, виднелось гнездо. Оно было выложено мягким пухом.

— Мама! Я хочу сообщить тебе новость.

— Что? Да помолчи ты, окаянная! Что ты говоришь?

— Я должен сообщить тебе новость.

— Тише ты! Ничего не слышу из-за этой бесстыдницы!

— Я женюсь, мама!

— Это правда, Борис? На ком?

— На ком... А ну, угадай, на ком!

— Говори, не томи душу.

— На одной, — тихо засмеялся Борис и поднял пустую корзину, собираясь накрыть гнездо. — Отойди, теперь она не убежит.

— Кто же она? Как зовут?

Борис опустил годори, заглянул в просветы между прутьями и погрозил пальцем наседке.

Старушка выпрямилась.

— Ты правду говоришь?

Как она хотела, чтобы это было правдой! Борис сам хотел этого.

Пусть не его женитьба, пусть что-нибудь другое, лишь бы мать была счастлива. Ему очень хотелось сказать ей что-нибудь приятное. Но кроме этого он ничего не смог придумать. Он смеялся и, глядя на морщинистый материнский лоб, нежно поглаживал своими большими руками ее сухие пальцы.

Старушка поняла, что он пошутил, и обиделась.

— Ничего, мамочка, бог милостив! — все еще улыбаясь, успокаивал ее Борис.

— Зачем ты это выдумал?

— Хотел посмотреть, что ты скажешь.

— Что я могу сказать, разве я тебе плохого пожелаю?!

— Пойдем, накорми меня.

— Ты из конторы?

— Да нет, тут по делу ходил.

— Что-нибудь случилось?

Борис не хотел говорить о делах.

— Откуда это топориче?

— Пармен принес. Велел передать тебе.

Борис взял топор. Повертел в руках.

— Кривое, как сам Пармен. Так же смотрит в сторону!

— Что принес, то и есть.

— Я спешу, мама, дай чего-нибудь перекусить!

— Сию минуту, ты только скажи чего...

— Ну, пошли!

33

В комнате стоял запах керосина несмотря на то, что Хатуна оставила окно открытым. Среди ночи ее разбудил холод. Хатуна встала, закрыла окно, подошла к Зурии поправить подушку. Мальчик спал, как убитый — крепким мужским сном.

«Отец его тоже так крепко спал, — вспомнила женщина, — из пушек можно было палить над ухом, и то не проснулся бы!»

Хатуна легла. Поежилась. Постель была холодной.

«Не думай, нельзя думать! — шептала она, обращаясь к себе — И ни о чем не вспоминай! Спи! Что было, то прошло. Что-то еще ждет впереди, но то, что впереди, принадлежит уже не тебе, а им!». Однако это все-таки были мысли, и они не давали ей заснуть...

Утром раньше всех проснулся Зурия.

В окно, сверкая росой, заглядывала весенняя листва. Небо было синее, без единого облачка.

На зеленой траве лежала роса. Перед рассветом, кажется, прошел дождик.

Зурия жадно вдыхал влажный, бодрящий воздух, чувствуя глухую боль в суставах. Натруженные руки горели. Он едва шевелил пальцами.

«Сначала будет больно, потом постепенно привыкнешь, не бойся», — вспомнил он слова кузнеца Захара и смелее задвигал руками.

Откуда-то послышался веселый птичий гомон. Зурия высунул голову в окно и посмотрел вверх.

В прозрачном, утреннем воздухе носились маленькие желтогрудые птички.

— Шалико! Павле! — закричал Зурия, обрадованный звонким чирканьем птиц. — Ах вы, сони, смотрите, сколько птиц над нашим домом.

— А ну, где? — Шалва сразу приподнялся с постели.

— Иди сюда и увидишь. Палико, ты не идешь в школу?

— Не кричи, пусть поспит. — Хатуна потянулась за платьем, висевшим на стуле. — Рано еще!

— Где же, Зурия, где? — Шалва был уже у окна.

Зурия с трудом поднял младшего брата, поставил его на подоконник.

— Давай, Зурия, поймаем их, а потом отпустим.

— Лови, я тебе не запрещаю.

— Палико!

— Оставь ребенка! — рассердилась Хатуна. — Покоя от тебя нет!

Шалико притих. Стараясь не шуметь, осторожно нагнулся и ухватился обеими руками за подоконник.

Зурия уже сидел на кровати и надевал полуботинки.

— Чего не слезаешь? — спросил он брата.

— Помоги мне спрыгнуть в сад, Зурия, очень прошу!

Зурия осторожно спустил брата в сад и украдкой поцеловал его в затылок.

— Ой, какая холодная! — запищал Шалва, едва коснувшись ногами покрытой росой земли.

— Вот теперь он простудится! — убежденно воскликнула Хатуна.

— Не простудится. Он не в первый раз босиком бегаёт.

Шалва подбежал к окну и попросил нож. Ему захотелось сделать лук и стрелы.

— Обойди дом и полей мне на руки, я должен умыться, — шепнул ему старший брат и вышел из комнаты.

Спустя некоторое время Зурия уже подошел к дому кузнеца Захара и, поднявшись на носки, открыл засов калитки с внутренней стороны. Он вошел во двор и, не подавая голоса, направился по мощеной дорожке к лестнице под навесом, крытым черепицей.

Дверь комнаты была заперта на щеколду. На зов никто не откликнулся. Наверное, Захар куда-нибудь ушел, а близнецы в школе.

Задумчиво опустив голову, Зурия побрел к воротам. Мощеную дорожку окаймляли сплошные ряды цветущих кустов. Над ними вились и жужжали пчелы.

В глубине двора у высокой каменной ограды стояли улья. Зурия обычно к ним не подходил. Он помнил слова Захара, что весной пчелы злы, как черти.

Мальчик все-таки остановился у крайнего улья и стал его разглядывать.

В круглом отверстии копошилось множество пчел. Одни влетали, другие вылетали, жужжание не смолкало ни на минуту.

Пчелы почему-то напомнили Зурии свадьбу Маквалы. Тогда в дворах дома так же толпился народ. Кто-то приходил, кто-то уходил, весь двор был полон различных голосов. Бедная Маквала, неужели с ней случится что-нибудь плохое? Ведь она такая молодая, такая хорошая!

Зурия представил себе самое страшное, и сердце его сжалось. Он не почувствовал, как на глаза навернулись слезы. Мальчик горестно покачал головой и быстро пошел со двора, чтобы больше не думать о Маквале...

— Зури!

Мальчик вздрогнул.

В пяти шагах от него на дороге стояла Гванца.

Зурии стало стыдно. Он предпочитал провалиться сквозь землю, чем предстать перед Гванцей в таком растерянном виде.

— Я был у дяди Захара, — глухо выдалил Зурия, — хотел спросить, будем сегодня работать или нет...

— Он обругал тебя?

— Ты куда шла? — уклонился от ответа Зурия.

Гванца вместо ответа указала на кувшин.

— Разве здесь дорога к роднику?

— Когда ты проходил мимо фермы, я тебя увидела.

— Почему убежала от нас вчера?

— Убежала? Когда? — Гванца залилась румянцем. — Прости меня...

Это слово удивило Зурию. Настоящее городское слово. В деревне таких слов не произносили никогда. Поэтому он так удивился...

— Зури, — начала шепотом Гванца, опасливо оглядываясь, — я больше не приду к вам. Ты только не обижайся...

— Почему? — вырвалось у Зурии.

— Потому! — Гванца еще раз огляделась и наклонилась за кувшином. — Только ты не обижайся...

Зурия растерянно смотрел на собравшуюся уходить девочку и не находил слов.

— До свидания! Я пошла. — Гванца немного помедлила, но не дождавшись ответа, изобразила на своем лице подобие улыбки и стала медленно удаляться. Видимо, ей не хотелось уходить, но Зурия молчал, и она, не останавливаясь и ни разу не оглянувшись, скрылась за каменной стеной сельского магазина.

А Зурия, вконец растерявшись, все стоял у калитки Захара. Он никак не мог понять странного поведения Гванцы.

«Догоню и заставлю ее объяснить», — после недолгих колебаний решил он и сорвался с места. Пробежав шагов десять, он остановился. Внутренний голос подсказывал ему, что сейчас нельзя начинать разговор с Гванцей. Гванца сама не желала разговаривать. Очевидно, в ее жизни случилось что-то такое, о чем Зурия не должен знать...

Мальчик задумался. Мысленно перед его глазами прошли все те минуты, которые он провел подле Гванцы. Гванца всегда была бесконечно добра и заботлива. И этим маленькая девочка так напоминала Зурии его мать. Постепенно заботы Гванцы стали необходимыми и желанными для него. В сердце мальчика с каждым днем зрела жажда ответной заботы и самопожертвования.

Ради Гванцы он хотел подвергнуть свою жизнь опасности, хотел видеть ее в беде, чтобы именно он оказался ее единственным защитником, хотел, чтобы с каждой своей заботой Гванца прибегала к нему, как к другу, и раскрывала ему свое сердце.

Сама Гванца всегда проявляла заботу о Зурии, но никогда не подчеркивала этого и не требовала в ответ благодарности, как будто все так и должно было быть, как будто Зурии не положено было даже замечать этого.

«Только ты не обижайся...» — вспомнил Зурия и грустно посмотрел в ту сторону, куда скрылась Гванца. «Не придет больше... заране предупредила. Но почему она была такая печальная? Я, говорит, тебя видела, когда ты проходил мимо фермы. Значит, чтобы встретить меня пошла в обход... А эти слова, наверно, приготовила заране...»

Зурия почувствовал необычайное волнение. Никогда еще не хотелось ему видеть Гванцу так, как сейчас, в эту минуту.

— Интересно, успела она уйти с родника или нет? — громко спросил он самого себя.

Гванцы на роднике не оказалось.

А может, она и вовсе не приходила сюда? Зурия только сейчас догадался, что скрывалось за хитростью Гванцы. Пустой кувшин, который она держала в руках, был надежным предлогом — будто она шла за водой и случайно встретила на дороге Зурию. Этим Гванца сказала больше, чем хотела бы сказать...

Зурия вдруг понял причину вчерашнего бегства Гванцы. Пока матери не было дома, они чувствовали себя свободно, но мама пришла и...

У мальчика забилося сердце. Незнакомое доселе волнение охватило его. Что это было? Глаза наполнились слезами, что-то радовалось и ликовало в его сердце.

Он не в силах был оставаться на одном месте. Бегом пересек поле, поминутно оглядываясь, словно боясь, что кто-то следит за ним, скрываясь в густом кустарнике и, найдя укромное место, опустился на мягкую землю. Здесь он был один, совсем один со своими смутными догадками и неясной болью.

Вокруг стоял запах весенней листвы и влажной земли. Ласковые лучи солнца приятно согревали охваченное сладкой истомой тело.

34

Борис заперся в своем кабинете. К нему никого не пускали, и Хатуне пришлось ждать на балконе. В коридоре то и дело появлялась взволнованная Маргарита, она выносила из комнаты в кабинет огромные связки пожелтевших бумаг и папок.

В довершение ко всему, Маргарита была еще и близорука. Пройдя два-три раза мимо стоявшей на балконе Хатуны, она, наконец, заметила ее. Улыбнувшись Хатуне, она исчезла за дверью. Вскоре снова выбежала и помчалась было куда-то, поправляя на голове платок.

— Маргарита! — преградила ей дорогу Хатуна. — Я не смогла бы увидеть Бориса сегодня?

— Ой, — вздрогнула счетовод, — извини, Хатуна, я спешу...

— Мне надо видеть Бориса.

— Нет, нет, Хатуна, сегодня не удастся! — на ходу проговорила Маргарита, сбегая по каменной лестнице.

— Есть у него кто-нибудь? — вдогонку спросила Хатуна.

— Бригадиры.

— А ты куда так спешишь?

— Он послал меня за Лашхи.

— Постой, Маргарита!..

Но счетовод уже была в воротах.

«А ну тебя к черту!» — подумала Хатуна и вернулась на балкон, чтобы еще немного подождать.

Хатуна не знала, что вечером из Циплисцаро приедет Уча Месхи. Борис не распространялся насчет этого. Ему не хотелось будоражить село. С раннего утра он заперся в кабинете, созвал бригадиров и принялся перебирать колхозные документы.

Старые бумаги почти не сохранились, беспорядок царил и в книге учета земельных угодий колхоза. Здесь все было перепутано. Некоторые пахотные земли были записаны как лесные участки. Еще хуже было то, что указанные в книге пашни и виноградники давно превратились в пустыри и не обрабатывались. Кто-то из бывших председателей, — который именно трудно было установить, — вовремя не внес соответствующих исправлений в документы. И теперь, если верить земельной книге, у деревни было пахотной земли и виноградников намного больше, чем на самом деле.

Обескураженный неожиданным открытием, Борис стал мрачнее

тучи. Нужно было немедленно, до приезда Месхи, написать объяснительную записку на имя райисполкома. Но как? Составить объяснительную записку — это дело на целую неделю. Во-первых, нужно, чтобы из Циплисицкаро приехали землемеры и заново обмерили лесные и пахотные угодья Сакауры.

Хатуна не знала, что Борис в таком затруднении. Она еще с полчаса постояла на балконе, пока не вернулась раскрасневшаяся от быстрой ходьбы Маргарита. Войдя в кабинет председателя, счетовод оставила дверь открытой.

Хатуна подумала, что если она заглянет в кабинет, Борис ее увидит и, вероятно, позовет. Она подошла к двери и встала на пороге.

Засунув руки в карманы галифе, Борис стоял у письменного стола. — Борис... — несмело подала голос Хатуна.

Борис вскинулся, будто его по лицу плетью стегнули.

— Чего тебе?

— Прости, Борис, я... — Хатуна осеклась, поняв, что пришла не вовремя.

— Чего тебе?

→ Я хотела с тобой поговорить наедине...

— Ты видишь, я занят.

— Прости, пожалуйста...

— Закрой дверь! — выпалил Борис с такой злобой, что Хатуна побелела, как полотно.

На секунду наступила мертвая тишина. Хатуна, не двигаясь, стояла на пороге. Из оцепенения ее вывел голос Маргариты.

Женщины вышли в узкий коридор.

— Я же говорила тебе... — испуганно шептала Маргарита. — У него люди...

— О господи! — глубоко вздохнула Хатуна и, ничего не ответив счетоводу, вышла на балкон.

По каменной лестнице поднимался Элефтер Лашхи, одетый в черную сатиновую рубашку. Хатуна едва кивнула в ответ на его приветствие и сбежала с лестницы.

У ворот стояла Эдуки Миротадзе.

— Уй-ме, Хатуна, это ты? Издали я тебя и не узнала — солнце светит прямо в глаза. Разбогатеешь...

Хатуна остановилась, вытерла рукой выступивший на лбу пот и отвела глаза в сторону.

— Ты почему такая сердитая, а?

— Я? — Хатуна вяло улыбнулась.

— Сегодня утром возле кооператива видела твоего Зурию. Хотела спросить его, как вы живете...

— Наверно, в кузницу шел.

— Наверно... Ну как там наши проживают?

Хатуна не сразу поняла, о ком шла речь.

— Я о Порфиле, — с коварной улыбкой уточнила жена Миротадзе.

Вдова смутилась.

Эдуки продолжала пытливо глядеть на нее.

— Ты что от меня скрываешь?

— Эдуки... — прошептала Хатуна, но соседка не дала ей договорить.

— Я тебе добра желаю, милая! Не отказывайся от него, как в прошлый раз. Отец небесный вас благословил! Я все знаю...

— Что ты знаешь? — ужаснулась Хатуна.

— Знаю, — Эдуки понимающе качнула головой и прикрыла глаза, — ведь мы с Порфиле двоюродные брат и сестра... Мы с ним близки, как... не знаю, как и сказать. Вся его жизнь для меня как на ладони. Ты меня спроси про него!

— Что спросить?

Эдуки улыбнулась.

— Вот видишь, я, оказывается, права.

— Почему ты так думаешь? — Хатуна поняла, что выдала себя, и еще больше покраснела.

— Значит, тебя поздравить можно, сознавайся?

— Эдуки...

— Нет, нет, ты мне правду скажи! Я хочу, чтобы ты мне сама сказала, тогда мое сердце успокоится.

— Я ничего не знаю, Эдуки.

— Так, значит, неправда это?

— Кто тебе сказал?

— Сказали. Земля слухом полнится! Порфиле написал...

— Не может быть! — Хатуна отшатнулась.

Эдуки поклялась жизнью детей.

— Вай-ме, что же мне делать? — беспомощно вырвалось у Хатуны.

— Со дня на день, пишет, ждите моего приезда. Ты что, недовольна?

— Эдуки...

— Пойдем, я покажу тебе письмо.

— Не хочу, оставь меня в покое. — Хатуна закрыла лицо руками и прислонилась к стене.

— Успокойся, — шептала Эдуки, — я-то знаю, как трудно второй раз решать свою судьбу. Разве я не была в твоём положении? Когда мой первый муж умер, — врагу не пожелаю такого горя, — и его мертвого выносили из дому, я чуть было за ним не отправилась, но что поделаешь, что должно случиться, того не миновать. Прошло время, и я, как видишь, живу. Хозяйничаю в новой семье. На судьбу не жалуясь. Разве это не лучше, Хатуна? Сын окончил институт... Бог милостлив! Скоро и о нас позаботится...

— Эдуки! — прервала соседку Хатуна, вперив в нее полные слез глаза. — Если так, если правда он написал, напиши ему...

— Напишу, а как же, конечно напишу.

— Так вот, напиши, чтобы не губил он меня, не приезжал сюда...

— Что ты говоришь, дорогая?

— Эдуки... если ты не хочешь, чтобы мои дети были несчастными, — в голосе Хатуны послышалась мольба, — помоги мне... если он сюда придет, так и знай, я покончу с собой.

— Почему, зачем, что случилось?

— Так и знай, убью себя.

— погоди, не сходи с ума! — В голосе Эдуки действительно послышалось волнение. — Если бы я знала, ни за что не стала бы говорить.

— Нет, хорошо что сказала, спасибо тебе, так лучше.

— Написать, чтобы не приезжал? Но что он подумает?

— Пусть думает что хочет.

— Как же так! Слушай, а может, кто-нибудь нашептал тебе про него?

— Не напоминай мне больше об этом, Эдуки. Не могу. Если эта история дойдет до детей...

У Хатуны зрачки расширились от ужаса.

— Да нет, успокойся. Кто им скажет? Я ведь не скажу!

— Эдуки, дорогая... — шептала Хатуна, — сохрани мою тайну. Я не

о себе забочусь. Пусть говорят, что хотят, лишь бы... У меня дети... Это, это... Дети сойдут с ума. Порфиле не понимает...

— Говорил он тебе что-нибудь? — пристала Эдуки.

— Говорил.

— Что?

— Ты ведь знаешь.

— А ты что ответила?

Глотая слезы, Хатуна опустила голову.

— Порфиле в чем-нибудь виноват? — не успокаивалась Эдуки.

— Нет... не знаю, чья вина. Я никого не виню. Я сама виновата.

Хатуна поняла, что больше не сможет сдерживаться, и побежала по дороге.

35

Накормив детей, Хатуна собралась идти на стройку.

В это время кто-то позвал ее со двора.

У калитки стоял Петре Миротадзе.

— Здравствуй! — поздоровался Петре.

— Здравствуй! Что тебя привело ко мне?

— Караманыч сейчас на ферме. Он велел передать, чтобы ты, если тебя это не затруднит, зашла туда.

— Сию минуту... — Хатуна хотела вернуться в дом. — Ты не знаешь все-таки, что ему нужно?

— Не знаю. Сказал, где бы она ни была, отыщи и приведи сюда.

— Что ж, пошли, — сказала Хатуна, накинув шаль на плечи.

Из-за горы, из-за туч поднималось солнце. Двор фермы был исчерчен тенями шестов, сушилок, опрокинутых арб.

Борис разговаривал с пастухами в телятнике.

— А, пришла? — сказал он, увидев Хатуну.

Хатуна сухо поздоровалась с председателем. Борис был оживлен. Даже следа вчерашнего волнения не было на его лице. «Какая муха укусила его, зачем я ему понадобилась в такую рань?» — подумала Хатуна.

— Ты, наверное, обиделась на меня... — нерешительно начал Борис.

Хатуна ничего не ответила.

— Давай не будем начинать все сначала, прошу тебя! Что было, то было. Выйдем-ка отсюда.

Хатуна покорно вышла вслед за Борисом во двор. Скотину уже успели выгнать за ворота. Иорам, держа в руке топорик, обтесывал вымазанный в грязи конец жерди.

Борис остановился.

— Небось передали тебе насчет твоих дел?

Хатуна подняла глаза.

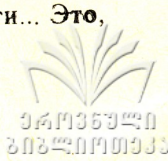
— Я не смог выполнить обещания. Не везет тебе.

Женщина уже свыклась с этой мыслью и не удивилась.

— Обругали меня: кадров, мол, у нас — хоть пруд пруди! Если мы ее туда назначим, сказали, куда же девать других, у которых диплом на руках... Так мне и сказали, клянусь честью, не обманываю.

— Верю, — с безнадежностью в голосе согласилась Хатуна.

— Нужен мне их диплом! — сказал Борис и надвинул на лоб шапку. — Впрочем, если меня спросить, я никакой выгоды в этом детском саду не вижу. С утра до вечера, пока народ не вернется с поля, изволь крутиться там. Впрочем, смотри сама. Если твердо решила работать в детском саду, пойди повидай заведующего отделом народного обра-

зования. Может, если сама поговоришь, что-нибудь и выйдет. Да, кстати... — председатель опять надел шапку, — пока новых виноградников не будем разбивать. Можешь спокойно заняться своим участком.

— Ой, как хорошо! — не сумела скрыть радости Хатуна.

— На будущий год большие дела намечены. Посмотрим. Я, может, распрощаюсь с вами...

— Почему?

— Да так. Теперь председателями все больше агрономов назначают... — Борис усмехнулся. — Так-то! — Он протянул женщине руку. — Будь здорова!

Хатуна еще некоторое время стояла на том самом месте, где оставил ее Борис. Она даже забыла, что за воротами ее ожидает Петре Миротадзе.

36

Дом, построенный Исаей Чубинидзе, получился на славу.

Дом был одноэтажным, но Исайя возвел стены так, что при необходимости можно было бы снять крышу и достроить второй этаж.

Издали дом походил на городской: большие двухстворчатые окна, с фасадной стороны расположенные в углублении парадные двери, к которым ведет небольшая, из двух-трех ступеней, лестница, выложенная белым шлифованным камнем. С задней стороны здания находилась вторая дверь, выходившая прямо в рошу.

Обе наружные двери соединялись коридором, вдоль которого расположены были комнаты. Три светлые комнаты по левую сторону коридора предназначались детям. Одна — для игр и занятий, вторая — столовая и третья — спальня. Правая половина дома оставалась свободной в том случае, если администрация не займет ее под личные кабинеты.

В деревне не было амбулатории. Обычно больные ходили к Серго Лабадзе домой. Но теперь появилась другая возможность. Судите сами: просторная солнечная комната, как и полагается для больных. О лучшем помещении для амбулатории нельзя было и мечтать.

Серго не преминул заявить свои права на эту половину.

Но когда дом был окончен, возникло одно непредусмотренное обстоятельство: вход в детский сад и амбулаторию не мог быть общим. Решили сделать отдельную дверь для амбулатории.

Исайю с трудом уговорили. «Эта дверь всю красоту мне испортиит, — с горячностью доказывал он. Если вам нужна отдельная дверь, где же вы были раньше? Не могу же я заново все переделывать». Однако упрямство молодого врача победило. Исайя, ворча, согласился с ним и стал советоваться с каменщиками, как вставить дверь, чтобы дом не потерял красоты и четкости линий.

Хатуна уже хозяйничала в комнатах. Отскребла полы от глины и известки. Оконные стекла еще не везде были вставлены, и в доме гулял сквозной ветер. Женщина замерзла, от усталости ныли руки, колени посинели оттого, что все время пришлось ползать по мокрому полу, но она ни на минуту не оставляла работу. С того дня, как Серго впервые привел ее сюда, она полюбила это красивое здание, как свой собственный дом. Да разве сама она мало трудов вложила в него!

Из деревни приходили люди посмотреть на детский сад. Ходили вокруг дома, одобрительно кивали головами и, пожимая руку, поздравляли вдову Миндели, словно дом был ее собственностью.

— Я что... причем тут я... — улыбалась Хатуна, радуясь в душе,

что односельчане считали ее здесь хозяйкой. — Разве это не ваше, разве это не для нас всех? Вот и я вас поздравляю!

Во вторник Хатуна, как обычно, с утра принялась за дело. Она ходила по пятам за стекольщиками и покрывала стекла кашицей из толченого мела. На другой половине дома слышались глухие удары тяжелого лома. Там опять работали каменщики: пробивали в кирпичной стене проем для двери. Дом гудел, с потолка сыпался песок и безжалостно пачкал тщательно выскобленный пол.

Сердце Хатуны сжалось от резких ударов и от шороха сыпавшегося песка.

— Посмотри-ка на нее! Куда взобралась! — вдруг услышала она.

Под окном стоял гладко выбритый Серго в белой шелковой рубашке и вертел на пальце связку ключей. Рядом с ним стояла молодая брюнетка с удивительно белым лицом, на первый взгляд совсем еще ребенок.

— Боже мой, Маквала! — Хатуна прыгнула на пол, развязала фартук и выбежала во двор, усеянный обломками кирпича.

— Когда тебя выписали? — спросила Хатуна, отступая на шаг и еще раз оглядывая Маквалу с ног до головы. — «Неужели и я тогда была такой?» — подумала она.

— Я не выписывалась! — Маквала улыбнулась.

— Сбежала? — рассеянно проговорила Хатуна, уносясь мыслями в далекие воспоминания.

Маквала залилась смехом.

— Хочешь посмотреть мою резиденцию.

— Потом посмотрим, Хатуна! Сейчас мне лучше уйти...

— Тебе нехорошо? — встревоженно спросил Серго.

— Ничего... Скоро пройдет...

— Уведи ее, тяжело ей, — забеспокоилась Хатуна. — Моя бедная девочка. Почему ты дрожишь, тебя знобит?

Маквала беспомощно улыбнулась Хатуне.

— Все от жары задыхаются, а ей холодно! — попытался пошутить Серго. — С той стороны все закончили?

— Остались только эти два окна.

— Насчет твоего дела на днях схожу в Циплискарро.

— А не будет поздно?

— Как это поздно, без нашего согласия они никого не назначат!

— Борис говорит другое.

— Не бойся, что-нибудь придумаем.

— Я на тебя надеюсь.

— Денька через два я за тобой зайду и пойдем вместе. Мне надо еще в Тбилиси съездить.

— Зачем в Тбилиси? — удивилась Хатуна.

— Может, и Маквала поедет со мной.

— Она ведь не сможет!

— Не сможет, так сам поеду. Надо оформить ей академический отпуск.

— Серго, опять ты за свое! — Маквала замедлила шаги. — Не хочу я академического отпуска. Сколько раз тебе говорила!

— Маквала! — Серго нахмурился.

— Никуда ты не поедешь! Вот увидишь!

— Погоди, не ребячься. Взрослая женщина, а не слушаешься врачей...

— Поправлюсь, сама поеду.

Серго едва заметно улыбнулся и подмигнул Хатуне.

Хатуна, не отрываясь, глядела на обоих. «Какие они счастливые!» — позавидовала она им в душе.

Молодые помахали ей рукой и пошли через кукурузное поле.

Хатуна стояла на одном месте и как зачарованная смотрела вслед уходящим. «Ни до кого им нет дела... Ох, и счастливые же вы, счастливые!»

37

Стекольщики закончили работу. Исайя Чубинидзе все осмотрел, все проверил.

Хатуна пошла домой, поскольку уже был полдень и надо было напоить корову.

Павле, только что вернувшийся из школы, сидел за столом и решал задачу по арифметике.

Со двора послышались крики.

— Голос Шалико! — Павле выскочил на террасу. — Мама, Шалико с Зурией идут!

«Милый мой мальчик», — подумала Хатуна. Она не выдержала, встала и выглянула во двор.

Мальчики бежали сломя голову. Зурия нарочно отстал. На бегу Шалва поминутно оборачивался назад, боясь, что его догонят.

— Осторожнее, смотри под ноги! — воскликнула Хатуна.

Ребята вбежали на террасу. Черный от угольной пыли Зурия остановился посреди двора и начал отряхивать одежду.

— Больше не заставляйте меня брать Шалико в кузницу! — крикнул Зурия.

— Почему, что он сделал?

— Разве его удержишь на одном месте. — Зурия снял сатиновую рубашку. — Отойдешь на минуту, а он уже на дороге! А там машины ходят, чего доброго сшибут его.

— Разве так можно себя вести, Шало? — шутливо воскликнула Хатуна.

— Ты все шутишь, мама, а он окончательно распустился! — Перепачканный сажей Зурия поднялся на террасу. — Есть теплая вода?

— Сейчас согрею.

Зурия сел на табурет и развязал тесемки парусиновых полуботинок. Малыши приумолкли.

Минут через десять Хатуна принесла кастрюлю с водой, достала из стеного шкафа стеклянную банку, нагнулась над котелком, откуда шел пар.

— Посмотри, если горячо, я разбавлю.

— Хорошо, лей!

Хатуна протянула сыну перекинутое через руку полотенце и, выгледнув воду, ушла в комнату. Зурия задержался на террасе. Он открыл ящик стола, перебрал кучу инструментов, нашел ржавый рашпиль и взял вырубленный дня два назад черенок мотыги. Зурия провел рашпилем по дереву. На гладкой поверхности черенка остался ржавый след. «Нет, тут рашпиль не пойдет», — решил Зурия и заглянул под стол в поисках стеклянного осколка.

— Что ты ищешь, сынок? — выглянула Хатуна.

— Здесь были осколки стекла. Где они?

— Наверное я вымела, посмотри в мусорной куче.

Зурия вышел во двор. Мусор сваливали около виноградника. Зурия нашел два-три осколка, осторожно поднял их и уже собирался по-

вернуть обратно, когда вдоль запруды за виноградником увидел девочку в соломенной шляпе. Она стояла спиной к Зурии и следила за коровой, жадно пьющей воду.

— Гванца! — тихо позвал Зурия.

Девочка даже не обернулась.

— Гванца, — еще нерешительнее позвал Зурия.

«Наверное она не слышит, а то с чего бы ей на меня дуться!» Зурия подбежал к перелазу и перешагнул в виноградник. В одно мгновение пересек его. Ему даже не пришло в голову, что вокруг виноградника соорудили новую изгородь. Пролеты между столбами заложили колючим кустарником, обнесли тремя рядами колючей проволоки. Зурия остановился в недоумении. Сквозь ограду ничего не было видно. Зурия с трудом раздвинул колючие ветки. Гванцы уже не было видно.

— Гванца! — еще раз, уже окончательно потеряв надежду, позвал Зурия.

«Может это была не Гванца?» — подумал он.

— Что ты тут делаешь? — неожиданно послышался голос матери. — Зурия, не слышишь? — удивленно повторила она.

— Я искал стекло.

— Столько времени? Иди в дом, не ночевать же ты здесь собрался.

— Сейчас. — Зурия выбросил осколки, сунул руки в карманы брюк и пошел к дому.

Окончание следует

Ия МЕСХИ

Тепло человеческое

Передо мной сидит женщина с шапкой седых волос, зачесанных старомодно, с глазами очень черными и горячими, удивительными для ее преклонных лет. Знаю я ее давно и люблю бывать в ее комнате, большой, немного пустынной, с темными углами, из которых запахи черного кофе, наверно, не выветриваются никогда.

Здесь нет культа мебели — ни старинной, ни той, которой увлекаются сейчас. Но нет и культа книги. Книжки здесь сплошь в закладках, журналы вывернуты, газетные статьи отчеркнуты. Все в работе, все трепещет, все «взято в штучки».

Люди разных профессий, разделенные большой дистанцией возраста и эрудиции, мы никогда не скучаем друг с другом. Меня не перестает удивлять ее цепкая память, сохранившая уйму событий и имен прошлого, ее жадный интерес к тому, что происходит сегодня, каждый день. Обычно она усаживает меня за стол, сама садится напротив и требует рассказывать: где была, каких людей видела, что нового познала. В равной степени и она, не пропуская в городе ни одного значительного события, бывает источником интересной информации.

Но как-то так получается, что меньше всего мы говорим о том деле, которому она посвятила свою жизнь. В иных наших беседах она выступает как дочь публициста, сотрудничавшего с Чернышевским и Герценом, с Виктором Гюго и Салтыковым-Щедриным, в других, как сестра металлурга и альпиниста, как жена историка, мать физика. И где-то, подсознательно, всегда как живой современник Ленина еще в те, давние времена, когда в Женеве ей часто доводилось видеться с Владимиром Ильичем, учиться у него, а позже, в семнадцатом году, дежурить

у его телефонов в Таврическом. Словом, мой друг Русудана Николаевна Николадзе, несмотря на интересное, разнообразное, значительное окружение, в котором она мне представлялась, сама неизменно оставалась в тени.

Известна ее упрямая скромность, проявленная при выдвижении в члены Академии наук Грузинской ССР. Здесь она дала себе такой блестящий самоотвод, так вдохновенно ратовала за кандидатуру своего многообещающего ученика, что собрание вынуждено было согласиться с ней. По отношению к себе она категорически не признает никаких чувствований и юбилеев. И правда, невозможно представить себе ее, живую и насмешливую, стоящей на сцене и внимающей юбилейным речам. Ведь она не будет знать, куда руки свои деть!..

И все же он произошел, состоялся. Ее юбилей, так неожиданно и несбыточно, что об этом надо рассказать.

Как-то раз выступающего на одном ученом симпозиуме в Тбилиси оратора непонятным образом беспокоили устремленные из пубрики, полные напряженного внимания глаза. Юлия Иринарховна Половинкина, профессор, доктор наук, руководитель одного из исследовательских институтов Ленинграда, узнала в профессоре Николадзе свою давнишнюю преподавательницу химии Петербургского Женского Педагогического Института. Они не виделись, по крайней мере, лет 45...

Вернувшись в Ленинград, Половинкина рассказала о встрече кому-то из студенческих друзей, те — другим и еще другим, и пошла цепная реакция сначала по Ленинграду, потом далеко за Ленинград, потянулась в Москву, Новосибирск, Комсомольск: объявилась наша Русудана! Жива, благополучна, бодря и деятельна до сих пор. Та самая Русудана — заводила студенческих бунтов и

одна из первых выпускниц, оставленных ассистировать на кафедре химии...

Вспомнился институт на Малой Пosaдской, все тревожения, связанные с его открытием и первыми годами существования. Это было единственное в России женское высшее учебное заведение (а не курсы!), работавшее по полным программам, соответствующим «мужским» вузам. Вспомнились выступления студентов в 1905 году, и как исключали из института, и как организовывали на свои скудные средства Разудную столовую для рабочих, и как разучивали в химической лаборатории «Варшавянку», а наставницы просили хотя бы окна поплотнее прикрывать...

Вспомнилась квартира Николадзе в доме на Надеждинской, где всегда собиралась студенческая молодежь. Ее притягивала не только Русудана, но и ее младшая сестра Тамара — тоже студентка этого же института. А в еще большей степени всех этих девушек, выбравших для себя трудовой путь, привлекало общение с матерью Русуданы и Тамары — Ольгой Александровной Николадзе-Гурамишвили, учившейся когда-то в Цюрихе и Женеве, дружившей с русскими народолюбцами, женщиной обаятельной, волюнтерской и щедрой на душевное тепло.

Удивительнейшая вещь — воспоминания юности, наполненной революциями и войнами, несправедливыми репрессиями, а также радостями и горестями, невозвратимыми потерями и прочими превратностями судьбы. Пережить все это и сохранить молодость души, живо встрепенуться по первому же зову сердца — свидетельство необычайного морального здоровья целого поколения трудовой интеллигенции, перед которой сейчас хочется шапку снимать.

Русудана Николаевна, уехавшая из Петрограда в Грузию в 1917 году, затерянная в бурных событиях тех лет, вдруг выплыла из небытия и этим своим появлением невольно объединила людей, которые давно уже ничего не знали друг о друге. Ленинградские сокурсницы и ученицы решили отметить эту «находку». Узнав, что близится дата — 75 лет со дня рождения Русуданы Николаевны и 50 лет ее педагогического и научного труда, они затеяли юбилей.

Предоставляем полностью вашему воображению все, что предшествовало этому торжеству: звонки и письма, обсуждения и споры, поиски старых институтских фотографий, из которых должен был быть составлен для Русуданы Николаевны альбом. Надо представить себе какими это сопровождалось трудностями, потому что все эти люди пережили блокаду, эвакуацию и рэзэвакуацию, все они были в довольно почтенном возрасте и к тому же, как женщины,

обременены множеством семейных забот. Поэтому в проблему превращалось буквально все: оформление альбома, поиски помещения для встречи (решено было организовать ее в одной из ленинградских школ), вопрос финансов, вопрос тарелок, вилки и ножей. Ведь это же был «самодетельный» юбилей!

И все же он состоялся.

— Встречали всех радостно, окружали плотным кольцом, — описывает позже одна из организаторов юбилейного вечера. — Появилась наша кругленькая Верочка С., озабоченная Лидя К. с колоссальным, туго набитым портфелем и пачками важнейших «материалов» — наш идеальный секретарь. А тем временем на столе расставляли тарелки с бутербродами, салатниками с домашними салатами — коллективное творчество отдельных групп. Зина М. методично раскладывала надписанные открытки с видами Ленинграда, чтобы каждый знал где и с кем сидит. Наташе пришлось бежать домой за тортами, которые хранились в ее холодильнике.

Зоя, Марго и я принимали гостей, что-то расставляли, словом, «мотались» как любые хозяйки. А гости все подходили и подходили. То появляются какие-то муж и жена, выпуск 1930 года и протягивают свой взнос, то профессор института имени Герцена, наша «педагогичка» выпуска 1918 года удивляется: «Как, разве вы не знали, что я буду?»

Тем временем собравшиеся уже взяли инициативу в свои руки и принялись перекладывать карточки. Вся ювелирная и «научно-обоснованная» система Зины и Лиды полетела на смарку. Бегу спасти положение. Кто-то не находит своей карточки, грозит паника... Зина мудро предлагает всем занять места. Наступил блаженный момент, всем места хватило, успокоились.

Приехал профессор Горшков, который «после нас» преподавал астрономию. Получена телеграмма от профессора Богомолова, что не может быть из-за плохого самочувствия. Свое вступительное слово начинаю у бокового столика. Дальше уже все, как по маслу. Председательство передано Лиле Б. (выпуск 1909 года), секретарем Лидя К. О выступлениях, вероятно, кто-нибудь напишет. Скажу коротко: слушали хорошо, всем все было интересно...

Еще бы! Конечно, было очень и очень интересно. Первый раз собрались спустя почти полвека: столько перевершилось всякого в памяти! А те, кто помоложе (на вечер попросились и несколько молодых учительниц из школы), увидели собрание людей, отдавших делу народного образования, по подсчетам кого-то из присутствующих, две с половиной тысячи лет. Увидели также старейшего ленинградского строителя

Василия Васильевича Старостина, построившего институтский корпус на Малой Посадской, из которого до сих пор продолжают выходить педагоги.

Но главное, что было необычным и придавало особую теплоту этому дружескому кругу — отсутствие самого юбиляра. Может быть это и покажется парадоксальным, но произносить хорошие слова не в лицо бывает иногда гораздо легче и приятнее.

Имя Русуданы Николаевны было у всех на устах. А сама она в этот вечер... Что же делала она в этот вечер в своем далеком, теплом городе? Заседала на своей кафедре? «Резала» незадачливых химиков? Редактировала какую-нибудь рукопись? Пронеслась своим по-прежнему стремительным шагом по длинным коридорам Грузинского политехнического института, который, вот уже более сорока лет — ее дом, ее жизнь, волнения, счастье и огорчения?

На юбиляра все обрушилось позже — сборник старой студенческой «окрошки», составленный из эпиграмм и сатирических стихов, альбом фотографий из жизни института на Малой Посадской, фотографии сегодняшнего Ленинграда. И еще один альбом, который юмористически настроенные северные друзья назвали «Пятьдесят лет спустя на вас смотрят тысячелетия...» Здесь Русудана Николаевна увидела всех своих «девочек» с мужьями, детьми, внуками и правнуками, словом такими, какие они сейчас.

Вместе со всей этой лавиной прибыл документ, исполненный каллиграфическим почерком и скрепленный пятьюдесятью подписями. Несколько подписей вырезаны из бланка фототелеграммы. Это от людей, которые не смогли в эти дни быть в Ленинграде. За каждой подписью — учитель, кандидат наук, инженер, доктор наук, методист. Обозначен год выпуска из института. И чаще всего, прибавлено еще одно слово — пенсионер.

Это был самый настоящий юбилейный адрес с воспоминаниями о лаборатории аналитической химии и ее «командным пунктом», занятым Русуданой Николаевной, о том, как она умела студенток «увлечь своим горением, приобщить к научным интересам, занести искру прометеева огня в сердца»...

В этом адресе перечислялись заслуги Русуданы Николаевны перед Родиной, отмеченные двумя орденами Ленина, и все, что она сделала для развития химической науки в Грузии.

«Мы, Ваши сокурсницы и ученицы, — говорилось в адресе, — большей частью уже пенсионеры, выражаем огромное восхищение перед Вашей необыкновенной работоспособностью и горячей любовью к избранной Вами науке, к работе в Высшей школе...»

Замечательно отметили ленинградки большую вежу в жизни грузинского ученого, вдохнули много бодрости в сердце человека.

...Три года прошло с тех пор. Мы снова сидим с Русуданой Николаевной за ее столом. Ничего не изменилось. Как всегда она озабочена («Наша кафедра делится на две!», поглядывает на часы («Райсовет поручил обследовать преподавание химии в школах») и в то же время горит желанием «выжать» из собеседника побольше.

На книжных полках, на столе и многочисленных, приставленных к нему дополнениях, тот же рабочий «наступательный» хаос. Только к нему прибавилось еще одно — письма: связки писем, стопки писем, груды писем! Они идут и идут вот уже в течение трех лет.

«...Вы спрашиваете, что такое Фрязино? Это городок под Москвой, в 35 километрах от нее. Так что «сбегать» в Москву довольно просто. Есть заводы, две школы, школа рабочей молодежи. Конечно, поликлиника, больница, всякие магазины, ателье и т. д. Довольно приличная библиотека. Словом, культурный центр. Он так и выглядит, когда подъезжаешь к нему на автобусе. Но если электричкой, то там сейчас встают пяти-шестиэтажные дома. Кругом строительные материалы, мусор и неурядица. Это еще будущее. Я живу в другой части города. Окна моей комнаты выходят на Московское шоссе. Когда я переехала сюда, из окон было видно широкое поле, а за ним лес. Сейчас по другой стороне шоссе уже вырос целый квартал, и лес виден только краешком. Город растет, как гриб после дождя...»

Это одно из многих подобных писем. И можете не сомневаться, что подмосковный городок Фрязино с его новостройками, лесами и витринами новых магазинов уже вошел в эту комнату и занял в ней свое место, где за вопросом что такое Фрязино последовал другой и третий, и судьба этой славной учительницы, мотавшейся всю жизнь со своим мужем, железнодорожником, по стройкам, вырастившей двух дочек-инженеров, уже не безразлична Русудане Николаевне. Появился в жизни, наполнил ее еще один хороший человек.

Могут сказать: — Ну, и что же? Хороших людей на свете много. Стоит ли выражать по этому поводу эмоции? Но ведь одно — это отвлеченное понятие, и совершенно другое — конкретное, почти осязаемое и окрашенное в разные оттенки знание. Оно наполняет душу особым светом и теплом.

В одном письме, автором которого является инженер по остатке счетно-электронных машин, есть прекрасные строки (по сути своей прекрасные!) о невестке:

«...В один из своих приездов в отпуск из Армии Андриуша женился на Ире, своей подруге по институту. Ира уже педагог со стажем. Работая два года доплате института в вечернем техникуме, она завоевала любовь и уважение своих учеников и почти сверстников. А две группы у нее были заводских мастеров. Самому молодому ученику было больше 30 лет. Сначала они делали попытки договориться с ней, доказывая, что им нужна только бумажка. Но она забрала их крепко в свои маленькие руки, и расставаясь, они сделали ей подарки, (в том числе письменный прибор, выточенный своими руками на заводе) и очень благодарили: для целого ряда необходимых расчетов им не надо больше обращаться к инженерам.

С прошлого года Ира перешла работать в школу. Она страшно увлекается своей работой. Я тоже подружилась с ее детьми, помогала оформлять помещение для вечера. А в этом году и Андриуша вступил в «их ряды», ведет в ее классе режиссерскую работу. В день рождения Иру пришли поздравлять ее дети. Соседка открыла дверь, и 40 детей, построившись парами, прошествовали по коридору...»

40 детей, взволнованных, торжественных, вошли и в комнату Русуданы Николаевны вместе с заводскими мастерами, вздумавшими было плутовать, вместе с молодой, какой-то очень светлой педагогической парой. Для всех них нашлось место! А ведь они лишь маленькие дольки того большого, разнообразного и очень пестрого по своему содержанию мира, который глядит теперь из каждого конверта, попадающего в этот дом.

Существует убеждение, что письма пишутся, когда что-нибудь случается. Существует убеждение, что участие к человеку надо проявлять, когда с ним что-нибудь стряслось. С этими людьми ничего не стряслось. Их сердца, пережившие много радости и много горя, стали богаче, «сердечнее».

Перебирая письма, я просто страдаю от невозможности процитировать еще, еще и еще, так много «проходит» в них интересных судеб, разных людей, серьезных размышлений. Мне хотелось бы, например, рассказать о письме из Средней Азии от женщины, которая 40 лет проработала в геофизической обсерватории, воспитала «найденых» и теперь, когда он уехал работать самостоятельно на далекую метеостанцию, снова осталась одна. Конечно, понадобилось немало усилий в ответных письмах, чтоб хоть немножко отогреть человека в одиночестве.

В одном конверте я нашла вырезку из «Вечернего Ленинграда» с очерком о студенческом походе на Памир. На фотографии, среди участников штурма пе-

стикилометровой вершины ректор Ленинградского университета, крупный советский математик и философ — Александр Данилович Александров. Вырезку прислала мать ректора, та самая Деля Б., выпуска 1909 года, которая председательствовала на юбилее в школе.

Одно письмо начинается так: «До чего же сильно чувствуется всякая дружеская связь, как только выпадает что-нибудь интересное: так и тянет поделиться впечатлениями. Вчера была в Марининке, смотрела балет...» Следует подробный рассказ о постановке с массой интересных живых мыслей. Между прочим, это пишет «прабабушка», которая воспитывая правнучку, умудряется выкроить время не только на балет, но и на чтение лекций по искусству, составление сборников и для внештатной работы в Пушкинской библиотеке. Она же шефствует над Русуданой Николаевной в области интересных книжных новинок, выходящих в Ленинграде. Она же пишет воспоминания об институте.

Кстати, чтоб закончить с институтом: встречи «педагогичек» стали ежегодной традицией, к Русудане Николаевне стали поступать бандероли с рукописями-воспоминаниями, из которых должна быть составлена история Женского Педагогического, предтечи известного в наше время Ленинградского Педагогического института имени Герцена. Вот что «потянул» за собой нечаянный юбилей!..

Так что же в общем произошло, если суммировать все сказанное? Когда-то давно человек оставил в душах других людей хороший след. Спустя много лет ответное чувство благодарности вызвало желание порадовать этого человека. Но процесс продолжается, он взаимосвязан, и, если можно так сказать, взаимобмен. Русудана Николаевна остается верна себе, она находит у коротких суток часы, находит внутреннюю силу для того, чтобы с неослабным интересом продолжать общение со многими людьми.

Мне кажется, что это можно было бы назвать культурой сердца. И мне не хотелось бы, чтоб у кого-нибудь составилось впечатление, будто я, рассказывая о своем старшем друге, представляю ее уникалом сердечности и душевности.

Культура сердца, как и всякая культура, дается самовоспитанием, самоубеждением, пониманием, что так лучше, интереснее и приятнее жить. Человек с его духовным миром — это бездонноеместилище, никем еще до конца не вычернутое, это самое значительное, волнующее и таинственное, что есть на земле. Как же кощунственно выглядит любое стремление отгородить

себя, замкнуть себя от людей в своем узком мирке и тем самым обеднить и себя и других!

Я позволила себе занять внимание почти частным случаем из жизни, довольно пространно процитировала совсем не предназначенные для печати строки, прежде всего потому, что хочется сказать — вот какой живет среди нас неутомный, теплый и нужный людям человек. Внутренний мир, скрытый от невнимательных глаз, составляет главное богатство человека. И каждое такое открытие, открытие такого богатства, есть общая радость для всех.

Тепло к людям может проявиться внезапно, как свет зарницы на тихом, спокойном небе. Тепло к людям выра-

жается в самых незаметных, само собой разумеющихся и составляющих длинную, бесконечную цепь, поступках. Оно значит (кроме — помочь, научить, поддержать, поощрить и пр.) — ответить на письмо, когда от усталости трудно пальцем шевельнуть, проявить к «чужой» жизни действительную, а не притворную заинтересованность...

Старшее поколение, естественно, имеет большой и ценный жизненный опыт, в том числе и в области нравственной. Этот опыт говорит: будьте теплее и щедрее друг к другу. И разве не мы, собравшись в поход за будущее, уже в начале этого похода сказали себе: человек человеку — друг! Человек — человеку.

Римма КАНДЕЛАКИ

Летопись земли и моря

Представим себе, что земля — это книга, а каждый пласт ее — страница. Причудливы порой записи в великой книге Земли! Открывшие их следопыты ощущают иной раз вместо радости смятение.

Недавно на юге Англии в глубине старой каменоломни были обнаружены под мягким слоем осадочных пород двадцать шесть отпечатков лап огромного доисторического зверя. Палеонтологи всего мира пришли в волнение: возраст следов определялся в сто пятьдесят миллионов лет! Животное, оставившее четкие отпечатки в грунте, оказалось игуанодоном.

Этот интересный, но мало симпатичный предок кенгуру, с птичьей головой и страшным роговым клювом, девятиметрового роста, оказывается не шел, а крался мелкими шагками, грозно выставив вперед короткие передние лапы и волоча по земле длинный, невероятно толстый хвост. Так повествовала летопись земли: с точностью рентгеновского снимка воспроизвела и сохранила она глубокие следы неслышанной давности.

Следы эти, расположенные строго по прямой, со все уменьшающимися промежутками, дали основание английским

ученым предполагать, что игуанодон готовился к прыжку...

Какая драма разыгралась полтора миллиона лет назад на том месте, где ныне находится Великобритания? Ученым вряд ли суждено узнать: владелец английской каменоломни заупрямился — не разрешил продолжать раскопки. Ничего не поделаешь! Частная собственность в Великобритании «священна и неприкосновенна».

Перевернем страницу.

Другой отпечаток, четко «сфотографированный» на странице величайшей из книг — тоже один из древнейших на нашей планете. Ему 50 миллионов лет. Это — скелет скумбрии.

Найден он в Абхазии. И что примечательно, на высоте 190 метров над уровнем моря. Высоко же катило свои волны в доисторические времена Черное море, если прабабушку-рыбу выбросило на берег на высоту, равную примерно 63-м этажам!

И стоят в задумчивости перед окаменевшим отпечатком юные посетители Абхазского краеведческого музея. Трудно им представить себе бурное море там, где мирно зреют ныне табачи селения Верхняя Эшера!

Надо быть слепым, чтобы не замечать в Сухуми и его окрестностях страниц открытой книги Земли решительно на каждом шагу. Если в других земных местах летопись прочно запечатана, скрыта, замурована, то в Абхазии она открыта пылливому взгляду. «Только рабы, — сказал Анатолий Франс, — не помнят своей истории». Мы не рабы: горячий интерес к истории ширится в массах.

...Однажды копали траншею вдоль Сухумского приморского бульвара для обычных осенних посадок деревьев. И — наткнулись на остатки мощной стены, которая шла к морю. А под водой по дну бухты тянулось ее продолжение. Это было событием! О нем много писали, говорили, и в археологических раскопках с тех пор стремятся принять участие члены различных клубов, учащая молодежь. Всем хочется стать археологами-любителями, раскрыть «тайны моря».

Чего только ни открыли расчищенные руины пылливому взору! Остатки толсто-стенных башен, керамические трубы, мраморную чашу фонтана, амфоры, кувшины, утварь. На ручке древней посуды прочли греческую надпись «Геракле» — название местности. Очевидно, кувшин был тысячи лет назад привезен издалека.

Несколькими годами раньше этого открыты купавшийся и нырявший возле устья Беслетки физкультурник обнаружил на дне морском мраморную плиту. Ее светлая поверхность отчетливо выделялась на фоне темного ила. Он созвал купальщиков. Вытащили плиту на берег, перевернули. И перед изумленными взорами засияла негленная красота древне-греческой стелы. Изображение сухумской находки десять лет назад обошло буквально весь мир.

Как мог так чудесно сохраниться барельеф в течение двух с половиной тысячелетий? Нетрудно догадаться: стела пролежала тысячелетия на дне морском лицевой стороной вниз. Точно так же, как знаменитая двязычная надпись — билингва, найденная близ Армази. Все зависит от того, как ляжет памятник в толщу земную или водную. Любая поверхность веками стирается и шлифуется... Но если счастливый случай поможет скульптурному изображению лечь лицом вниз, оно сохранится...

Мы стоим перед мраморной стелой в тихом зале абхазского музея, не в силах оторвать от нее взгляд. Жизнерадостное и жизнеутверждающее искусство древней Греции избегало трагических сцен. Умершего изображали греки юным, цветущим, за мирным трудом, среди тех, кто ему был дорог.

Красивая женщина, к коленям которой прильнул ребенок, и улыбающаяся

обним служанка с ларцом на плече — все дышит прелестью светлой печали. Все поет песню о древнем городе — богатом, изобильном, построенном восточными веками до нашей эры и в «однажды» «взятном волнами».

Об этом в свое время поэтично и взволнованно рассказал читателям искусствовед Л. Шервашидзе. Несколько месяцев пришлось ученому тренироваться, пока он, наконец, сам стал аквалангистом. Вместе с археологом Л. Соловьевым Л. Шервашидзе свободно прошел по морскому дну. Он пытался рисовать под водой (что вовсе нелегко) и составил гидроархеологическую карту морского дна с прилизительной дислокацией древних развалин неведомого города.

В разные эпохи он, город, мог носить разные имена: греческое имя Диоскурия, римское — Себастополис. Во всяком случае, точно известно: город не был затоплен — мощный тектонический сброс постепенно опускал человеческие поселения в пучину Черного моря.

Море берет, море отдает. Так неумолимо поглощает Адриатика прекрасную Венецию, постепенно опускакая сказочный город с его дворцами, мостами, каналами, с его Тинторетто, Веронезе и другими мировыми сокровищами в пучину. Так выходит сам собой из седого Каспия старинный городок недалеко от Баку. Уже виднеются над водой верхушки его минаретов, купола, зубцы башен! В одном месте земного шара морское дно опускается, в другом — поднимается, ибо море мелеет. Возле Петронавловска-на-Камчатке сейчас из воды выходит новый остров, а где-то в иной точке земного шара опускается на дно моря другой.

Но с тех пор как на помощь науке пришло небольшое изобретение — акваланг, какие чудесные открытия можно совершать под водой! Как это ускоряет процесс открытия, обогащает наши знания! Особенно если аквалангист еще и вооружен киноаппаратом.

...И вот начальник Отдела охраны памятников абхазской старины, грузный, пожилой, но юношески подвижный Виянор Пачулия, прищурив светлые глаза, изучает некое коллективное заявление, которое содержит смелые обязательства:

«...Мы, члены любительских киностудий физико-технического института Грузинской АН и Томского политехнического института, располагая достаточным знанием литературного материала, связанным с античными пунктами Абхазского побережья Черного моря, являясь опытными спортсменами-подводниками, обращаем к Вам с предложением создать гидроархеологическую экспедицию. Цель ее — выявление, изучение и фотографирование памятников матери-

альной культуры, находящихся под водой на Абхазском побережье Черного моря. В ходе работ будет отснят документальный кинофильм. Все материалы экспедиции, в том числе фотонегативы, памятники материальной культуры и копия кинофильма будут переданы в распоряжение Абхазского Совета Общества.

Подписали: сотрудники физико-технического института Грузинской Академии наук Вишневский В. И., Вознюк А. С., Киров А. Г. Члены любительской киностудии студенты Томского политехнического института: Киров Б. Г., Моисеенко Э. В., Пекарский Г. Ш.»

Только шесть подписей. Участников же подводной экспедиции набралось около двадцати человек. Сплошь молодежь! Начальником подводной группы выбрали физика В. Вишневого, двадцатипятилетнего сотрудника одной лаборатории. Кто знает, быть может, знакомясь с литературой о находках на дне Сухумской бухты, молодые физики и техники узнали гипотезу сегодняшнего дня: о ненайденном еще городе, созданном два с половиной тысячелетия назад местными древними высококультурными племенами и опустившемся на дно Черного моря, — и молодежь загорелась страстным желанием его разыскать!

Тут вполне уместно спросить: не далеко ли отстоит Томск от Сухумской бухты? Что и говорить! Очень далеко. А какое отношение имеют сотрудники грузинского физико-технического института к археологии? Казалось бы, никакого!

Программы электромеханического факультета Томского вуза тоже, кстати сказать, не содержат в себе даже намека на гидроархеологию. Но...

Но никак нельзя сбросить со счетов молодость, романтику «тайн Голубого Континента», стремление аквалангиста-спортсмена к поискам и радость открытий! Киноэкспедиция томских студентов на дно Черного моря состоялась. Совместно с молодыми физиками Грузии они засняли под водой на кинолентку все, что увидели и нашли...

А увидеть и найти им удалось немало. Они нашли на дне моря остатки крепостных башен и стен — тех, о которых писал в XVIII веке историк Вахушти и которые до сих пор не удавалось найти, а также много другого интересного... Башни остались стоять там, где стояли — на дне морском, найденные аквалангистами предметы поступили в распоряжение Грузинского общества охраны памятников культуры.

А томские студенты? Они погрузили на борт ревущего ТУ-104 свой нехитрый багаж (акваланги, ласты, кинокамеру) и улетели обратно в Сибирь. Славные ребята, их горячее энтузиазма в науке поистине достаточно, чтобы растопить сибирские снега! Во всяком случае, томские студенты, воодушевленные интересом к истории, немало помогли грузинским ученым. Хотя, конечно, самое основное этому отряду решить не удалось: что за город погребен под толщей ила на дне Сухумской бухты? Такую задачу придется решать в ближайшие годы экспедициям настоящих ученых-историков, вооруженных мощной техникой, которая помогла бы людям размыть многометровый слой ила, намытый за сотни веков в устьях рек, впадающих в Черное море, и открыть неведомый город.

...Мне довелось в те дни встретить одного из сибирских студентов. Его звали Ким. Босой и загорелый, он бродил накануне отлета в Сибирь по солнечному берегу недалеко от Ахали-Афоны у подножья горы Мсыгхва. И здесь недавно началось чтение неизвестной странички из летописи Земли (странички тысячелетней давности). Под маленьким холмиком близ дороги открыли развалины древнего христианского храма. Их осторожно расчистили: на солнечный свет появились фрагменты старинного орнамента, искусно декорированные фризсы, обломки древнего саркофага, осколки разноцветного стекла...

Мы подъехали к Вианором Пачулия к месту расчистки.

Ким стоял на холме, как первобытный человек: полуголый, бронзовый от загара. Он с неистощимым любопытством приглядывался к открывающимся развалинам. Работа вокруг кипела. Вианор Пачулия с удивительной для его возраста и комплекции быстротой стал обегать руины со всех сторон, волнуясь и крича на трех языках сразу. Рабочие бережно разбирали камни. Любитель археологии художник Орелкин бережно, специальной кисточкой счищал с древнегрузинского орнамента пыль веков.

А томский студент стоял, расставив ноги и широко улыбался сияющему миру. Удивительная то была улыбка: одновременно мудрая и ребячья, улыбка, в которой сочетались гордость хозяина и спокойствие исследователя. Новый человек на древней земле! Синие горы, древние камни, глубь морская — все было ему доступно, все могло быть изведано им до дна.

Солнце в ладонях

У здания ГПИ рычал экскаватор, скрипел подъемный кран, была разворочена земля и троллейбусы чудом проезжали по узкой полоске бывшей мостовой. А около большой ямы толпился народ. Мальчишки присели на корточки, студенты, зажав локтем папки, уперлись руками в колени, и все как завороненные глядели вниз. В брезентовой спецовке, в заляпанных сапогах и с электродом в руках, женщина казалась строгой и деловой. Рукой в большой брезентовой перчатке она повелевала добродушным крановщиком в очках и изредка подавала команду: «Вира, мало-мало. Майна!» И огромная газовая труба, лениво опустившись, рывками ложилась на место.

— Гурам, молоток! — коротко приказала женщина своему единственному помощнику, и Гурам стремительно бросился за молотком. «Приходится подчиниться», — говорил весь вид Гурама.

А она легким взмахом головы опускала на лицо фибровое забрало, и тут же над трубой вспыхивал синий огонек и появлялся фонтан золотых искр.

— Лидяева, на минутку, — позвал ее прораб. Она легко выпрыгнула из ямы, лихо сдернула берет. И надолго мне запомнилась такой — в рабочей амуниции, с коротким электродом в одной — опущенной — и с забралом в другой — поднятой — руке. Фехтовальщица после очередной победы, да и только!

На следующий день опять была срочная работа, народ и золотые искры. Ваня Павлов — хозяин «беззубого» экскаватора, рассказывал:

— Лидяева? Исключительный человек и специалист большой. Электросварщиков много, а таких — по пальцам перечесть. «Все играют, а гармонист — один». Вот так... Я раз в Сабуртало старые дома ломал, и ковш пополам треснул. Электросварщик раз пятнадцать сваривал. Все равно — ломается. Вот раз я и говорю Лидяевой: «Лидя, дорогая, сварь мне ковш». Посмотрела, говорит: «Шесть часов буду сваривать». «Да что ты, — говорю, — мне за полчаса делали». Но потом я и конгломерат этим ковшом поднимал. Сам экскаватор трепыхается, а ковш ничего, до сих пор держится. Лидя мне

тогда так и сказала: «В другом месте поломается, а здесь нет!» Вот там...

Лидя молотком отбивала смолу, прилипшую к краю трубы.

— Вот, видели как деталь обрабатывает, — торжествующе сказал Павлов. — Не почистит — не приварит, потому что где грязь — там и брак.

У Лиды синие глаза и светлые густые волосы. Солнце загримировало чуть округлое ее лицо под смуглянку. Она сняла большую брезентовую перчатку, и на тонких пальцах сверкнул яркий маникюр. Пожатие крепкое, дружеское. На руке — маленькие розовые шрамы. Это следы как-то попавших в рукавицу искр.

Пока Лидя переодевалась в наглухо закрытой кабине прицепа, мы беседовали с ее помощником Гурамом.

Наконец Лидя появилась на лестнице, как актриса на подмостках сцены.

Мы с трудом узнали ее. В плаще, туго перехваченном в талии поясом, она уверенно заступала тоненькими каблучками по асфальту. День был субботний и солнечный. Но Лидя торопилась — дома ее ждала двенадцатилетняя дочка, Наташка.

Зима? Да что это за зима — ни дождя, ни снега. Нет, на высоте она не работает. Бойтся высоты. Там, если потеряешь равновесие, не сдобровать. Хотя и на земле бывают сюрпризы. Как-то раз сваривала она трубы на улице Дзенеладзе. Нужно было во что бы то ни стало закончить сварку в тот же день. Когда заваривала последний шов, стемнело. Поднималась и ударилась головой о стену. Месяц пролежала с сотрясением мозга. Если б не окружающие... Давно ей хотелось через газету выразить благодарность чудесным людям — невропатологу Капанадзе и медсестре Накашидзе из седьмой поликлиники.

А работы? Работы много и варит давно — в сентябре исполнилось 18 лет. Так что не думайте, что очень молода. А варит, как и все, ничего особенного. Лучше скажите, как понравилась картина «Девять дней одного года». Умная картина, не правда ли?.. Лидя торопится, и мы прощаемся.

В крошечной прорабской трещал телефон и стоял гул голосов. Но моя

просьба рассказать о Лидяевой не осталась без внимания.

— О-о-о, — пропели двое в рабочих спецовках. — Замечательная электро-сварщица. Почему? Ответим. Быстро варит, красиво варит, прочно варит, в любых условиях варит.

Дверь открылась, и начальник СМУ Г. Петриашвили сказал кому-то: «Сложный стык... Лидяеву пошлите».

Потом мы разговорились с симпатичным богатырем-механиком А. Челукаевым о машинах, о принципах сварки. Зашел разговор и о Лидяевой.

— Дело хорошо знает, — гудел механик. — Но капризная. Сами понимаете — женщина. К примеру, посылают ее сваривать трубы. — «Не пойду — кричит. — Безобразия это! Только-только, — кричит, — там трубы в одну сторону сваривали: вовремя не пришло никому в голову, что когда подземный переход проводить придется, — нужно будет снова трубы ворошить, в другую сторону сваривать. Средств и времени вам не жалко!» Капризная... но вообще она, конечно, из лучших. Фастов, Дави-ташвили, Айрапетян, Кушадзе, Лидяева... Их у нас все знают.

Росла Лида в детдоме у синего моря. Потом поступила в ремесленное училище. Оттуда ушла работать на железную дорогу. Ей всегда нравились поезда. Нравилось, что они приходили из далеких, больших городов и потом убегали по блестящей железнодорожной колее, далеко за горизонт. Сама она работала слесарем по ремонту автотормозов. Но к электросварке всегда была неравнодушна. Подолгу, не отрываясь, могла следить за работой электросварщиков...

— Лида, — кричал мастер Иса Кельбалиханов, — прикрой глаза! И вообще, нечего тебе здесь торчать, не женское это дело.

Но цеху понадобились электросварщицы, и Лиду определили ученицей к Исе. У мастера была своя система обучения. Первый месяц он не разрешал ни к чему притрагиваться — только смотрит.

Лида возмущалась, спорила, пока не добилась разрешения варить самостоятельно. Но когда уже дорвалась, — варила за себя и за других, варила нужные детали и просто железки. Вечером приходила она в общежитие уставшая, но счастливая и громко рассказывала: сегодня сварила два бака и три котла. И сердобольная женщина — комендант общежития — одобрительно кивала: значит по поварской линии пошла. Хорошо.

А она сваривала детали и незаметно накрепко приваривала себя к новому делу.

Вскоре шесть человек сдавали экза-

мены на шестой разряд и только двое сварщиков получили право на самые ответственные сварки. Одной из них была Лида Лидяева. Не легкое это дело иметь 6-й разряд. Это значит каждый год сдаешь экзамены, каждый месяц контрольные испытания. Это значит, что каждый второй стык твоей работы подвергается самой тщательной проверке.

А сколько она наварила за свою жизнь! Например, кирпичный завод весь прошил ею. Там как раз и был у нее приступ аппендицита. Увезли ее в больницу. Ребята каждый день навещали.

— Направили меня временно заменить Лидяеву, — рассказывал Алекс Кухадзе, — так строители не пускали работать. — Не хотим и все. — Что тут скажешь? — Лида придет — закончит. Она, — говорит, — быстрая, наверстает.

Когда несколько лет назад организовался Тбилгазстрой, Лиду направили туда. И всегда, перед каждым распределением объектов, она, как актриса, хочет обязательно главную и ответственную роль, хочет «сыграть» ее с блеском.

И даже в выходной день, когда она гуляет с Наташкой, крепко взяв ее за руку, Лида не может пройти равнодушно мимо работающего электросварщика. Она по звуку определяет расстояние электродуги, силу напряжения. И очень часто электросварщик с изумленным смотрит на женщину в нарядном платье, которая подает дельные советы.

Лида Лидяева, депутат райсовета имени Орджоникидзе. Частенько после работы ей приходится заходить к своим избирателям.

— Как вы думаете, скоро ли переедем на новую квартиру? — часто с надеждой спрашивают ее.

— Скоро, — уверенно говорит Лида. — Знаете, сколько мы домов строим? Вот я сейчас работаю в Сабуртало, так там дома растут, как грибы после дождя.

Она улыбается, и люди улыбаются вместе с ней, потому что это действительно очень хорошо, когда строится много новых жилых домов.

А на следующий день снова крановщик подчиняется взмахам ее руки, работает экскаватор, нетерпеливо вспыхивают машины, и в Лидиных ладонях вспыхивает маленькое солнце. Когда смотришь, с каким азартом она работает, кажется, если понадобится, — она небо к земле приварит.

* * *

Когда верстался наш номер, мы узнали, что 17 марта Лидия Захаровна Лидяева избрана депутатом городского Совета.

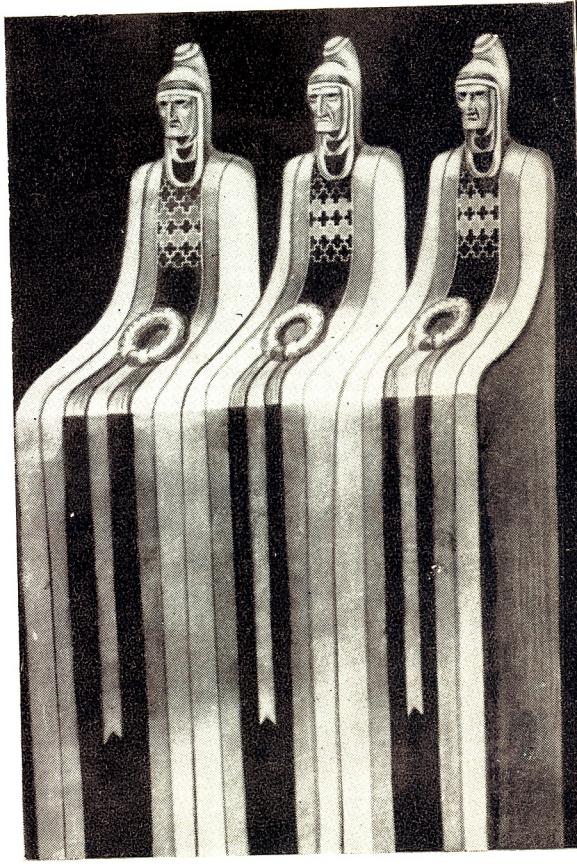
საქართველოს
ხელისუფლების

ПЕТРЕ ОЦХЕЛИ

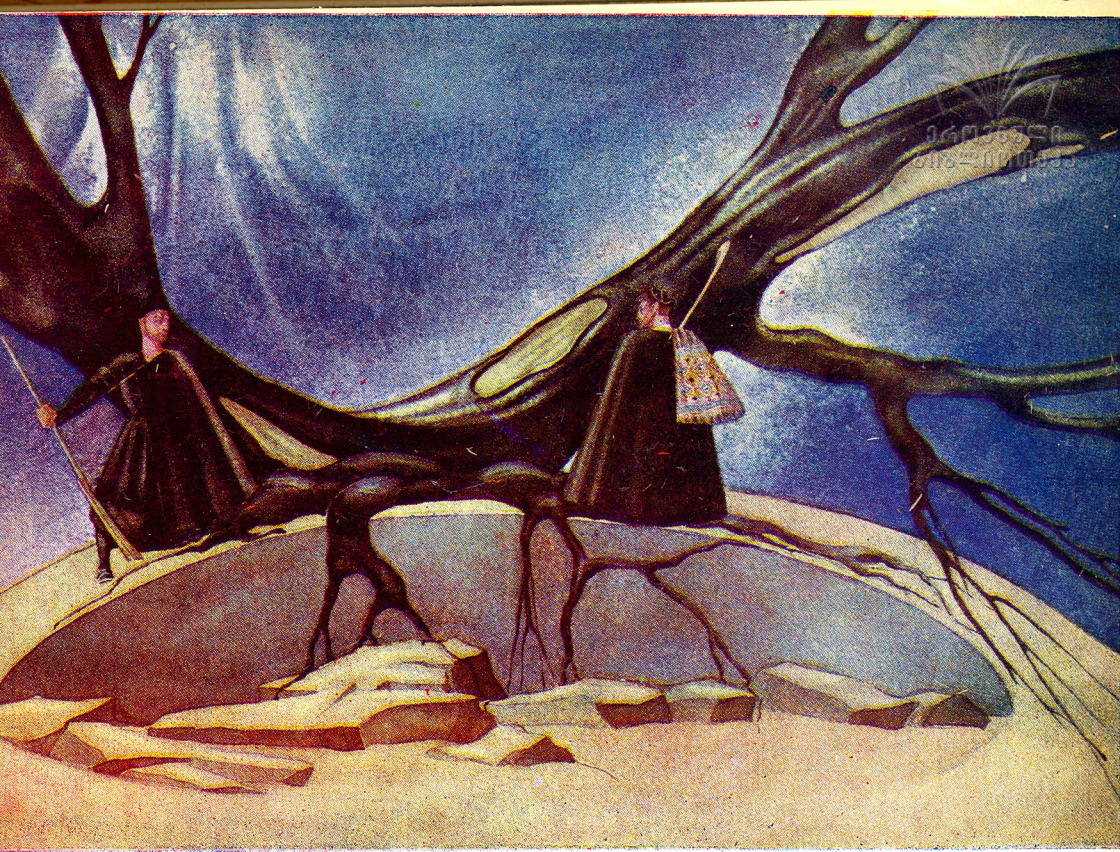
Работы, выставленные в Государственной картинной галерее Грузии

Дездемона

Сенаторы

Ансенировка Ш. Дадвани
произведению И. Чавчавадзе

Сломанный мост

Эскиз 1935 г.

Эскизы

КОСТЮМОВ

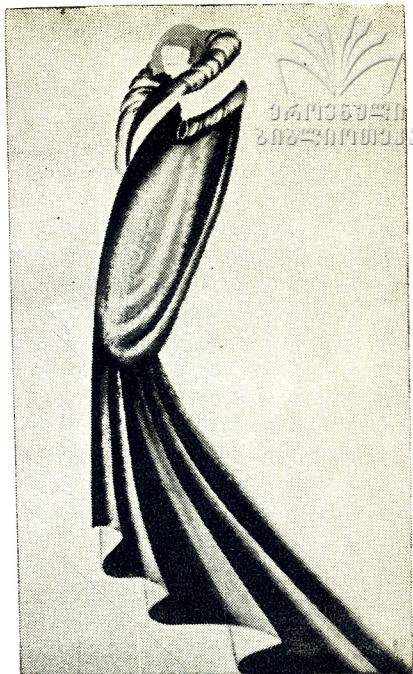

Г. БААЗОВ. Немые заговорили

Эскизы

КОСТЮМОВ

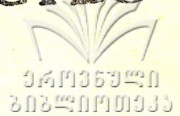
И. ВАКЕЛИ. Апракунэ Чимчимели

Эскиз декорации
1935 г.

კ. გუცკოვ ურიალ აკოსა

Елена АХВЛЕДИАНИ,
народный художник Грузии

Петре Оцхели

Невысокого роста, с густой шапкой волос, с большими черными глазами, веселый, жизнерадостный, остроумный и, главное, очень талантливый — таким запомнился друзьям художник Петре Оцхели. Он с детства пристрастился к рисованию и никогда не расставался с карандашом. Учился в трудовой школе, при которой была организована художественная студия. Руководил ею педагог Чейшвили, и Петя занимался у него. Окончив школу, Оцхели, уроженец Кутаиси, поступил в Тбилисскую Академию художеств в класс профессора И. А. Шарлеманя. В 1927 году художник оформляет пьесу Луначарского «Поджигатели» в Народном доме, где в то время работали актриса Елена Донаури и режиссер Вахтанг Абашидзе. Как-то К. А. Марджанишвили зашел туда посмотреть спектакль, и ему так понравилось оформление, что он пригласил Оцхели в руководимый им театр в Кутаиси. Очень скоро художник стал любимцем Константина Александровича и всей труппы 2-го государственного Кутаисского театра.

Работать с Марджанишвили было большим счастьем; Петя это хорошо чувствовал и жадно впитывал все советы Константина Александровича, был очень трудолюбив. Иногда мы удивлялись, когда он успевал делать свои эскизы. Целыми днями пропадал в театре, бегал по цехам, балагурил, что-то рассказывал, кого-то копировал, рисовал на стенах мастерской карикатуры на товариществе. Под мастерской размещался хореографический класс, и к ужасу Д. Н. Мачавариани, я и Петя часто спускались вниз и, конечно, мешали занятиям: копировали танцующих под общий смех как актеров, так и самого Давида Николаевича.

На праздники Марджанишвили всегда что-нибудь «выдумывал» и для оформления номеров приглашал разных художников. Оцхели, конечно, был первой скрипкой. Эскизы, над которыми кропотливо работал по ночам, он приносил точно в условленный день и час. Они были прекрасно прорисованы, тщатель-

но обработаны, продуманы. Непостижимо было, откуда у молодого художника такое знание сценической площадки. Поражала также широта его творческого диапазона, большая фантазия (например, в оформлении спектакля «Немые заговорили» Баазова). Оцхели умел глубоко прочувствовать замысел режиссера, сливался с ним.

Внешне спокойный, какой-то улыбочный, он работал горячо, с увлечением. Ни одна мелочь ни в одном цеху от него не ускользала, он был неутомим, наш Петя-Цегушок, как его звала вся труппа. А вот писать декорации Оцхели не любил; Марджанишвили требовал, чтобы театральные художники сами исполняли не только свои декорации, но и декорации приглашенных художников. Петя большей частью удавалось увильнуть от этой работы.

Очень интересны были у него и эскизы костюмов. В них, как и в эскизах декораций, чувствовалась высокая культура театрального художника с большим вкусом и фантазией.

Лишь 9 лет жизни смог отдать Петя любимому делу. Он работал жадно и за эти годы оформил пьесы: «Уриэль Акоста», «В самое сердце», «Беатриче Ченчи», «Поэма о топоре», «Немые заговорили», «Сломанный мост», «Отелло», «Разбойники». В Москве в театре Корша Оцхели оформил спектакль «Строитель Сольнес» Ибсена, в Малом театре — «Коварство и любовь», «Славу», «Овечь источник», в музыкальном театре Станиславского и Немировича-Данченко — «Пограничники»; прошел первым по конкурсу за оформление «Риголетто», и его принял к себе в театр К. С. Станиславский.

Но преждевременно прервалась жизнь этого талантливого художника, исполненная подлинного творческого горения. Наш долг, долг всех, работающих сейчас в театре и для театра, сохранить небольшое по количеству, но высокое по качеству наследие П. Оцхели, которое является ценным вкладом в сокровищницу грузинского театрального искусства.

Илья ДУБИНСКИЙ

Народный контроль

В числе других революционных преобразований, предпринятых Коммунистической партией после XX съезда КПСС одно из важнейших — восстановление принципов единого партийно-государственного контроля, разработанных Владимиром Ильичем Лениным в его работах: «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше».

Рабкрин — Рабоче-Крестьянскую Инспекцию — и неотъемлемую от нее Центральную Контрольную Комиссию партии долго возглавлял Серго Орджоникидзе. При нем Рабкрин и ЦКК пользовались огромным влиянием и авторитетом, работали с небывалым размахом, действительно становились школой обучения трудящихся управлению делами государства.

Это «наследство» Рабкрин сейчас принимает на свое вооружение Комитет партийно-государственного контроля и его органы на местах, созданные после ноябрьского Пленума ЦК КПСС.

Поэтому мы и рассказываем ниже о деятельности Рабкрин и ЦКК, возглавляемых в ту пору Серго Орджоникидзе.

Осенью 1926 года Серго пришлось расстаться с родными краями. После Тбилиси — Ростов и через два неполных месяца — Москва. В трудное для партии время, когда, по меткому замечанию Анри Барбюса, «произошло объединение оппозиций, создалось нечто вроде треста уклонов», Орджоникидзе был избран председателем Центральной Контрольной Комиссии.

Двумя днями позднее — пятого ноября 1926 года — Михаил Иванович Калинин, всегда очень сердечно относившийся к Серго, подписал постановление Президиума ЦИК о назначении Орджоникидзе заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР и наркомом Рабоче-Крестьянской Инспекции.

Неожиданное назначение меняло все масштабы, щедро прибавляло забот, столкновений, делало мишенью для яростных нападок врагов и все же вполне отвечало динамичному характеру Серго.

Его сердце наполнялось хорошей человеческой гордостью. Ведь Рабоче-Крестьянская Инспекция — Рабкрин — одна из самых больших забот Владимира Ильича.

«Рабочую и крестьянскую инспекцию всячески развивать, — сказано в постановлении Политбюро ЦК РКП(б), принятом по предложению Ленина двадцать третьего января 1920 года, — усиливать, расширять, направляя всю работу к полному «орабочению» (и «окрестьяниванию») Госкона».

Снова возвращаясь к мысли о том, что главная цель единого органа социалистического контроля, «**всю трудящуюся массу, и мужчин и женщин особенно, провести через участие в Рабоче-крестьянской инспекции**», Ильич пишет в августе 1922 года:

«Я очень жалею, что Цюрупе не удалось поработать в Рабкри. Боюсь, что работа не совсем правильно стоит. Тип работы — **отдельные об-**

следования и доклады Сталина. А перестройки аппарата и улучшения его нет.

...Я все надеялся, что приток новых работников в коллегию Рабкри оживит дело, но из распросов Сталина не мог видеть этого».

Девятого января 1923 года Ленин начал диктовать «Что нам делать с Рабкритом?» Вслед — второй вариант — «Как нам реорганизовать Рабкрин». Не щадя последних сил, Владимир Ильич исправлял, передиктовывал абзацы и целые странички. Посылая на обсуждение своему заместителю по Совнаркому Цюрупу и всем членам коллегии Наркомата РКИ. Потом, вырывая минуты у врачей, в несколько приемов продиктовал статью «Лучше меньше, да лучше» — продолжение раздумий о Рабкрине.

Пятая неделя работы Серго в Москве. Новый нарком отправился на Всесоюзный съезд профессиональных союзов, попросил слово:

«...Мы устроили в РКИ совещание хозяйственников, чтобы побеседовать с ними, узнать, как бы им помочь. Некоторым товарищам кажется так: ну, хозяйственник, так бей и колоти его. Но не надо забывать, что на этом фронте у нас сидят лучшие наши люди, прекрасные коммунисты, во всяком случае многие из них.

И мы ставим себе задачей помогать этим товарищам. А для этого надо поговорить с ними, узнать, где и что у них болит, чтобы по силе и возможности мы могли бы им помочь.

...Вчера т. Лебедь показал нам в СНК толстую книгу с вопросами. Оказывается, на Украине обыкновенному сельскому агроному задается 20 тысяч вопросов. Спрашивается, если ответить на эти 20 тысяч вопросов, а отвечать приходится, то останется ли у агронома время, чтобы он работал по своей специальности? Я думаю, что нет.

Если мы не положим конец бумажному потоку, он нас затопит. Мы победили Деникина и Юденича, Врангеля, а бумага нас, ей-ей, задушит. Отчетность, конечно, нужна, но нужна действительная отчетность, а не вагоны исписанной просто бумаги, которую никто не читает.

Могут сказать, что от сокращения отчетности произойдет увеличение безработных, придется рассчитывать людей и т. д. Конечно, может это

произойти. Но если такое упрощение нашей отчетности дает возможность свободно вздохнуть людям и одновременно сэкономить миллионы, а в этом я уверен, то эти миллионы мы бросим на новые капитальные работы: наряду с Днепростроем и Семиреченской железной дорогой можно будет приступить и к Волго-Донскому каналу¹, проведение которого будет иметь громадное значение для нашего народного хозяйства».

Месяцем позже на Московской губернской партийной конференции:

«Некоторые наши молодцы, не умеющие еще как следует работать, вместо того, чтобы подобрать себе настоящий беспартийный актив, подбирают себе подхалимов, которые бы их слушались, которые были бы ниже их самих. Сам он ничего не стоит и подбирает еще хуже себя, и оба чудачка ничего не могут сделать.

Мы находимся сейчас в таком периоде, когда рост активности рабочего класса весьма велик, и если нам не удастся вовлечь в свое русло лучшие элементы беспартийных рабочих на заводе, то они будут искать выхода своей активности где-то в другом месте. С беспартийным активом надо уметь разговаривать, суметь вовлечь в работу, и он пойдет с нами. И сейчас, когда его обижают, он не бежит к каким-нибудь меньшевикам, а говорит: я сообщу об этом в Москву, в ЦК партии, в ЦИК Союза и т. д. Значит он верит нам, верит Советской власти, нашей партии. Не верит только тому чудачку, который не умеет с ним разговаривать... ЦКК, желая помочь партийным комитетам, поставила и этот вопрос в план своей работы.

Некоторые товарищи побаиваются резкости постановки вопроса. Они, конечно, неправы. Борьба за вовлечение лучшей части рабочего актива под влияние нашей партии — это наше дело. Мы это дело никакой оппозиции не уступали и не уступим... Мы их знаем хорошо, они никогда в своей жизни, ни в партийной, ни в советской, ни в военной работе, демократизмом не отличались, а всегда

¹ Еще в 1920 году командование Кавказского фронта — Орджоникидзе и Тухачевский — мечтали начать силами Кавказской армии труда строительство Волго-Донского канала.

были худшими представителями бюрократизма.

Мы поставили перед собой задачу пересмотра аппарата наших национальных республик... Мы в области разрешения национальных отношений произвели революцию, это вне всякого сомнения, но нельзя сейчас оставить той типичной бюрократизации национального вопроса, который у нас имеется в некоторых местах.

...Кое-кто, прочтя наш план, говорит: вы, ребята, себе поставили невыполнимую задачу, хотите в какие-нибудь 3 месяца создать идеальное государство. Мы не настолько наивные люди, чтобы так думать. Борьба с бюрократизмом — это длительная борьба. Понадобятся годы и годы. А урезать те безобразия, которые имеются, урезать то, что сейчас нам мешает, это можно и должно сделать сегодня. Тот, кто думает остановиться перед этими трудностями, просто боится, и о нем можно сказать то, что говорил Владимир Ильич в статье «Лучше меньше, да лучше»:

«У нас уживались рядом теоретическая смелость в общих построениях и поразительная робость по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформе. Какая-нибудь величайшая всемирная земельная революция разрабатывалась с неслыханной в иных государствах смелостью, а рядом не хватало фантазии на какую-нибудь десятистепенную канцелярскую реформу; не хватало фантазии или не хватало терпения применить к этой реформе те же общие положения, которые давали такие «блестящие» результаты, будучи применяемы к вопросам общим.

И поэтому наш теперешний быт соединяет в себе в поразительной степени черты отчаянно смелого с робостью мысли перед самыми мельчайшими изменениями».

На той же конференции.

Записка одного из делегатов:

«А как у вас самих в РКК-ЦКК обстоит насчет бюрократизма, насчет волокиты и бумажного потока?»

Ответ Серго:

«Наш аппарат несколько не лучше, чем все остальные. Должен добавить к этому, что он и не может быть лучше при том внимании, которое партия уделяла до сих пор. Что же товарищи! Владимир Ильич писал, что РКК надо дать самое лучшее, что только имеется у нас. Можете ли вы

по совести сказать, что мы это выполнили? Не можете сказать?»

Мнение по этому же поводу крупного и задиристого хозяйственника, руководителя Будапештского Совета рабочих депутатов в марте — августе 1919 года Семена Бирмана:

— Я был молодым руководителем Югостали, когда зашел к Орджоникидзе, тогда наркому РКК, с жалобой на действия некоторых органов Рабоче-крестьянской Инспекции. Многие, даже крупные руководители в таких случаях прежде всего защищаются за него. Не таким оказался Серго! Он не только принял меня, прервав разговор с руководящими работниками своего наркомата, но тут же по телефону связался с руководителем украинской РКК, потребовав у него объяснений. Затем Серго вызвал его специально по этому вопросу в Москву, после чего назначил обследование местных органов РКК.

1927 год. Август. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК. Заявление Серго:

«Будут ли нас называть дубинкой, или как угодно, это нас ни в коей мере не устрашит, а против раскольников и Центральная Контрольная Комиссия и вся партия станет стеной...»

Тот же год. Декабрь. XV съезд партии. Строки из стенограммы:

Орджоникидзе: «Оппозиция требовала от ЦКК, чтобы она была над ЦК и над оппозицией, а еще лучше, если бы она была вместе с оппозицией. Оппозиция уверяла, что ЦКК должна быть без всякой политической физиономии и, как плохая сваха, должна бегать от одного к другому, чтобы как-нибудь добиться примирения. Мы же считаем, что прежде всего ты должен быть большевиком, ленинцем, а потом можешь быть членом ЦКК, членом ЦК, районного комитета ячейки и т. д.

...Занимая совершенно определенную партийную позицию, мы всемерно старались и делали все возможное для того, чтобы сохранить товарищей из оппозиции для партии.

Я не знаю, может быть, съезд скажет нам: «Кто вам поручил столько возиться с людьми, которые не хотят оставаться в партии?». Но я докладываю вам то, что было. Я и т. Сольц возились с Владимиром Смирновым целую неделю (голос: «Много чести!»), чтобы он отказался от того недопустимого заявления, которое он сделал на заседании ЦКК, и тем

дал нам возможность оставить его в партии. Таким порядком мы восстановили почти 90 процентов всех исключенных, за что получали тогда упреки: «Что же, мы боремся с оппозиционерами, исключаем их из партии, а ЦКК всех восстанавливает». Так было с некоторыми районами, например, с Закавказьем, когда исключенных было порядочное количество (и они, безусловно, были достойны исключения), а мы почти всех их восстановили. (Голос: «Плохо сделали».) Я знаю, что за это похвалы не получишь».

1929 год. Апрель. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК.

Серго, к неудовольствию многих претендентов на «непогрешимость», говорит:

«Я, товарищи, никак не согласен с тем, что членов Политбюро нельзя критиковать. Я считаю — можно и должно критиковать, когда тот или другой член Политбюро отклоняется от партийной линии или нарушает партийные постановления, или неправильно истолковывает партийную линию, или нарушает партийную дисциплину».

На том же Пленуме, отвечая лидерам правых:

«ЦКК создана партией для партий, а не для людей, которые путаются, теряют голову и поднимают панику в партии. Всеми мерами, всем, чем только можем, мы готовы помочь этим товарищам отойти от своих неправильных позиций. Но перейти на их сторону — извините! Мы — ученики Ленина — не перейдем!»

1930 год. Июль. XVI съезд партии.

Серго ни в чем не изменился, ни от чего не отступил. Для него это никак не возможно. На всех самых крутых поворотах его никогда не заносило ни влево, ни вправо. Он всегда оставался убежденным ленинцем.

Как бы подводя итог, он говорил сейчас на XVI партийном съезде:

«В этой борьбе от нас, от ЦКК, правые и примиренцы к ним требовали, чтобы мы заняли позицию какой-то обывательской справедливости. Вот, мол, Ильич вас создал, вы должны быть выше всех и вся. Это очень хорошо сказано, может почекают самолюбие, но только... дурака. Мы считаем себя большевиками, и в решении политических вопросов нашей партии мы ни в коем случае не мо-

жем занять какую-то обывательскую позицию. Мы — ленинцы, и если на ленинские позиции наступают Троцкий, Бухарин, Рыков или Томский, все равно мы, ЦКК, должны грудью встать...»

Единство нашей партии должно быть не обывательское, а на основе марксизма-ленинизма».

В день первого знакомства, когда сотрудники уважительно внимают идеям нового администратора, Серго не очень обнадеживающе сказал: «Учить никого не сумеем, а вместе с учреждениями кое-что исправим».

Кое-что...

...Законопроект о значительном расширении прав низовых советских органов. Предварительное обследование во всех уголках страны. «На местах, у крестьянской избы посмотрели, — радостно делился Серго, — что представляет из себя аппарат Советской власти».

Это же в изложении старого большевика, члена Президиума ЦКК с 1923 года Михаила Николаевича Ковыхина:

«Меня вызывает Орджоникидзе.

— Будешь возглавлять группу членов ЦКК, которая займется проверкой исполнения решений правительства, — сказал Серго. — Проверить необходимо все, сверху донизу. От Совнаркома и до сельсовета. Нужно обратить особое внимание на Урал, Ростов-на-Дону, словом, на крупные промышленные центры.

Он говорит, а я лихорадочно соображаю: наверное, теперь весь наш аппарат только этим и станет заниматься.

— А в группе у тебя будет, — продолжал Серго, весело прищурившись, — ...пятнадцать человек...

Собрались, помню, мы все пятнадцать, посмотрели друг на друга и одновременно подумали, что и десяти наркоматов не хватит, если ориентироваться на штатных работников.

Тысячи рабочих и крестьян, комсомольцев, депутатов сельских советов, профсоюзных активистов пришли тогда к нам на помощь в этом большом государственной важности обследовании. Разумеется, мы привлекли сотрудников Наркомата Рабоче-Крестьянской Инспекции, но семьдесят пять процентов товарищей, проводивших проверку, были нашими нештатными инспекторами.

А уже через год мы внесли на рассмотрение правительства целый ряд новых законов».

Среди многих тысяч добровольных помощников и занозистый паренек из Кутаиса Георгий Гвахария. Комсомольская ячейка командировала его в Москву на учебу. Георгий выбрал институт внешней торговли. Если описывать совсем точно, то в самый первый раз Георгий пришел в Рабкрин не по зову сердца, а по вызову наркома. Гвахария неожиданно и срочно затребовал Серго.

— Так вот ты какой воинственный, земляк! — Серго усадил Гвахария рядом с собой на диванчике. — Анастас Микоян посоветовал мне познакомиться с тобой. Он был у вас на собрании, слышал как ты «громил» старых професоров. Петушишься, парень?.. Организуй из своих комсомольцев эскадрон «легкой кавалерии» при Рабкрине.

«Легкая кавалерия» тридцатых годов — боевая, славная предшественница «Комсомольского прожектора» наших дней!

После окончания института Георгий уехал в Лондон — сотрудником торгпредства. И снова вызов в Рабкрин. Приказ наркома: «Гвахария Г. Н. назначается инспектором».

Как и для очень многих сотрудников и добровольцев Рабкрин стал школой обучения рабочих и крестьян умению управлять государством.

— Центральный Комитет требует от нас людей на хозяйственную работу, — просто сказал Серго. — Ты, Георгий, пять строительных сразу потянешь?

— Пять?

— Поедешь в Донбасс начальником «реконструкции» — понимай, строительство пяти важнейших заводов.

В ту пору Георгием заинтересовался Константин Паустовский, пожалуй лучше многих знающий толк в романтиках и героях. В очерке, датированном 1933 годом, Паустовский рассказывает:

«...во главе всех пяти сверхударных строек Донбасса стоял Гвахария — человек, столь же стремительный в работе и решениях, как стремительно, взрываясь внутренней энергией, звучала его фамилия... Работа идет быстро, но без трагических перенапряжений, весело, но без хва-

стовства, спокойно, но без железно сжатых губ и свинцового взгляда».

Когда для страны самым главным, просто жизненно необходимым стал металл, Гвахария попросился на Магеевский завод. Хуже на Украине предприятия не знали. Георгий сделал его самым лучшим в стране. Первым, к удивлению очень многих хозяйственников и экономистов, отказался от государственной дотации. В те годы без дотации заводы не работали. Шаг Гвахария казался невероятным.

Но все это в годы более поздние. А пока Серго в Рабкрине, комсомолец Георгий руководит эскадронном «легкой кавалерии». Нарком Рабоче-Крестьянской Инспекции и председатель ЦКК — руководитель ленинского единого партийно-государственного контроля говорит: «Учить никого не сумеем, а вместе с учреждениями кое-что исправим».

«Кое-что» — это:

...Отмена шестидесяти различных налогов с промышленности. «Вы знаете, что это значит, — убеждал Серго, — высчитай каждый налог, запиши каждый налог, веди отчетность, веди переписку, держи громадную армию чиновников. А для чего? Почему же с нашей промышленности нельзя взять один-два налога? Только два. Взял 62, будет 2!».

...Полный пересмотр планов:

— По черной металлургии.

— По судостроению, добыче нефти, угля, руды, транспорту, хлопководству, строительному делу, отечественному тракторостроению, производству дизелей, автомобилей, турбин, паровозов, текстильных машин.

— По внешней торговле.

Первое признание «Большого Урала». Усилиями «закройщиков из Рабкрина» страна получает угольно-металлургическую базу на Востоке. «Споры по этим вопросам были горячие — докладывал Серго XVI партийному съезду. — Мне сегодня только показывали газету, где товарищи прорабатывали нас довольно изрядно... ЦК значительно изменил всю пятилетку черной металлургии. Вместо старой пятилетки ВСНХ, утвержденной в прошлом году... вместо 10 миллионов тонн чугуна — 17 млн. тонн. Выполнение этой задачи ставит нас на второе место в мировом производстве чугуна».

Все это проходило с крупными столкновениями, острыми конфликтами. Уж на что был невозмутим большой, грузный, влюбленный в свое дело харьковчанин Александр Брускин, будущий нарком машиностроения СССР, и тот втянул Серго в жестокую схватку. Потом с большим удовольствием вспоминал:

«Я тогда был начальником тракторного цеха Харьковского паровозостроительного завода. Цех этот делал 15—20 тракторов в месяц. Страна ввозила большое количество тракторов из-за границы, а вот с нашими тракторами получалось какое-то странное обстоятельство: мы затоваривались. Не хотели наркомземовцы и лесные организации брать наши тракторы, придирались, выдумывали всякие небывлицы.

Рабочее собрание цеха послало телеграмму в Наркомат РКИ. В этой телеграмме мы жаловались на наркомземовские и лесные организации, что они не покупают наших тракторов, не признают нашего производства. Товарищ Серго немедленно ответил нам по телеграфу и назначил расследование этого дела.

Наркомзем приложил все усилия, чтобы дискредитировать наши тракторы. Нас обвинили в демагогии. Один из расследователей предложил привлечь нас к строгой ответственности и хорошенько наказать нас за то, что мы затеяли шум.

Вопрос был поставлен на коллегии наркомата. Мы не теряли духа. И действительно, нам на помощь пришел Серго. Он остро поставил тогда вопрос о самокритике. Ведь нас хотели побить за то, что мы — маленький цех с неизвестным будущим — раскритиковали работников Наркомзема.

Серго сразу оценил нашу работу. Он увидел, что мы нашими экспериментами, нашей полукустарной работой готовим почву для развития боль-

шой тракторной промышленности Союза, и он целиком взял нас под защиту».

Защищая новый импортный стан Рабкрина, Серго смотрел далеко вперед. Он убежденно восклицал:

«А разве есть что-либо более прекрасное для нашей промышленности, для наших хозяйственников, чем то, чтобы вместо передачи заказов за границу, строить все, что только можно, у себя — в стране социализма.

Спрашивается, почему германские рабочие должны работать лучше на капиталистов Германии, чем наши рабочие на наших заводах? Где, когда было написано, что при диктатуре пролетариата рабочие не должны работать на свое дело лучше, чем на капиталистов?»

Я убежден, если перед нашими рабочими поставить вопрос, отдавать ли заказ, который мы можем сами выполнить, за границу или оставить у нас, то любой рабочий скажет: ни в коем случае за границу не отдавать, сделать здесь, на наших заводах!».

Это нисколько не мешало Серго во всеуслышание не раз заявлять:

«Вопрос о том, чтобы перенести к нам достижения заграничной техники, самый важный вопрос. Тут ничего нам чваниться своим коммунизмом».

Орджоникидзе постоянно посылал в долгие заграничные командировки инспекторов Рабкрина, видных хозяйственников, известных ученых и совсем молодых инженеров. Нередко включал в группы контроля крупнейших иностранных специалистов, знатоков своего дела.

Таков он был, руководитель Рабкрина, — не боялся никакой работы, не стеснялся никакой учебы и всей душой верил:

«У нас есть такие возможности, которых нет ни у американцев, ни у немцев. Нам суждено укрепить господство человека над природой!»

Марк ТРАСКУНОВ

Новое о Д. Фурманове

В короткой, но яркой, полной вдохновенного труда и героических свершений жизни выдающегося русского писателя Дмитрия Андреевича Фурманова (1891 — 1926) Кавказ и Грузия занимают важное место. Так же, как для корифеев русской литературы — Пушкина и Лермонтова, Льва Толстого и Горького — Кавказ был для будущего автора «Чапаева» источником вдохновения, дал ему яркие жизненные впечатления, которые побудили его взяться за перо.

В заполненной впоследствии анкете на вопрос о литературном стаже Фурманов ответил: «Между работой — с 1914 года. Вкоренную — с 1921». Таким образом сам писатель относит начало своей литературной деятельности к 1921 году, когда он провёл на Кавказе более четырех месяцев. В том же году вышло в свет его первое крупное художественное произведение — повесть «Красный десант».

С третьего курса филологического

В журнале «Литературная Грузия» № 3 за 1958 год был опубликован очерк М. Траскунова «Дмитрий Фурманов в Тбилиси». За прошедший с тех пор период удалось уточнить ряд дат и событий, связанных с пребыванием Д. А. Фурманова на Кавказе. Большая роль в этом принадлежит исследователю жизни и творчества Д. А. Фурманова П. В. Куприяновскому. Он, в частности, выявил много ценных материалов о длившемся 9 месяцев (в 1920—1921 гг.) пребывании Д. А. Фурманова на Кубани (в Краснодаре).

факультета Московского университета, Фурманов в ноябре 1914 года добровольно ушел в армию. На Кавказский фронт он прибыл в конце декабря того же года или в самом начале января 1915 года с санитарным поездом № 209, на котором служил «братом милосердия». Уже 5 января он отправил письмо матери из Тбилиси, а 6 февраля в дневниковой записи «На турецком фронте» указывает пункт прибытия раненых — станцию Навтлуги¹.

Фурманов несколько раз принимал участие в эвакуации раненых с передовых позиций в Тбилиси, Баку и Ереван. В его дневнике промелькнул и Батуми, очевидно, отвозили раненых и туда. Весь март 1915 года Дмитрий Андреевич, простудившийся в дороге, пролежал в земском лазарете в Тбилиси.

Основной базой его за время восьмимесячного пребывания на Кавказском фронте был Тбилиси. Он и письма просил писать по адресу: Тифлиссский вокзал, до востребования, или Тифлис, Жуковская улица, д. 2, Всероссийский Земский Союз, санитарный поезд № 209.

В июле 1915 года Фурманов ездил в Иваново-Вознесенск и в Москву. На обратном пути в Тбилиси он побывал в Кисловодске, Пятигорске и Железноводске, а затем по Военно-Грузинской дороге возвратился в Грузию.

¹ Д. А. Фурманов, Дневник. 1914—1915—1916. М., 1930, стр. 17.

Величественная природа Кавказа, ожившие в памяти романтические образы, созданные Пушкиным и Лермонтовым, вдохновили Дмитрия Андреевича, и он решил попробовать свои силы в поэтическом творчестве. Он пишет стихи «Мцыри», «Гудаур», «Терек», «Ночь на Кавказе», «Плачущая ива» и другие (все они не опубликованы)¹.

Фурманов предпочел всем другим фронтам Кавказский. Его тянуло в этот край.

«Сманил, увлек меня Кавказ, — писал Фурманов в своих дневниках 2 апреля 1915 года, — не устоял перед искушающей его красотой и приехал сюда...».

Разъезжая по растянувшемуся на сотни километров Кавказскому фронту с санитарной летучкой, Фурманов лицом к лицу столкнулся с ужасами войны. Уже первый год войны принес крушение романтических иллюзий, с которыми он отправился в действующую армию.

«Мы были настроены романтично, — писал он в дневнике в октябре 1915 года, — а жизнь, конечно, посмеялась над романтизмом и послала ему в лицо заслуженный плевок — заслуженный и необходимый в такое серьезное, не улыбающееся время...»

Помимо дневников, Фурманов описывает фронтовую жизнь и в очерках. Некоторые из них, как, например, «Братское кладбище», напечатано в газете «Русское слово».

С уверенностью можно сказать, что пребывание на Кавказе в 1915 году явилось для писателя не только хорошей политической школой, но и школой литературного мастерства. Вместе с ростом политической зрелости оттачивалось и его перо.

В сентябре 1915 года Дмитрий Фурманов переводится с Кавказского фронта на Юго-Западный, куда до этого перевелась А. Н. Стещенко, его будущая жена.

Осенью 1916 года Фурманов возвращается в родной Иваново-Вознесенск. Здесь его застала Великая Октябрьская социалистическая революция. Активное участие в революцион-

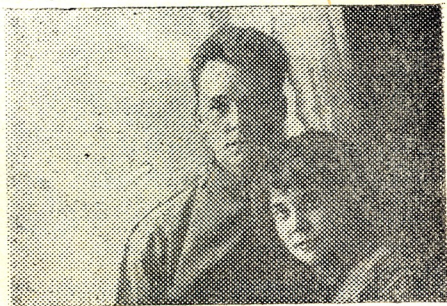
ной борьбе, руководящая работа в Совете, пропагандистская деятельность среди рабочих, дружба с закаленным ленинцем М. В. Фрунзе помогли Фурманову определить свой дальнейший жизненный путь. В июле 1918 года он вступил в ряды Коммунистической партии. Вскоре с отрядом ивановских ткачей он отправляется на Восточный фронт, против Колчака.

По предложению М. В. Фрунзе Д. А. Фурманов назначается комиссаром прославленной 25-й стрелковой дивизии, которой командовал В. И. Чапаев, чьим образом он обогатил советскую литературу. С августа 1919 года Дмитрий Андреевич работает заместителем начальника, а затем начальником политотдела Туркестанского фронта.

В июне 1920 года уполномоченный Реввоенсовета Туркестанского фронта Фурманов руководит ликвидацией контрреволюционного мятежа в городе Верном (ныне Алма-Ата). Это событие писатель запечатлел в повести «Мятеж».

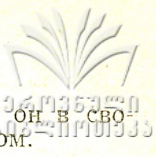
В августе 1920 года Фурманова переводят на Кубань. Он попал туда в тяжелый момент наступления высадившихся на побережье Азовского моря частей Врангеля. Комиссар красного десанта, направленного в тыл врага, он лично вместе с командиром десанта легендарным Ковтюхом участвует в боях, за что награждается орденом Красного Знамени. Этот славный рейд нашел отражение в повести «Красный десант».

Вскоре Дмитрий Андреевич назначается заместителем начальника, а затем начальником политотдела 9-й Кубанской Армии. Инструктором политотдела в этот период работал Никита Сергеевич Хрущев.

На снимке: Д. А. Фурманов с женой А. Н. Стещенко. 1919 г.

¹ Адрес Д. А. Фурманова в Тбилиси, сведения о его поездке в Иваново-Вознесенск и Москву в 1915 году и даты написания стихов выявлены П. В. Куприяновским.

В марте 1920 года Фурманов обратился в Центральный Комитет РКП(б) с просьбой направить его на Кавказский фронт. «Прошу, — писал он, — об отзыве меня с поста начальника политотдела Туркестанского фронта и командировании меня на Кавказский фронт, где я работал в 1914—1915 годах и где буду несомненно более полезен, чем здесь»¹.

Вскоре после установления Советской власти в Грузии, в апреле 1921 года, Д. А. Фурманов вторично приезжает в Тбилиси. Теперь это был совсем не тот Фурманов, который 6 лет назад впервые увидел Кавказские горы. Он был одним из руководящих политических работников Красной Армии, человеком со значительным жизненным и политическим опытом, принципиальным большевиком и бойцом партии, проявившим незаурядные способности в боевых и организаторских делах. Ему уже довелось до приезда сюда работать под руководством таких выдающихся деятелей партии, как М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе. Фурманов видел и слышал вождя революции В. И. Ленина, был делегатом VIII Всероссийской конференции РКП(б), VII и VIII Всероссийских съездов Советов, участником I Всероссийского совещания политработников Красной Армии.

Большое воздействие на всю деятельность Фурманова, на его духовное развитие оказало активное участие в печати. Только за 1920—1921 гг. им было напечатано в различных газетах и журналах свыше 100 статей².

«...Где бы он ни был, на какой бы пост ни поставила его партия, Фурманов всегда был связан с печатью, боролся за улучшение ее качества, за широкое распространение ее органов, за расширение круга ее читателей и авторов»³.

Вместе с тем Д. А. Фурманов ощущал в себе призвание писателя, мечтал о создании больших художественных полотен. «Было огромное желание поработать на поприще лите-

ратурном», — записывает он в своем дневнике перед отъездом.

В Тбилиси Дмитрий Андреевич назначается временно исполняющим должность начальника редакционно-издательского отдела политуправления XI Армии и редактором газеты XI Армии «Красный воин», одной из старейших и лучших в то время красноармейских газет, созданных при участии С. М. Кирова. Славный комиссар Чапаевской дивизии был в числе посланцев русского народа, пришедших на помощь трудящимся Закавказья в их освободительной борьбе.

В приказе № 555 по политотделу XI Армии от 19 апреля 1921 года говорилось: «...прибывший из поарма 9 Кубанской тов. Фурманов Дмитрий Андреевич зачисляется врид начредиздата поарма XI и на все виды доверствия согласно аттестата. Справка, удостоверение поарма 9 № 2576 от 10/IV—21 года»¹.

Таким образом, из Краснодара Фурманов выехал не раньше 10 апреля, а прибыл в Тбилиси не позднее 19 апреля 1921 года.

С 22 апреля по 6 мая он редактировал газету «Красный воин», подписав 12 номеров, по 6 мая включительно.

В приказе по политотделу XI Армии № 616 от 5 мая 1921 года сказано: «Врид начредиздата поарма XI тов. Фурманов Дмитрий Андреевич откомандировывается в распоряжение Покавфронта...»².

Значит Д. А. Фурманов выехал из Тбилиси в Ростов н/Д не раньше 6 мая. Там он пробыл до 18—20 мая, а 22 мая 1921 года возвратился в Москву.

В некоторых источниках ошибочно указано, что Фурманов приехал в Грузию в марте 1921 года³. Эта да-

¹ Цит. по кн.: А. Мнацаканян. Посланцы Советской России в Армении. Ереван, 1959, стр. 167.

² Е. Наумов. Д. А. Фурманов. М., 1954, стр. 37.

³ А. Бережной. Фурманов — журналист. Л., 1955, стр. 76.

¹ Машиннописная копия статьи К. Стогова (Н. Ф. Брычева), хранящаяся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, ф. 522, оп. 1, ед. хр. 23, лл. 54—58 (фотокопия).

² Там же.

³ Аналогичная ошибка допущена и мною в статье «Дмитрий Фурманов в Тбилиси», опубликованной в 1958 году. Время пребывания Д. А. Фурманова в Тбилиси в 1921 году уточнено Н. Ф. Брычевым, П. В. Куприяновским и заслуженной артисткой РСФСР А. А. Зиновьевой, приехавшей в Тбилиси в 1921 году с семьей Фурмановых.

та значится и в Почетной Грамоте, которой наградила Реввоенсовет республики газету «Красный воин». Д. А. Фурманов действительно принимал участие в армейском совещании военкоров XI Армии, открывшемся в Тбилиси в марте 1921 года, выступал с докладом, председательствовал на одном из заседаний. Он очень многое сделал для укрепления связей газеты с военкорами. Но армейское совещание военкоров началось в Тбилиси до приезда нового редактора.

Немногие дни пребывания Фурманова в Грузии до отказа заполнены кипучей, творческой, организаторской работой, в которой ярко раскрываются его замечательные черты большевика, редактора, бойца.

«Положение газеты невозможно, — писал Д. А. Фурманов вскоре после приезда в Тбилиси. — В типографии нет наборщиков, нет бумаги». Однако главный недостаток состоял в том, что газета была слабо связана с красноармейскими массами, стра-

ницы ее заполнялись преимущественно материалами штатных сотрудников.

Вывести газету из тяжелого положения, укрепить ее связь с войсками, поднять ее роль как коллективного агитатора, пропагандиста и организатора масс мог только большой приток свежих сил военкоров. И новый редактор сосредоточил на этом главное внимание. Под руководством Д. А. Фурманова продолжает и успешно завершает свою работу первое в Красной Армии инструктивное совещание военных корреспондентов, длившееся целый месяц (военкоры собирались только в воскресные дни). Политотдел Армии обратился ко всем партийным ячейкам, коллективам и военкомам частей с призывом создать сеть военкоров и живых газет. В «Красном воине» из номера в номер публиковалась «Страничка военкора».

Красноармейцы живо откликнулись на обращение своей газеты. В редакцию посыпались письма, за-

На снимке: группа политработников 9-ой Кубанской Армии Кавказского фронта (1920 г.). В первом ряду справа — начальник политотдела Армии Д. А. Фурманов; во втором ряду (пятый справа) — инструктор политотдела Армии Н. С. Хрущев.

метки. Особенно много поступало стихотворений. На страницах «Красного воина» стали чаще появляться военкоровские заметки, письма. По содержанию газета стала ближе к красноармейским массам, больше места отводилось освещению жизни воинских частей.

29 апреля вместо передовой статьи в газете публикуется «Обращение редакции к читателям», по-видимому, написанное Д. А. Фурмановым.

«Присылайте заметки, письма и указания, — говорилось в нем. — Не порывайте с редакцией духовной связи, не только интересуйтесь, но и заботьтесь о своей газете — это самый верный и единственный путь сделать еще более содержательным и интересным наш «Красный воин»...»

В том же номере газеты опубликовано обращение редакции к политработникам дивизий и тыла с призывом активизировать участие в печати.

«...Если вы видите недостатки, — говорилось в обращении, — не молчите: ваше молчание будет не только гражданским, но и партийным преступлением».

В докладе на совещании военкоров Фурманов говорит о следующих основных задачах газеты:

1) сохранение боеспособности частей;

2) укрепление взаимоотношений Красной Армии и населения (Красная Армия должна быть по отношению к населению инструктором Советской власти);

3) поднятие уровня сознательности красноармейцев до уровня коммунистического миропонимания.

По инициативе Д. А. Фурманова на страницах «Красного воина» вводятся новые отделы и рубрики: «Военный отдел», в котором регулярно помещались статьи по военным вопросам, «Красноармейское творчество», «Нашим поэтам». В газете публикуются заметки Петра Павленко, стихи Бориса Ковычева. Центр ее внимания переносится из тыловых во фронтовые части.

Редактор требовал от всех сотрудников писать просто и ясно, чтобы их статьи и заметки были понятны всем красноармейцам. Редактируя статью или заметку, Фурманов ограничивался лишь самыми необходимыми поправками, стараясь сохранить стиль и особенности языка автора.

Важной заботой Фурманова было

воспитание бойцов многонациональной XI Армии в духе дружбы народов и пролетарского интернационализма. Ведь на пополнение армии вместе с русскими шли грузины, армяне, азербайджанцы, осетины. С ними нужно было работать, обучить их военному делу, дать политические знания. В составе армии были созданы национальные части. «Красный воин» систематически освещал жизнь грузинских, армянских и азербайджанских воинских формирований. Особое внимание уделялось укреплению связей и дружбы воинов с местным трудящимся населением, оказанию помощи ему в восстановлении хозяйства, в культурно-просветительной работе.

Фурманов выступал в Закавказье, как до этого в Туркестане, пламенным пропагандистом и проводником национальной политики партии, ленинских идей солидарности народов. «Мы не хотим национальной вражды и национальной розни, — писал Фурманов, — ибо в нашей розни и наша могила. Мы боремся за братство всех угнетенных, за общую дружную борьбу с капитализмом, за свободную счастливую жизнь». «Стойте твердо, — призывал Фурманов, — на страже Советской власти, которая объединила вокруг себя всех трудящихся независимо от национальных различий»¹.

Газета настойчиво разъясняла, что советские воины — друзья и братья трудящихся Закавказья, что уважение к национальным особенностям населяющих его народов и суверенитету молодых советских республик — Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР является первой заповедью Красной Армии.

Большое внимание уделял Д. А. Фурманов культурному досугу воинов. По его инициативе политотдел армии начал издавать журнал «Отдых красноармейца». Редактор придавал большое значение умелому расположению материалов на полосах газеты, их доходчивости, тесной связи формы с содержанием. По его инициативе газета «Красный воин» объявила конкурс на художественный рисунок-виньетку для заголовка га-

¹ А. Н. Мнацакянц. Материалы о деятельности Д. А. Фурманова в Закавказье. Газета «Коммунист» (Ереван), 24 февраля 1959 г.

зеты. С 30 апреля «Красный воин» стал выходить с виньеткой в заголовке. На ней был изображен красноармеец с винтовкой в лучах восходящей звезды.

Интересны воспоминания о Д. А. Фурманове одного из работников «Красного воина», участника армейского совещания военкоров, старейшего военного журналиста, члена КПСС с 1917 года, Германа Борисовича Броварского. Вот, что он пишет:

«Мы приехали в Тифлис за два дня до открытия совещания. На Баятинской улице, где помещался Поарм и редакция «Красного воина», нас встретил человек среднего роста с прекрасными добрыми глазами, приветливо оглядывавшими каждого. Он сразу располагал к себе лучистой улыбкой, товарищеской простотой, задушевностью и органически присутствующей ему скромностью. В непревзойденном по художественному мастерству кинофильме «Чапаев» эти характерные качества Фурманова вообще правильно отображены в роли комиссара дивизии. Но в картине он несколько медлителен, — в жизни Фурманов был более динамичен, стремителен, оперативен, целеустремлен.

Эти черточки мы почувствовали еще до открытия военкоровского совещания, во время предварительных товарищеских бесед, которые Фурманов провел с каждым редактором дивизионной газеты¹. Он поставил передо мной ряд вопросов, свидетельствовавших, что новый редактор уже успел познакомиться с оперативной обстановкой в дивизии и больше всего был озабочен, достаточно ли связана газета с передовыми частями, несущими охрану нашей границы с Персией.

Фурманов не был пламенным митинговым оратором, но сила влияния его речи была очень велика. Слушателей покоряла не только глубина и ясность мысли, но и чувствовавшаяся во всем громадная уверенность оратора в правильности высказываемых предложений, выводов и в необходимости быстрого их осуществления в интересах партии. По существу он разъяснял применительно к новому этапу, в который вступала

армия, старый, но вечно новый ленинский организационный принцип об укреплении связей редакции с широкими массами бойцов.

«Теснее связаться с массой» — вот главная мысль доклада Фурманова¹.

Организаторская деятельность Фурманова в газете характеризуется большим размахом и зрелостью. Она нашла признание среди читателей, была отмечена Революционным Военным Советом республики.

Редакционная работа Фурманова составляла неотъемлемую часть всей его политической, партийной работы.

Большевистская принципиальность Д. А. Фурманова ярко проявилась и в его отношении к редакционным кадрам. Ко времени работы в «Красном воине» относятся две дневниковые записи Фурманова, имеющие важное принципиальное значение в его борьбе за ленинские принципы партийности печати. Говоря о пришедших в печать молодых, жадных к делу, охваченных революционным энтузиазмом работников, Фурманов писал:

«Благородные, трудолюбивые, не помышляющие про «копейку». Все простые ребята. Посмотреть, не поверишь, что они пишут такие содержательные, серьезные статьи, что это у них из-под пера выходят такие звучные прекрасные стихотворения, что это они создают красноармейские песни, рассказы, повести...»².

Бок о бок с редактором «Красного воина» работала талантливая молодежь, из которой впоследствии выработались отличные советские журналисты: Броварский, Джиган, Авенир, Ильин, Питерский и другие. Но таких людей в редакциях было еще мало. Приходилось прибегать к услугам специалистов, еще недавно сотрудничавших в буржуазной прессе. Многие из них искренне стали на сторону Советской власти, но были и такие беспринципные, бойкие на перо и жадные до денег люди, которые пытались перенести в красноармейскую печать нравы желтой прессы, служили, как говорил Фурманов, «и богу и Маммоне». Несколько «спецов» было и в редакции «Красного

¹ Сборник «Фурманов в воспоминаниях современников». М., 1959, стр. 105.

² Архив Д. А. Фурманова (Институт мировой литературы им. Горького). П. 1921. 62803. Запись 23 апреля 1921 года.

¹ До перехода на работу в «Красный воин» Г. Б. Броварский редактировал одну из дивизионных газет XI Армии.

война». Об одном из них Фурманов писал:

«При меньшевиках напропалую честил нашего брата, большевиков, давал передовые, задавал общий тон кампании. А теперь? Теперь он «почем зря» кроет дашнаков, а на ближайшие дни ему «заказано» покрыть меньшевиков. И покроет, еще лучше и крепче нас покроет — будьте покойны»!.

Один из важных принципов работы Фурманова-редактора — коллегиальность. Он тщательно обсуждал с сотрудниками макеты будущих номеров газеты, внимательно прислушивался к их советам и замечаниям, вместе с ними редактировал их материалы. 28 апреля он созвал совещание сотрудников «Красного воина», посвященное улучшению газеты. Каждый военкор мог в любое время зайти к Фурманову, посоветоваться с ним, показать ему свою заметку.

Много времени у редактора отнимала забота о бумаге, шрифтах, наборщиках. Газета выходила на желтой оберточной бумаге небольшим тиражом. Средств на ее издание не хватало. «Красный воин» обратился к читателям с призывом: «Берегите газеты, не рвите их, а возвращайте в те учреждения, откуда получили».

В период, когда Д. А. Фурманов редактировал «Красный воин», политотдел Армии находился в доме № 6 по бывшей Барятинской улице (ныне улица Джорджиашвили). Там же, во дворе, в отдельном двухэтажном каменном доме размещалась редакция. Работал Фурманов много, не покладая рук, очень четко и организовано. Занятый разносторонней организаторской и редакторской деятельностью, большой работой в политотделе и частях армии, он успевал немало писать и сам.

Достаточно сказать, что в семи из двенадцати номеров газеты «Красный воин», отредактированных Фурмановым, семь передовых статей на различные, преимущественно международные, темы написаны им лично. Вот перечень этих статей:

1. «В тенетах лжи» — 22 апреля (о положении в Германии).

¹ Архив Д. А. Фурманова (Институт мировой литературы им. Горького). П. 1921. 62803. Запись 26 апреля 1921 года. Опубликовано в книге А. Бережного «Фурманов-журналист». Ленинград, 1955 г.

2. «В чем наша сила» — 23 апреля (по поводу перевыборов Советов в Москве).

3. «Революция в Германии» — 24 апреля.

4. «Бойцы или мстители» — 27 апреля (в заголовке, вероятно, ошибка, по смыслу надо: «Бойцы, а не мстители»). Статья посвящена декрету Ревкома Армянской ССР об амнистии.

5. «Кофейные плантации» — 28 апреля (о судьбе врангелевцев).

6. «Мы растем» — 30 апреля.

7. «Перед решительным боем» — 1 мая.

Из названных статей только две — «В тенетах лжи» и «Кофейные плантации» напечатаны в 3-м томе собрания сочинений Д. А. Фурманова издания 1952 года.

Фурманов умело использовал любое событие международной жизни для воспитания у красноармейцев, командиров и политработников чувства гордости за свою Советскую Родину, братской солидарности с трудящимися всего мира.

Статьи Фурманова в «Красном воине» показывают, как глубоко разбирался он в сложных международных вопросах, как умел с гневом и революционным пафосом разоблачить и пригвоздить к позорному столбу врагов трудящихся.

Глубокой иронией, например, проникнута написанная им передовая статья «На кофейных плантациях», клеймящая белоземгрантов, нашедших приют у плантаторов Южной Америки.

Статьи Фурманова всегда предельно ясны по мысли, конкретны и целеустремленны. Значительная часть их написана от первого лица, в форме прямых обращений к читателям. Язык Фурманова образен, метафоричен. В качестве эпитетов он выбирает наиболее яркие и емкие слова, органически входящие в ткань его публицистики.

Д. А. Фурманов сотрудничал не только в газете «Красный воин», но и в журнале «Политработник» — органе политотдела XI Армии. В № 3 — 4 этого журнала, вышедшем в свет 18 мая 1921 года, уже после отъезда Д. А. Фурманова из Тбилиси, была опубликована его статья «О новых формах агитации и пропаганды».

Публицистика Фурманова воспитывала бойцов в духе высокой рево-

люционной сознательности. Она помогала понять смысл происходящих событий, укрепляла в них патриотические чувства, пролетарский интернационализм, теснее сплачивала их вокруг Коммунистической партии и Советской власти.

Работа в газете способствовала развитию у писателя острой наблюдательности, умения в будничных явлениях и фактах различать ростки нового, улавливать большие глубинные процессы и сдвиги и давать им правильную оценку с позиций марксистско-ленинского учения. Его статьи выходили за рамки обычных газетных материалов. Их отличал высокий идейный уровень, боевой партийный дух, широта мысли, глубина анализа. Вся пропагандистская деятельность газеты, редактируемой Фурмановым, была проникнута ленинскими идеями и основывалась на ленинских директивах об учете своеобразия условий Кавказа.

Д. А. Фурманов жил в Тбилиси в Советских номерах (бывшая гостиница «Гранд-отель» по Мостовой улице, ныне ул. К. Маркса, 1). В одной из своих дневниковых записей, относящихся к началу мая 1922 года, он вспоминал:

«... Жили мы возле парка, кажется, называется Александровским. Тут над самой Курой, свесившись балконами над мутными волнами, у самого моста Советские номера, общежитие. Я занимал отличных 3 комнаты, где много света, воздуха, где два балкона, краснорархатная мебель...»¹

Фурманов умел не только организовано и деловито работать, но и весело отдыхать. После трудного, напряженного рабочего дня у него дома часто собирались товарищи, разгорались споры, звучали песни. «Ах, песня, песня, что ты можешь сделать с сердцем человека!» — говорил он.

Писатель проявлял большой интерес к Тбилиси, восхищался его красотой и живописностью. Дмитрий Андреевич с женой и друзьями знакомился с достопримечательностями города, поднимались на гору Мтацминда, побывали на могиле А. С. Грибоедова.

Чем объяснить кратковремен-

ность пребывания Д. А. Фурманова в Грузии в 1921 году? Одной из причин явилось стремление Дмитрия Андреевича поскорее заняться писательской деятельностью, для чего в Москве были более благоприятные условия.

Известную роль в этом, по свидетельству Г. Б. Броварского, А. А. Зиновьевой, А. Н. Степенко, сыграло и то, что Д. А. Фурманов не срабатался с начальником политотдела XI Армии М. Лисовским.

Семья Фурманова была тесно связана с искусством. Высоко оценивая его роль, Дмитрий Андреевич отдавал много энергии организации красноармейской самодеятельности. А. Н. Фурманова в 9-й Кубанской Армии руководила театральной студией.

В одном из номеров «Красного воина» за апрель 1921 года можно было прочесть следующее объявление: «В выпуске № 5 живой газеты «Красный воин» примут участие т. т. Лисовский, Сутырин, Фурманов, Богатков, Скворцов, Броварский...»

Живя в Тбилиси, семья Фурмановых поддерживала знакомство с семьей старого большевика Елифана Нодия. Фурмановы бывали в семье Нодия и часто встречались там с различными представителями грузинской интеллигенции, старыми большевиками — друзьями Елифана Нодия.

В Тбилиси Д. А. Фурманов продолжал работу над повестью «Красный десант», начатой еще на Кубани, просматривал свои фронтовые записи, собирал документы, вынашивал план «Чапаева», готовился к большой творческой писательской работе.

Фурманов не порывал связи с «Красным воином» и после отъезда из Грузии.

* * *

В жизни Д. А. Фурманова пребывание в Грузии оставило неизгладимый след. В его памяти навсегда запечатлелись природа Грузии, ее люди.

О глубоком уважении и любви Фурманова к грузинскому народу он сам говорит в написанном в 1925 году очерке «Ломджария, Дмитрий Солмонович».

Летом 1925 года Д. А. Фурманов в третий раз приехал в Грузию. Он лечился в Мацесте, а затем отправил-

¹ Фонды рукописного отдела библиотеки имени В. И. Ленина (г. Москва), ф. 320, XII—10, л. 349. Запись выявлена П. В. Куприяновским.

ся оттуда в Гагра, Гудаута, Новый Афон, Батуми. Это пребывание писателя в Грузии нашло отражение в цикле очерков «Морские берега».

Между писателем и начальником почты в Новом Афоне Д. С. Ломджария произошел следующий диалог:

Ломджария спрашивает Фурманова:

«— Вы русский?»

— Русский.

— Вот потому я имел до вас особый симпатию. Я сразу вас считал, как товарищ, потому грузин всегда любит русский товарищ.

— Да уж тут как раз, — подтвердил я ему... — я и сам люблю грузин, хороший народ...».

Дмитрий Фурманов с глубоким вниманием и уважением знакомился с интереснейшим бытом и формами жизни, языком, культурой, чертами нацио-

нального характера грузинского народа и всех народов Закавказья. Он много читал по истории Кавказа, об его экономике, классовом и национальном составе населения. Живой интерес писателя вызывало славное революционное прошлое, самоотверженная борьба трудящихся Грузии и всего Закавказья, руководимых боевыми, закаленными, построенными на ленинских принципах пролетарского интернационализма коммунистическими организациями, за свое социальное и национальное раскрепощение.

Трудящиеся Грузии навсегда сохранили память о выдающемся сыне русского народа, замечательном писателе Дмитрии Фурманове, который один из первых передал в своем творчестве пафос революции, показал нового героя-коммуниста.

Подписано к печати 27 марта 1963 г. 6 печ. листов + 1 вкл.

Формат бумаги 70 × 108^{1/16}.

Заказ № 414

Тираж 3000

УД 06796

Цена 40 коп.

ჟურნალი „ლიტერატურნია გრუზია“

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ხარია ვოსტოკა“

Типография издательства ЦК КП Грузии «Заря Востока»
им. А. Ф. Мясникова, Тбилиси, проспект Руставели, 42.

0 710
Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117